

ISSN 0132-1366

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО • 3
• ВЕДЕНИЕ
2002

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт славяноведения

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

3
2002
МАЙ
ИЮНЬ

Содержание

СТАТЬИ

- Лобанова М.В.* (Харьков). Балканские социал-демократические конференции 1909 и 1911 годов и вопрос об объединении левых сил в Болгарии 3
- Стыкалин А.С.* (Москва). Советская культура в восприятии центрально-европейской интеллигенции (вторая половина 1940-х годов) 13
- Якушкина Е.И.* (Москва). Современная сербская диалектная лексикография 23
- Багдасаров А.Р.* (Москва). О нормировании хорватского литературного языка и языковой политики в 80–90-х годах XX века 40

СООБЩЕНИЯ

- Исаева О.Н.* (Саратов). Национальное самосознание славянского населения Македонии в начале XX века (по свидетельствам российских консулов) 50

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

- Пашаева Н.М.* Славянская учебная библиотека О.М. Бодянского. Каталог 57
- Досталь М.Ю.* С.В. Смирнов. Отечественные филологи-слависты середины XVIII – начала XX в. Справочное пособие 59
- Шабловская И.В.* История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны: В 2-х т. Том второй. 1970–1980-е годы 60
- Корчагина М.Б.* Entstalinisierungskrise in Ostmitteleuropa. 1953–1956. Vom. 17. Juni bis zum ungarischen Volksaufstand. Politische, militärische, soziale und nationale Dimensionen 65

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Шведова Н.В.* Круглый стол "Художник и власть. Деятели славянской культуры в неволе и о неволе" 67
- Проскурнина М.* Круглый стол "Постмодернизм в литературах Центральной и Юго-Восточной Европы: за и против" 69

ЮБИЛЯРЫ

Юбилей Галины Павловны Мурашко	72
К 75-летию Тофика Муслимовича Исламова	73
К 70-летию Юрия Васильевича Богданова.....	76
Новые издания Института славяноведения РАН	78

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

**В.К. ВОЛКОВ (главный редактор), М.А. ВАСИЛЬЕВ, Г.К. ВЕНЕДИКТОВ,
Р.П. ГРИШИНА, В.И. КОСИК, Г.Ф. МАТВЕЕВ,
В.В. МОЧАЛОВА, С.В. НИКОЛЬСКИЙ, В.Я. ПЕТРУХИН,
М.А. РОБИНСОН (зам. главного редактора),
Л.А. СОФРОНОВА, Б.Н. ФЛОРЯ, В.А. ХОРЕВ, Т.В. ЦИВЬЯН**

Ответственный секретарь
А.В. БОЛДОВ

Заведующие отделами: *Адельгейм И.Е.* (отдел литературоведения),
Белова О.В. (отдел культурологии), *Валенцова М.М.* (отдел лингвистики),
Васильев М.А. (отдел истории)

Зав. редакцией *Е.В. Пономарева*

Сотрудники редакции: *Авакова Л.А., Веслова И.Ю., Кошкина Е.А.*

Адрес редакции: 117334, Москва, Ленинский пр-т, 32а. Телефон 938-01-20
E-mail: vasilyev@FL09.tower.ras.ru

© 2002 г. М.В. ЛОБАНОВА

БАЛКАНСКИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ КОНФЕРЕНЦИИ 1909 и 1911 ГОДОВ И ВОПРОС ОБ ОБЪЕДИНЕНИИ ЛЕВЫХ СИЛ В БОЛГАРИИ

Столкновения интересов России, Германии, Австро-Венгрии и Франции на Балканах не раз создавали как кризисные ситуации в этом регионе, так и опасное противостояние в большой политике (активно подогреваемое противоборством русофильских и прозападных партий в парламентах многих балканских стран). Различные исторические условия каждый раз диктовали свои пути решения балканских проблем, которые то принимали форму переговоров и всевозможных проектов (Балканской конфедерации или Балканского союза), то выливались в открытые вооруженные конфликты (Балканские войны 1912–1913 гг.). Одним из вариантов стабилизации положения в регионе стала идея объединения социалистических сил, предложенная Международным социалистическим бюро (МСБ) II Интернационала.

Собственно, сама идея Балканской федеративной республики была предложена Д. Благоевым еще в 1885 г. и воспринималась тогда как развитие тезиса о солидарности балканских народов – положения, бывшего "сокровенной мечтой революционных демократов" Балкан во второй половине XIX в. [1. С. 180]. Концепция сильного единого государства, проводящего самостоятельную экономическую политику и осуществляющего внешнеполитический курс независимо от влияния великих держав, импонировала многим политическим партиям и движениям. В частности, в Болгарии лозунг Балканской федерации выдвинули Радикальная партия и партии "широких" и "тесных" социалистов, Болгарский земледельческий народный союз (БЗНС). Однако для "тесных" и "широких" социалистов расхождение во взглядах на возможное балканское объединение означало концептуальное различие в восприятии теории и тактики II Интернационала. Если для "широких" социалистов являлся приемлемым вариант компромиссов с различными политическими силами страны, вследствие чего проект Балканской федерации становился проблемой актуально насущной, то для "тесняков" о компромиссах не могло быть и речи, что, в свою очередь, переводило проблему Балканской федерации исключительно в плоскость лишь теоретических построений. Полем реального противостояния болгарских социал-демократических партий по вопросу единства социалистического движения и политического объединения Балкан стали региональные социалистические конференции.

На Первой Балканской социалистической конференции 1909 г. влияние ортодоксальной БРСДП (т.с.) обусловило классовый подход к проекту Балканской федерации. Однако необходимо подчеркнуть, что теоретики партии "тесных социалистов" имели

довольно смутное представление о форме будущей федерации, поскольку "изначально этот вопрос был поставлен недостаточно ясно, в основном как идея или программа", и только после младотурецкой революции "партия приступила к его теоретическому обоснованию" [1. С. 169]. Ярво выраженная классовость подхода "тесняков" в вопросе о Балканской федерации и их откровенное отстранение от участия в первом, демократическом, этапе ее формирования позволили более гибким социалистическим партиям, таким как БРСДП (о)¹, выдвинуть концепцию переходного периода развития федерации или конфедерации на Балканах, который мог бы объединять на первых порах даже страны, сохраняющие "буржуазные монархии". Белградская (так называемая подготовительная) конференция 1911 г. стала фактически первой и последней социалистической конференцией на Балканах, говорившей о мире и демократизме в духе лучших традиций пацифистской и объединительной тактики II Интернационала. Последовавшая мировая война и раскол II Интернационала обнажили скрытые процессы внутрисоциалистической конфронтации. Это обусловило тот факт, что Вторая Балканская социалистическая конференция 1915 г., которой предшествовало полное крушение надежд на объединение социалистических сил в Болгарии, была более радикальной, чем подготовительная конференция 1911 г., хотя внешне в рамках и той и другой конференции использовался лозунг демократической Балканской федерации.

В новом историческом контексте, на фоне мировых катаклизмов второго десятилетия XX в. у входивших в Коминтерн партий формировалось иное видение политического объединения на Балканах. В рамках политики III Интернационала возникла концепция Балканской или даже Балкано-Дунайской федерации, в которой демократическая платформа заменялась социалистической, причем это был только этап на пути к Всемирной советской федеративной социалистической республике [2. С. 147]. Военные и послевоенные годы поставили проблему формирования Югославии как южнославянской федерации с возможным равным или дуалистическим присоединением Болгарии [3]. Однако все эти проекты складывались в иных исторических условиях и имели иные политические цели и задачи. Накануне же Балканских войн и катастрофы 1914 г. именно балканские социалистические конференции стали реальным опытом союза левых партий, что представляет несомненный интерес как показатель интеграционных процессов в Балканском регионе.

Интенсивное развитие национальных социал-демократических движений на Балканах в начале XX в. заставило различные течения социалистов искать пути для сближения. Так возникла острая необходимость в проведении межбалканских конференций социалистических партий. На созыве таких конференций в разное время настаивали представители практически всех социалистических групп балканских стран. Однако свой, индивидуальный взгляд на возможность консолидации социал-демократических сил имеется у каждой социал-демократической партии региона. Таким образом, проблема социалистической интеграции на Балканах стала частным отражением тех разногласий, которые так явно проявились в работе II Интернационала, когда на первый план вышло столкновение радикального, центристского и реформистского (бернштейнианского) восприятия путей развития социалистической теории и тактики.

Особенно остро эти противоречия проявились в болгарском социал-демократическом движении, где они приобрели устойчивые формы и даже стали основой для формирования двух самостоятельных партий: сектантски ограниченной, радикальной Болгарской рабочей социал-демократической партии (тесных социалистов) (БРСДП (т.с.)) и Болгарской рабочей социал-демократической партии (широких социалистов) (БРСДП (ш.с.)), в основу которой легли принципы реформизма.

Своеобразие развития болгарской социал-демократии, так же как и популярность болгарского социализма на Балканах в первое десятилетие XX в., заставляют обра-

¹ С 1905 г. в социал-демократическом движении Болгарии существовали три независимые группы: БРСДП (т.с.), БРСДП (ш.с.) и оппозиционное БРСДП (т.с.) движение анархо-либералов и прогрессистов (позднее союз "Пролетарий"), которое на правах самостоятельной фракции ("левица") вошло в 1909 г. в состав БРСДП (ш.с.), отныне "объединенной" (БРСДП (о)).

тить особое внимание на исторические источники, возникшие в этот период. Ранее большинство из них либо подвергалось сознательной фальсификации, либо в принципе было недоступно ни для советских, ни тем более для зарубежных исследователей. Только в последние годы, когда вновь осознающие свою самостоятельность от советского идеологического диктата балканские государства осмысливают ранее "стертые" моменты своей политической истории, вопрос о Балканских социалистических конференциях начала XX в. может быть поставлен вновь, но уже на качественно новом уровне, на основании всестороннего изучения имеющейся источниковой базы.

Основой документальной базы по данному вопросу являются материалы руководящих органов обеих болгарских социалистических партий, журнальные и газетные статьи и наконец, что особенно интересно, комментарии, обращения и личная переписка представителя МСБ II Интернационала К. Раковского, в обязанности которого входило всемерное содействие объединению социалистических сил Болгарии.

К. Раковский был одной из наиболее значительных фигур в социалистическом движении Балкан. Болгарин по рождению, румын по паспорту², часто представлявший сербскую социал-демократию на международных социалистических форумах³, он сумел за годы, проведенные на Западе, воспринять лучшие черты европейской культуры и стать "культурным посредником" между Балканами и Западной Европой. Г. Гачев в книге "Национальные образы мира" писал об ориентированности балканской и, в частности, болгарской культуры на "более развитый мир вокруг". Такая культурная направленность при общем "количественном" неравенстве в "образованности, учености" и т.д. приводила, по мнению Гачева, к тому, что "немногие болгары и нечасто превращались из поглотителей в творцов мировой культуры" [4. С. 95–96]. Раковский, воспринявший наиболее яркие свойства европейской ментальности и культуры, выступал именно в роли "генератора" политической культуры, активно приспособлявшая балканские традиции к европейскому демократизму и настаивая на создании некоей новой формы социалистической коммуникации на Балканах.

Об организационном периоде истории межбалканских социалистических конференций Раковский и ЦК партии "тесных социалистов" писали совершенно по-разному. Расхождения начинались уже с вопроса о месте и времени проведения первой конференции. "Тесняки" указывали, что впервые вопрос о необходимости созыва подобной конференции поняли "сербские товарищи... Д. Лапчевич и Т. Кацлерович"⁴ еще до переворота 1908 г. в Османской империи. Затем, после июльских событий в Турции, уже руководство БРСДП (т.с.) заговорило о перспективах организации социалистической конференции. Сложные взаимоотношения "тесных" и "широких" социалистов в Болгарии наложили определенный отпечаток на проблему балканских социалистических конференций в целом. Партия "тесняков" неоднократно подчеркивала свое резко негативное отношение к деятельности болгарских реформистов и категорически отказывалась принимать участие в тех конференциях, на которых могли присутствовать представители "широких социалистов". Иллюстрацией к подобного рода конфронтации стала реакция ЦК БРСДП (т.с.) на визит секретаря Сербской социал-демократической партии Д. Туцовича, который прибыл с предложением своего ЦК о включении БРСДП (о.) в состав партий – участниц предстоящей конференции. Позиция ЦК Сербской социал-демократической партии была продиктована фактом принадлежности БРСДП (о.) ко II Интернационалу, что подчеркивало ее социалистический характер и право на участие в балканском социал-демократическом форуме. Однако руководство БРСДП (т.с.) не только выразило недовольство деятельностью "широких социалистов", но и указало на недопустимость позиции МСБ

² Имя К. Раковского находилось в Румынии и могло быть передано ему после смерти отца только при условии его румынского гражданства.

³ К. Раковский, например, являлся официальным представителем сербской социал-демократии на конгрессе II Интернационала в Амстердаме.

⁴ Д. Лапчевич и Т. Кацлерович принимали активное участие в деятельности Социал-демократической партии Сербии.

в отношении БРСДП (о.). "БРСДП (т.с.), – говорилось в центральном партийном органе "тесняков" газете "Работнически вестник", – вынуждена признать участие "широких" во II Интернационале и, более того, должна признать, что Международное социалистическое бюро все еще терпит их. Но это чисто случайное обстоятельство не может никоим образом повлиять на нас, социал-демократы в Болгарии не имеют ничего общего с такой партией" [5]. Наконец, после довольно продолжительных переговоров, между партией болгарских "тесняков" и сербскими социал-демократами было достигнуто соглашение по вопросу о созыве Первой Балканской социалистической конференции. Таким образом, руководство БРСДП (т.с.) сознательно подчеркивало в опубликованной в "Работнически вестник" "Докладной записке"⁵, что инициатива в организации данной конференции принадлежала только двум социалистическим партиям – болгарским "теснякам" и сербским социал-демократам; что же касается позиции БРСДП (о.), то, по мнению лидеров "тесных социалистов", эта партия никакого участия в подготовке Первой Балканской социалистической конференции не принимала.

Практически параллельно с появлением в прессе "Докладной записки" ЦК БРСДП (т.с.) Раковский опубликовал в своем ежедневном социалистическом издании "Напред" совершенно иную версию подготовки первой конференции. Его личное участие в описываемых событиях, а также самооценка в качестве объединителя социалистических сил Болгарии (он хотел лишний раз указать на социалистический характер "объединенной" партии) подтолкнули Раковского на уточнение роли БРСДП (о.) в организации предстоящей конференции. В своей статье «По поводу объяснения "тесняков"» он писал о том, что "история, изложенная ЦК БРСДП (т.с.), несколько произвольна" [6].

Дело в том, подчеркивал Раковский, что принципиальное решение о созыве конференции было принято еще в Штутгарте в 1907 г. Во время проходившего здесь конгресса II Интернационала произошло собрание, "на котором присутствовали сербы, румыны и болгары, как тесные так и широкие" [6]. На этом собрании балканской фракции II Интернационала Раковский присутствовал лично, поскольку вместе с А. Константинеско и А. Ионеско представлял на конгрессе Румынию. От "тесняков", по его словам, там были Г. Кирков, В. Коларов и Н. Сакаров⁶, последний в то время еще являлся членом БРСДП (т.с.). БРСДП (о) была представлена членами руководства партии Я. Сакизовым и С. Сгибевым. Именно во время этого собрания местом проведения конференции был избран Белград. Раковский подчеркивал, что "объединенная" партия, один из организаторов созыва конференции, не могла быть отстранена от участия в ней. В своей статье он писал, что, подчинившись требованию БРСДП (т.с.) и отказав БРСДП (о) в праве участвовать в Первой Балканской социалистической конференции, социалисты совершили серьезную ошибку, которая повредила развитию социал-демократического движения не только в Болгарии, но и на Балканах в целом, и что исключение БРСДП (о) "из Первой Балканской конференции являлось незаконным актом, который не может повториться" [6].

Д. Хоупт в монографии "Социализм и Великая война" писал о Раковском в связи с Балканскими конференциями: "Он был именно тем, кто разрушал барьеры, то есть тем, кто был способен объединить усилия ранее разрозненных и от этого слабых социалистических партий Балкан". По мнению Хоупта, именно Раковский впервые поднял вопрос об организации балканской социалистической конференции и "предложил, чтобы лидеры социалистических партий Юго-Восточной Европы пришли

⁵ "Докладная записка" – второе название статьи "Изложение истории переговоров по поводу II Балканской социалистической конференции", опубликованной в "Работнически вестник" (19 октября 1911 г.). Возникло название в связи с тем, что данная статья рассматривалась как ознакомительная для широкой социал-демократической аудитории и как докладная записка для МСБ II Интернационала.

⁶ Г. Кирков, В. Коларов, Н. Сакаров – наиболее видные представители БРСДП (т.с.). Н. Сакаров впоследствии один из лидеров партийной оппозиции и сторонник реформистского крыла болгарской социал-демократии.

к соглашению и выработали общие принципы, касающиеся социальных и национальных проблем на Балканах" [7. С. 67].

Первая Балканская социалистическая конференция состоялась 25–27 декабря 1909 г. (7–9 января 1910 г.) в Белграде. Раковский и другие представители румынского социал-демократического движения на ней не присутствовали. Это не может не вызвать удивления, особенно если учитывать, что в 1907 г. румыны участвовали в предварительном совещании балканской социалистической фракции, о чем сообщал Раковский. Очевидно, что их присутствие было нежелательно для одной из партий, организовывавших данный форум. Ясность в этот вопрос внес сам Раковский, который в своей статье в "Напред" касался и этой проблемы. Как сообщал ЦК БРСДП (т.с.), окончательно время конференции было уточнено во время визита Д. Туцовича в Софию в октябре 1909 г. Таким образом, решение о созыве конференции принимали две партии – сербская и болгарская "тесная". Раковский писал, что румынский делегат в Белград не был послан "из-за нехватки времени" [6]. Однако вряд ли сербы были заинтересованы в форсированном проведении конференции, поскольку именно они согласились представлять на ней румынскую социал-демократию. Следовательно, это могли быть только болгарские "тесняки".

Все становится понятным из дальнейшего объяснения Раковского. Оказывается, незадолго до предполагаемой конференции "румынская партия направила письмо и своевременно высказала свои возражения", касавшиеся отстранения БРСДП (о) от участия в предстоящем социалистическом форуме [6]. Руководство БРСДП (т.с.) понимало, что инициатива румынских социалистов может получить поддержку участвовавших в конференции партий и групп, поскольку было известно, что они также были смущены отсутствием представителей БРСДП (о). По словам Раковского, помимо румын, против позиции "тесных социалистов" выступила организация социал-демократических сил Македонии – Солунская социалистическая федерация, да и "все другие партии также считали, что не следует никого исключать" [6]. Подобное единодушие, писал он, «должно было бы сломать упорство "тесной партии", и она должна была бы перестать налагать, как капризный польский пан, свое *liberum veto*, парализующее деятельность всего сейма, личную свою волю на маленький балканский Интернационал» [6]. Однако этого не произошло. ЦК БРСДП (т.с.) сумел убедить сербских социал-демократов в правильности принятого решения и приложил все усилия к тому, чтобы ускорить созыв Первой Балканской социалистической конференции. Таким образом, "тесняки" ликвидировали угрозу, которую могла представлять собой румынская делегация, в первую очередь, ее центральная фигура – будущий объединитель болгарских социалистических фракций К. Раковский.

Решения, принятые Первой Балканской социалистической конференцией в связи с серьезным влиянием, которое на нее оказывала делегация БРСДП (т.с.), носили ярко выраженный ортодоксальный характер. В письме ЦК БРСДП (т.с.) к Исполкому МСБ руководство партии особо подчеркивало значение своего воздействия на решения, принятые конференцией 1909 г., и ставило себе это в заслугу. "Когда два года тому назад, – говорилось в письме, – она (конференция. – *М.Л.*) была создана в Белграде, мы приняли в ней самое живое участие и приложили много усилий к тому, чтобы принятые решения имели чисто социалистический характер" [8. Л. 1].

Было решено, что следующая – Вторая Балканская социалистическая конференция состоится в 1911 г. в Софии. Конференция осудила "шовинизм болгарской буржуазии", "национальную вражду" и "завоевательную" политику крупных европейских государств. Особо настойчиво в резолюции конференции подчеркивалось нежелание балканских социалистов вступать в какие-либо союзы с существующими режимами и буржуазными движениями, пусть даже либерально-демократического характера, поскольку они являются только "препятствием на пути к объединению" и всей своей деятельностью лишь усиливают антагонизм балканских народов. Конференция предложила противопоставить стремлениям "реакционных монархических и буржуазных режимов" идею Балканской федеративной республики, подчеркивая, что классовая

борьба должна являться единственным фактором объединения балканских наций [9. С. 13].

В рамках программы, предложенной социалистической конференцией в Белграде, 14 марта 1910 г. в Софии состоялась "Межбалканская социалистическая акция", представлявшая собой митинг сторонников партии "тесных социалистов" [10]. Проведение подобной совместной акции свидетельствовало, что Первая Балканская конференция, безусловно, стала основой более энергичного и тесного сотрудничества балканских социал-демократических движений. Этот положительный момент отметило и МСБ, которое опубликовало в своем очередном бюллетене сообщение о проведении конференции, составе ее участников и полный текст резолюции. Однако Бюро не могло не волновать отношение БРСДП (т.с.) к "объединенной" партии, исключенной по настоянию "тесняков" из круговорота социалистической жизни на Балканах. О том, что Исполком II Интернационала был заинтересован в участии БРСДП(о) в очередной балканской социалистической конференции, свидетельствует "Циркулярное письмо" МСБ, направленное всем балканским социалистическим партиям. В нем говорится, что Бюро "рекомендует кооперацию" БРСДП(т.с.) и БРСДП(о) для совместного выступления в рамках балканской социалистической конференции и что оно и раньше "предлагало это неоднократно" [11. К 5, 69, 81, 110].

По этой причине Раковский как представитель МСБ на Балканах снова заговорил об участии БРСДП(о) в будущей балканской социалистической конференции во время съезда Сербской социал-демократической партии (ССДП) в 1910 г. С его точки зрения, действия сербских социалистов, согласившихся под давлением "тесняков" на созыв конференции без БРСДП(о), были "несколько поспешными", о чем Раковский сказал Г. Киркову, тоже находившемуся на съезде в Белграде. Через Киркова он вновь обращался к руководству БРСДП(т.с.) с просьбой пересмотреть свое отношение к участию БРСДП(о) в предстоящей конференции. Однако со стороны "тесных социалистов" не последовало никакого ответа. Это вызвало негодование Раковского, считавшего, что позиция "тесняков" вредит развитию социал-демократии на Балканах и не встречает ни одобрения, ни понимания со стороны лидеров II Интернационала [12. С. 12, 19].

Взгляды Раковского по этому вопросу разделял Л.Д. Троцкий, который в статье "На Балканах и о Балканах (вместо отчета)" писал: "Необходимо обеспечить возможность созыва общепалканской конференции с участием обеих частей болгарской социал-демократии". Он, вслед за Раковским, подчеркивал "ультимативный" характер позиции, избранной БРСДП(т.с.), и с сожалением отмечал, что эта группа социалистов не остановится ни перед чем, стремясь "устранить конкурирующую партию от участия в общепалканских делах". Троцкий полагал, что подобное поведение крайне опасно, поскольку грозит полностью разрушить недавно возникшее единство социалистических сил полуострова "уже хотя бы ввиду тесной связи тесняков с сербами, объединенных с румынами" [13].

Статья Троцкого вызвала гневную реакцию ЦК БРСДП(т.с.). Отвечать ему взялся лидер БРСДП(т.с.), теоретик и идеолог партии Д. Благоев, который поспешил опубликовать свое "опровержение" как в Болгарии в "Работнически вестник", так и за границей – в России, в газете "Социал-демократ". Болгарский вариант был пространнее русского, в связи с чем редакция "Социал-демократа" попросила Благоева несколько уменьшить критику БРСДП(о). Благоев был столь заинтересован в том, чтобы его статья увидела свет, что, скрепя сердце, согласился: «Раз вы считаете, что лучше выбросить обвинения против "широких", можете смело их вычеркнуть, – писал он в письме в редакцию "Социал-демократа", – хотя эти обвинения не голословны» [14. К. 73].

Замечание Троцкого о сложных взаимоотношениях между румынскими социалистами и "тесняками" очень задело Благоева. Информировав российских социал-демократов о положении на Балканах, он поспешил заявить, что между всеми партиями региона царит полное единодушие; при этом Благоев всячески настаивал на том, что и румыны приветствовали решения Белградской конференции. Относительно же связей БРСДП(о) с румынскими социалистами Благоев писал в "Социал-демократе",

что это Троцкий "себе придумал", никаких связей нет, а есть "один ее член К. Раковский", который действительно вошел в тесную связь с "объединенными", но ведь Раковский – это еще не вся румынская партия [15].

В то же время в газете "Работнически вестник" Благоев был не склонен скрывать неприязнь БРСДП(т.с.) к позиции румынской социал-демократии. Он писал: "Если один Раковский – это партия, в таком случае нечего жалеть о том, что она не участвовала в Балканской конференции"⁷. Однако он не хотел окончательно разрывать отношения с Социал-демократической партией Румынии (СДПР), надеясь на совместные выступления с ее левым крылом против БРСДП(о), поэтому в заключение он подчеркивал: "...мы верим, что румынская партия – это не Раковский, и надеемся, что она не разделяет его ультраанархообщедельские сумасбродства, не окажется втянута в его интриги и не поверит тем фальсифицированным высказываниям, которые он часто позволяет себе в отношении нашей партии" [16. С. 142].

Однако реально ситуация развивалась иначе. Раковский, вынужденный покинуть Румынию, напряженно работал в 1911 г. над изданием ежедневника "Напред" в Болгарии. Но он не терял тесных контактов с ЦК СДРП, постоянно настаивая на созыве предварительной Балканской конференции с участием БРСДП(т.с.) и БРСДП(о). Его деятельность в "Напред", скорее "гражданско-интеллигентская", а не "социалистическая", вызвала резкую критику со стороны БРСДП(т.с.). По мнению ЦК "тесняков", Раковский выступил как объединитель тех организаций, "которые не могут объединиться". Именно "по его предложению Центральный Комитет румынской партии попытался созвать 25 сентября Балканскую конференцию в Бухаресте". По этому поводу Д. Благоев писал в "Ново време": "...Попытка Центрального Комитета румынской партии, вдохновленного пресловутым объединителем Кр. Раковским, созвать в Бухаресте конференцию является анархистской" [17. С. 54].

В ходе этой предварительной конференции балканские социалистические партии должны были пересмотреть решения предыдущего форума и подтвердить право всех партии II Интернационала на участие в его балканской фракции. На этой основе затем должна была быть созвана Вторая Балканская социалистическая конференция. К сожалению, провести конференцию в Бухаресте не удалось. "Тесняки", узнав, что они должны действовать совместно и наравне с "объединенными", отказались приехать, сербы слишком долго колебались, а "турки и греки, – по свидетельству ЦК БРСДП(т.с.), – не были приглашены" [5]⁸. Казалось, что все усилия Раковского были напрасны и его надежды на совместное участие БРСДП(т.с.) и БРСДП(о) во Второй Балканской социалистической конференции так и останутся не реализованы. Однако уже в начале октября стало известно о том, что инициативу румын подхватили сербские социалисты, назначившие конференцию, которую они уже официально назвали "подготовительной", на 5 октября 1911 г. ЦК ССДП долго колебался, прежде чем принял подобное решение. Только инициатива Раковского в Бухаресте и одобрение МСБ предполагаемой социалистической встречи окончательно заставили сербов принять решение.

Во избежание конфликта с БРСДП(т.с.) ЦК сербской партии заявил, что конференция собирается для обсуждения возможности совместной акции против итало-турецкой войны. О необходимости проведения подобной акции заявило МСБ в своем очередном циркуляре, который Раковский поспешил напечатать в "Напред". Это обра-

⁷ В русской статье Д. Благоев постарался всячески скрыть, что румыны не участвовали в Первой Балканской социалистической конференции. Тем интереснее тот факт, что в болгарском варианте опровержения Д. Благоев начал свои размышления о Румынии с упоминания об их отсутствии в Белграде.

⁸ Раковский в статье, посвященной Балканским конференциям, опубликованной в "Напред", утверждал, что турецкий и греческие социалисты не были приглашены из-за отсутствия их адреса у организаторов конференции. Он сам, не участвуя в заключительном этапе подготовки Бухарестской конференции из-за постоянного проживания в Болгарии, получил письмо с указанием точной даты будущей конференции только утром 22 сентября. Все это крайне повредило организации встречи и, по мнению Раковского, также стало одной из причин срыва предлагаемой конференции.

щение Бюро подтверждало точку зрения Раковского на объединительный процесс и как бы становилось теоретической основой его деятельности в пользу совместного участия "тесняков" и БРСДП(о) в балканских социалистических конференциях. В циркуляре говорилось, что сейчас на Балканах сложилась такая ситуация, которая не позволяет пролетариату иметь "два мнения". Поэтому МСБ призывало "смягчать существующие конфликты" и "предотвращать новые" [18].

Раковский развернул энергичную деятельность по поддержке предполагаемой конференции. В "Напред" появилось несколько статей, одобрявших ее проведение и призывавших "тесных" принять в ней участие наравне с БРСДП(о). В них он писал, что на конференции, очевидно, будет решено не исключать из совместной антивоенной акции "ни одной социалистической фракции Балканского полуострова, принадлежащей к МСБ" [18]. К сожалению, в отличие от Раковского, "тесные социалисты" считали, что совместные выступления с БРСДП(о) только вредят "чистоте" классовой борьбы пролетариата, и были категорически против предполагаемого участия этой партии в общебалканской антивоенной акции.

Предлагаемое МСБ и Раковским совместное выступление всех социал-демократических сил Балкан должно было стать демонстрацией единства пролетариата региона перед лицом широкой общественности Западной Европы. Однако упрямый фанатизм и консерватизм партии "тесных социалистов" не позволил осуществиться этой идее. Они отказались участвовать в конференции, мотивируя свой отказ присутствием в Белграде делегации БРСДП(о). О совместной конференции не могло быть и речи, писал ЦК БРСДП(т.с.), поскольку это было бы "крайне вредно для будущего рабочего движения нашей страны" [5].

Итак, руководство "тесняков" отправило ЦК ССДП письмо с обстоятельным пояснением своей позиции и попросило сербов указать, какие конкретно партии примут участие в Белградской предварительной конференции и какова ее истинная цель. На запрос партии "тесных социалистов" руководство ССДП ответило крайне уклончиво. Возможно, сербы рассчитывали затянуть переписку с ЦК БРСДП(т.с.), а в это время провести конференцию, принять все необходимые решения и поставить болгарскую "тесную" фракцию перед лицом уже свершившегося факта.

Такая тактика избавляла ЦК ССДП от многих проблем. Во-первых, сербы получали возможность заявить, что болгарские "тесные" были приглашены официально, но слишком долго колебались и поэтому пропустили сроки конференции. Во-вторых, отсутствие этой партии в Белграде позволило бы будущей конференции нормально функционировать, поскольку в противном случае ее работа была бы прервана бесконечными спорами между делегациями двух течений в болгарской социал-демократии. По мнению организаторов данного социалистического форума, БРСДП(т.с.) никогда бы не утвердила изменения условий созыва балканских конференций, ставя под угрозу возможность дальнейшего взаимодействия социалистических движений Балкан. Поэтому ЦК сербской партии не сообщил "теснякам" ни точных сведений относительно состава партий, приглашенных в Белград, ни "мотивов, а главное, повестки дня" будущей конференции [8. Л. 2].

Предварительная конференция в Белграде состоялась 5–8 октября 1911 г. Отчет о ней был опубликован уже 11 октября в газете К. Раковского "Напред", поскольку он лично принимал участие в работе конференции, представляя там румынскую социалистическую партию. Кроме делегатов СДПР, в Белграде находились представители многих социал-демократических партий полуострова: сербы, хорваты, боснийцы и члены Солунской социалистической федерации. Делегация БРСДП(т.с.) не поехала в Белград, а вопрос об участии БРСДП(о) до сих пор остается открытым. Сам Раковский в "Напред" не назвал ее среди участников конференции, однако это могло быть вызвано стратегическими соображениями, поскольку он все еще продолжал действовать объединению болгарских социалистических фракций и мог не захотеть углублять конфликт между ними. Настаивает на отсутствии делегации обеих социалистических партий Болгарии на встрече в 1911 г. и Е.И. Сливаковский [12]. Однако

в циркуляре МСБ, датируемом октябрём 1912 г., подчеркивалось участие "объединенной" фракции в этом совещании балканских социалистических партий [11. К. 5, 69, 81, 110]. В годовом отчете БРСДП(о) также говорилось о "постоянных и непрекращающихся связях партии с Международным Бюро", поэтому информация Бюро в этом случае, видимо, можно считать более достоверной [19. Л. 1]. Так или иначе, ЦК подчеркнул полную солидарность "объединенной" партии с решениями, принятыми в Белграде [19. Л. 1].

Опубликованная Раковским резолюция дает представление об этих решениях, так же как и об истинных целях предварительной конференции. Прежде всего балканские социалисты настаивали на необходимости созыва Второй Балканской социалистической конференции, тем самым подтверждая основной параграф резолюции конференции 1909 г. В то же время в документе указывалось, что на "Вторую конференцию должны быть приглашены все социалистические партии и группы Балкан, участвующие в Интернациональном социалистическом Бюро, без исключения какой бы то ни было из них" [20]. Таким образом, участие БРСДП(о) в планируемой конференции было признано большинством социалистических партий полуострова. Кроме того, конференция обязывала все балканские социалистические партии и группы содействовать "демократизации балканских государств" и призывала их к более интенсивной работе, которая должна была способствовать росту социал-демократии в странах региона.

Необходимо отметить, что из всех социалистических конференций, которые имели место на Балканах в первые десятилетия XX в., эта наиболее соответствовала нормам эволюционного и демократического развития общества, характерным для реформистской социал-демократии Западной Европы. Принятые решения предусматривали возможность конкретной деятельности социалистов в условиях реально существующих политических систем. Основой данной конференции стало стремление к единству и к решению социальных и политических проблем не в отдаленном социалистическом будущем, а немедленно, в условиях, когда военная угроза нависла над самыми разными социальными слоями населения балканских стран. Именно поэтому Раковский, подводя итоги работы конференции, счел необходимым подчеркнуть функциональность предложенной им в "Наперед" идеи Балканского союза, основанного на "сегодняшнем территориальном status quo" [21]. Таким образом, на Белградской конференции при активной поддержке Раковского было избрано то направление социалистической деятельности, которое оказалось нацеленным не только на единство рабочего движения, но и на сотрудничество различных политических сил, как левых, так и более правых, т.е. зародился тот новый курс, который спустя два десятилетия, при определенных модификациях, получил название "народного фронта". Итак, анализ социалистической встречи в Белграде, данный в "Наперед", свидетельствовал о принципиальных различиях конференций 1909 и 1911 гг., несмотря на общую социалистическую базу их резолюций.

Консерватизм и идейная узость "тесносоциалистической" фракции не позволила ее членам согласиться на созыв Второй Балканской конференции в Софии на условиях, выработанных в Белграде. Вспыхнувшие же Балканские войны подвели черту под попытками консолидации социалистических сил региона. Надвигающаяся мировая война окончательно расколола социалистический лагерь на радикалов и реформистов, взаимопонимание между которыми так никогда и не было достигнуто.

Таким образом, в начале XX в. социалисты предложили собственный путь решения балканского вопроса. В частности, Раковский предполагал, что социалистические конференции смогут подтолкнуть процесс формирования планируемой им Балканской конфедерации и стать фундаментом для объединения левых сил Балкан. В рамках будущей конфедерации предполагалось объединение социалистических и либерально-демократических движений, причем последние должны были постепенно эволюционировать перед лицом социальной политики социалистических партий. Подобная, фактически реформистская, позиция вызвала резкое недовольство

ортодоксальных социалистов, в частности БРСДП(т.с.). Окончательный раскол левых сил в Болгарии накануне Балканских войн сделал невозможным продолжение широких социал-демократических объединительных процессов на Балканах. Оставаясь сторонником общебалканской интеграции, Раковский попытался возродить проект Балканской федерации (конфедерации) в рамках деятельности Коминтерна. Однако специфика III Интернационала, решительное выступление Москвы против принципов европейской социал-демократии заставили Раковского продемонстрировать совершенно иное видение будущего политического образования на Балканах, которое было далеко от демократической платформы проекта 1911 г. [2. С. 146].

Популярная сегодня идея славянской интеграции выглядит, с точки зрения реальной политики, так же неправдоподобно и странно, как и борьба за политическое объединение и социалистическое единство на Балканах в начале XX в. Однако необходимо учитывать, что это скорее многолетняя традиция, спровоцированная не политическими нюансами, а осознанием этнической и культурной общности славян. Вопрос не в том, возможны ли социалистическое единство на основе западного демократизма или славянское объединение на основе ментальной, духовной близости, – это всего лишь несколько разных подходов к одной крупной проблеме. К проблеме поиска мирного урегулирования этнонациональных конфликтов на Балканах и участия народов данного региона в мировых интеграционных процессах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Маринова М.* Българските марксисти в защита на националните интереси на България 1900–1912 г. София, 1973.
2. *Гришина Р.П.* Формирование взгляда на македонской вопрос в большевистской Москве 1922–1924 гг. // Македония. Проблемы истории и культуры. М., 1999.
3. *Гибянский Л.Я.* Проблема Македонии и вопрос о федерации на Балканах в отношениях между Москвой и коммунистами Югославии и Болгарии в 1941–1945 гг. // Македония. Проблемы истории и культуры. М., 1999.
4. *Гачев Г.* Национальные образы мира. Общие вопросы: Русский, болгарский, киргизский, грузинский, армянский. М., 1988.
5. БРСДП(т.с.). ЦК. Изложение върху преговорите за II-та Балканска социалдемократическа конференция // Работнически вестник. 1911. 19 X.
6. *Раковски К.* Около изложението на тесните // Напред. 1911. 23 X.
7. *Нафт G.* Socialism and the Great war. The collapse of the Second International. Oxford, 1972.
8. Писмо от Централен комитет на Българската работническа социалдемократическа партия в България до Изпълнителната комисия на Международното социалистическо бюро в Брюксел // Централен Държа. Ф. 1. Оп. 2. Арх. ед. 615.
9. *Генингъ Д.* Речъта на д-р Кр. Раковски за Балканската конфедерация. Гледището на Балканските социалдемократически партии по Балканската федерация и Резолюция въ Белград. Солунъ, 1910.
10. Междубалканската социалистическа акция // Работнически вестник. 1910. 15 III.
11. ЦДА МФ. 1240.
12. *Спиваковский Е.И.* В.И. Ленин и борьба за единство рабочего движения на Балканах в дооктябрьские годы (1910–1915 гг.). Воронеж, 1971.
13. *Троцкий Н.* На Балканах и о Балканах (вместо отчета) // Социал-демократ. 1910. 12 IX.
14. Писмо от Д. Благоев до редакцията на вестник "Социалдемократ" // ЦДА МФ. 254.
15. *Благоев Д.* Социализм на Балканах (по поводу статьи т. Троцкого) // Социал-демократ. 1911. 13 I.
16. *Благоев Д.* Статията на др. Троцки // Съчинения. Б.м., 1961. Т. 14.
17. *Благоев Д.* За Балканската федерация // Съчинения. Б.м., 1961. Т. 14.
18. Към социалистите в България // Напред. 1911. 5 X.
19. Годишен отчет на ЦК на БРСДП(о) за 1911–1912 // ЦДА. Ф. 205. Оп. 2. Арх. ед. 22.
20. Апелъ към Балканските социалисти. Решения на подготвителна социалдемократическа Балканска конференция // Напред. 1911. 11 X.
21. Бележки на К. Раковски // ЦДА. Ф. 156. Оп. 1. Арх. ед. 207.

© 2002 г. А.С. СТЫКАЛИН

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА В ВОСПРИЯТИИ ЦЕНТРАЛЬНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1940-х ГОДОВ)

Роль Красной Армии в победе над фашизмом способствовала заметному повышению авторитета СССР в глазах зарубежной интеллигенции, усилению просоветских настроений даже в тех ее кругах, где симпатии к большевизму были прежде явлением чрезвычайно редким. Так, в отчете советских кинематографистов об их участии в первом Каннском фестивале (1946) говорилось, что хотя в фестивальном жюри не было ни одного коммуниста и состав съехавшейся аристократической публики "не давал оснований предполагать, что в ее лице мы встретим почитателей советской культуры... каждое появление тов. Сталина (на экране при демонстрации фильма "Клятва". – А.С.) вызывало аплодисменты как жюри, так и зрительного зала" [1. Оп. 125. Д. 469. Л. 58, 62]. При том, что многие из этих людей ни на йоту не поступились своими антикоммунистическими убеждениями и всерьез опасались дальнейшей экспансии Советов на Запад, уважение к победоносной Красной Армии подчас оказывалось сильнее страха перед ней.

Естественное для умонастроений западной публики в те годы восхищение СССР обусловило повышенный интерес к политико-экономической системе, в рамках которой были организованы его военные усилия. Этот интерес, тем более великий, что по итогам войны СССР стал одной из сверхдержав, всецело распространялся и на советскую культуру.

Конечно, в каждой стране были свои конкретные мотивы обращения интеллигенции к советской культуре, и в государствах антигитлеровской коалиции специфические особенности ее восприятия были совсем иными, чем в побежденной Германии. Однако и там существовал несомненный к ней интерес. Начальник Управления пропаганды Советской военной администрации в Германии С.И. Тюльпанов, судя по другим донесениям, отнюдь не склонный слишком переоценивать степень влияния левых идей на сознание немцев, в декабре 1945 г. докладывал в ЦК ВКП(б): "Некоторые немецкие литераторы выдвигают проект издания журнала, имеющего целью знакомить немецкую читающую публику с крупнейшими явлениями и достижениями русской классической и советской культуры". Далее речь шла о том, что из среды интеллигенции поступают многочисленные просьбы о приезде из СССР деятелей искусств. Театры, продолжал Тюльпанов, запрашивают пьесы советских драматургов и "даже еще не имея их, зная о них лишь из прессы и радио, уже включают их в свои

Стыкалин Александр Сергеевич – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

репертуарные планы". От актеров и режиссеров не отстают музыканты, которые "желают получить для исполнения партитуры и ноты... произведений советских композиторов"¹. Об интересе зарубежной интеллигенции к советской культуре при большем или меньшем дистанцировании от идей, в ней воплощенных, свидетельствуют многочисленные письма из разных стран, хранящиеся в фондах Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС) за 1940-е годы [2. Оп. 16, 17].

В частности, венгерский материал опровергает бытующее среди некоторых специалистов мнение о том, что инициатива проведения мероприятий по пропаганде существовавшей в СССР системы, создания обществ дружбы исходила исключительно от советских эмиссаров, тогда как интеллигенция стран Центральной Европы выступала лишь в качестве послушного и безынициативного исполнителя воли Москвы. Напротив. Даже интеллектуалы, не разделявшие коммунистических идей, нередко проявляли встречную активность. Из переписки между Наркоминделом и ВОКС, относящейся к апрелю 1945 г., узнаем, например, что писатель Л. Зилахи (впоследствии эмигрировавший) обратился от имени группы интеллигенции к представителям советской военной администрации в Венгрии с предложением организовать общество друзей СССР [3. Оп. 25. Папка 115. Д. 42. Л. 18].

Вместе с тем нельзя все, конечно же, сводить к преклонению перед побеждающей силой советского оружия. Долгие месяцы гитлеровской оккупации и террора повлекли за собой существенные изменения в сознании населения стран, переживших войну, способствовали переоценке многих ценностей, выработке нового взгляда на культурно-историческое наследие той или иной нации. В каждом из регионов и в каждой из стран эта переоценка приобрела свое, обусловленное конкретным историческим опытом, звучание. Так, в государствах – наследниках монархии Габсбургов, на протяжении веков связанных тесными узами с немецкой культурой, в умонастроениях интеллигенции проявилась тяга к отмежеванию от традиции, ориентированной на близость с Германией. Многие факты свидетельствуют о резком усилении германофобии в странах, испытавших ужасы войны. Как докладывали летом 1945 г. из Праги красноармейские политработники, жители одного из городов, "раздев по пояс 15 немков и вымазав их краской, заставили работать по исправлению мостовой, при большом скоплении народа. После этого немки были выведены за город и расстреляны... Злоба и ненависть к немцам настолько велика, что нередко нашим офицерам и бойцам приходится сдерживать чехословацкое население от самочинных расправ над гитлеровцами" [1. Оп. 125. Д. 320. Л. 161–163]. В чешской и венгерской публицистике остро и подчас с полемическими перехлестами ставился вопрос о том, сколь негативные последствия для развития этих народов имело в разные века соседство их земель с немецкими. Германскому воздействию противопоставлялись более благотворные культурные влияния, как западные (из Франции и англо-саксонского мира), так и восточные.

В чешском обществе первых послевоенных лет духовная атмосфера располагала к заметному оживлению славянской идеи, что учитывали и весьма умело использовали в своих политических целях коммунисты. Развернувшаяся в 1945–1946 гг. дискуссия о путях развития и внешних ориентациях чешской и словацкой культур далеко переросла рамки события собственно культурной жизни, поскольку за каждой из заявленных позиций явственно обозначились определенные политические предпочтения. При всей неоспоримости того факта, что идея принадлежности Чехии к славянскому миру в условиях второй половины 1940-х годов однозначно подразумевала просоветскую политическую ориентацию, с ней так или иначе солидаризировались ведущие деятели национальной культуры – крупнейший чешский поэт XX в. В. Незвал,

---

¹ Резюмируя содержание своего донесения, Тюльпанов отмечал: "Политические интересы советских оккупационных властей в Германии настоятельно требуют быстрого отклика с нашей стороны на все возрастающий интерес немцев к советской культуре и оперативной работы в этой связи" [1. Оп. 125. Д. 371. Л. 207–208]. В ответ на эту и другие аналогичные докладные был принят ряд мер по укреплению культурных связей с советской оккупационной зоной в Германии.

его талантливый собрат по перу Ф. Галас, выдающиеся театральные режиссеры Э.Ф. Буриан и Й. Гонзл, один из основателей всемирно известного Пражского лингвистического кружка Я. Мукаржовский и др. Подобное увлечение чешской интеллектуальной элиты славянской идеей, свидетельствовавшее о совершенно определенном политическом выборе, едва ли может быть объяснено только страхом перед Красной Армией и смирением перед все более жестким натиском коммунистических сил внутри страны (большинство из этих людей проявило себя в годы войны как стойкие антифашисты, некоторые, например Буриан, прошли гитлеровские концлагеря). Гораздо важнее был, на наш взгляд, "мюнхенский синдром": политика западных держав в отношении Чехословакии в конце 1930-х годов, облегчившая Гитлеру задачу уничтожения чехословацкой государственности, вела к серьезному разочарованию чешской интеллигенции в идейных и моральных основах западной демократии. Очень показательны, что на писательском съезде 1946 г. довольно искренняя критика либерализма, отождествлявшегося с безответственным индивидуализмом, подрывавшим ряды антифашистских сил и несущим свою немалую долю вины за крах Чехословацкой республики в 1939 г., звучала даже из уст оппонентов КПЧ. В резолюции съезда советский пример был назван "фокусом устремлений к новому человечеству" [4. С. 266].

Разочарованию в либеральной идеологии сопутствовала жажда обновления всей духовной культуры. Осмысляя опыт военных лет, польский литератор А. Рудницкий писал в 1945 г. о неспособности прежнего искусства выразить мир, увиденный во время войны: "Все мы, кто любил искусство, почувствовали себя обманутыми. Искусство учило нас уважать человека и преклоняться перед богатством его внутреннего мира. А что мы видели? Мир, в котором из людей делали мыло, из девичьих волос – матрацы, мир такой, что не хватало слов, чтобы описать его. В искусстве же мы никогда не встречали такого мира, который нам являлся ежедневно... И мы пришли к твердому убеждению, что искусство пошло по ложному пути. Оно должно быть совсем другим, заявили мы, совсем другим должны быть его истоки; оно должно быть цельным, нравственным и служить правде" [5. С. 98].

Одним из характерных феноменов духовной жизни народов Центральной Европы во второй половине 1940-х годов явилась большая популярность среди интеллектуалов философии, драматургии и прозы французского экзистенциализма – часть образованной публики увидела именно в экзистенциалистских концепциях путь к духовному примирению с тем, что произошло в годы войны. «Все последнее полугодие венгерская печать была страстно занята обсуждением проблем экзистенциализма. Будапештские театры ставили пьесы Сартра. Газеты перепечатавали его статьи, помещалось бесконечное количество интервью с ним, большинство правых газет, особенно католические газеты, были всячески возмущены аморальностью и губительным пессимизмом пьес Сартра. Словом, как это было сказано в одном из венгерских журналов, "сартровская лихорадка в Будапеште дошла до 40 градусов"», – отмечала в 1947 г. известная переводчица А. Кун в подготовленной для ВОКС записке о современной культурной жизни Венгрии [2. Оп. 17. Д. 129. Л. 71].

Однако поиски новых начал в искусстве происходили и в другом направлении. Годы концлагерей и массового истребления евреев стали временем проявления самых низменных инстинктов, высветив все неблагополучие с состоянием человеческих душ. В этих условиях идея формирования "нового человека", стержневая для эстетики соцреализма, не могла не вызвать сочувствия даже людей, далеких от коммунистической идеологии, нашла отражение и в художественном творчестве. В Венгрии, например, дискуссия вокруг наследия А.С. Макаренки не оставила равнодушными и педагогов-католиков. А лучший венгерский фильм первых послевоенных лет "Где-то в Европе" (режиссер Г. Радваньи) испытал несомненное влияние "Путевки в жизнь".

Таким образом, духовная атмосфера в Европе первых послевоенных лет была особенно благоприятна для восприятия советской культуры. Это поняли и в Москве. Председатель ВОКС В.С. Кеменов (будущий вице-президент Академии художеств)

в августе 1945 г. в докладной, адресованной ЦК ВКП(б), писал о "происшедшем переломе в признании советской культуры за границей", который "налагает на ВОКС огромные обязательства". "Необходимо использовать обстановку, ковать железо пока горячо, чтобы... не дать остыть интересу деятелей зарубежной культуры к советской науке и искусству из-за отсутствия ответов на их многочисленные запросы" [1. Оп. 125. Д. 371. Л. 138]. Будучи не только искусствоведом, но прежде всего государственным функционером, Кеменов исходил из того, что повышение интереса к советской культуре создает благоприятные условия для формирования зарубежного общественного мнения в пользу СССР, а следовательно, для дальнейшего усиления советского политического влияния.

Находившаяся в распоряжении СССР идеологическая машина, наряду с ВОКС включавшая в себя "Совэкспортфильм", Совинформбюро, объединение "Международная книга" и ряд других структур, наращивала усилия по пропаганде советской культуры за рубежом. Едва ли не главное направление в ее деятельности составляли страны Центральной Европы, находившиеся в непосредственной близости от СССР и входившие в сферу его влияния. Традиция восприятия советской культуры в разных странах этого региона не была одинакова. Так, Чехословакия в 1930-е годы по объему культурных связей с СССР занимала второе место после Франции, выставки советского искусства, гастроли Камерного театра А. Таирова вызывали там горячий отклик широкой публики. Совсем по-другому дело обстояло в соседней Венгрии. "На протяжении четверти века советская литература привозилась к нам нелегально... Иную новую русскую книгу мы хранили точно так же, как некоторые из нас прятали человека, спасающегося от преследования полиции. Но как раз это обстоятельство озарило советскую литературу светом изгнанных героев, и мы не могли даже думать об объективной оценке ее. Каждая советская книга была для нас как бы библией живой веры и потому стояла выше эстетических оценок. Для других все прибывавшее с Востока означало опасность, а ведь у страха тоже не существует объективной точки зрения. Должен был наступить 1945 год, чтобы мы смогли систематически приступить к разбору советской литературы", – слова публициста Г. Хегедюша показывают, насколько сильно влияло на восприятие советской культуры изменение исторического контекста (цит. по обзору венгерской прессы за 1947 г. [2. Оп. 17. Д. 128. Л. 21]).

Когда советская культура оказалась доступна, точкой отсчета в спорах о ней и о ее герое стала русская литературная классика. Характерно, например, что в венгерском городе Дебрецене местное отделение общества культурных связей с СССР провело в 1946 г. семинар "Советский человек по романам Достоевского"². Обращаясь к поискам в новейшей русской культуре черт преемственности с классикой, критика чаще всего констатировала разрыв с традицией, что, впрочем, отнюдь не всегда означало отрицание продуктивности послеоктябрьского периода. В отличие от героев Достоевского "новый русский человек не отличается глубиной и не страдает эпилепсией, он целеустремлен, трезв и здоров. У него меньше душевных проблем, чем у его отцов, его идеал – не болезненное сочувствие, а действенная солидарность. Венгерский читатель пока еще мало знаком с этим типом. Когда он его узнает, то влияние его будет, вероятно, плодотворнее влияния предков" [2. Оп. 17. Д. 127. Л. 20–21]. Эти слова венгерского литературоведа А. Комлоша, относящиеся к 1946 г., передают ожидания той части интеллигенции, которая видела в советской культуре один из источников духовного обновления, выхода из идейного тупика, связанного

² В Москве подобный ракурс рассмотрения проблемы советского человека едва ли мог найти понимание тех, кто ведал распространением русской культуры за рубежом. "Подобная ложная и недопустимая постановка вопроса способна только извратить и опознать образ советского человека в понимании венгерской аудитории и ничего кроме вреда принести не может", – ответил ВОКС своему уполномоченному в Венгрии [3. Оп. 26. Папка 119. Д. 42. Л. 144]. Как говорилось в той же связи в другом документе, "учитывая, что за рубежом обычно стараются односторонне подчеркнуть наиболее реакционные черты творчества Достоевского", "нашу точку зрения на Достоевского важно противопоставить существующему в Венгрии восприятию" [3. Оп. 26. Папка 119. Д. 44. Л. 75].

с девальвацией многих либеральных ценностей, и стремилась воздать должное ее идеальному герою, противопоставляя цельность его природы бесплодным и болезненным метаниям отнюдь не только некоторых героев Достоевского, но прежде всего современного западного интеллигента.

Интересу определенной части читательской публики к советской литературе можно дать и другое объяснение. "В первые годы после 1945 г., при некотором оттеснении классической литературы на второй план, главным элементом в возросшем интересе к литературе советской оказывается экзистенциальное влечение, возникающее из желания познать завтрашний день, полный еще туманного обещания нашего собственного будущего", — отмечает современный венгерский исследователь И. Феньвешти [6. 273–274 о.]. Более точно ту же мысль сформулировал еще в 1959 г. другой литературовед, Л. Кардош: "В той жадности, с которой мы принялись за чтение советской литературы, было немало от поверхностного любопытства, заинтересованности новизной, но еще больше от жадности поглубже узнать советскую действительность, продиктованной насущной потребностью отчетливее представить условия существования при новой жизни... Через советскую литературу, изображающую жизнь советских людей, мы надеялись заглянуть в собственный завтрашний день". При этом "заинтересованность, проистекавшая из беспокойства за конкретные условия существования, несколько притупила наше эстетическое чутье" [7. Р. 185]. И у тех, кто жил в атмосфере надежд на осуществление коммунистических идеалов, и у тех, в ком преобладала настороженность, были, таким образом, некоторые общие мотивы обращения к культуре социалистического реализма.

Советская культура не только не была явлением однородным, но, пожалуй, и не воспринималась в качестве таковой. Левые силы, жаждавшие революционных перемен, проявляли особый интерес к тому ее пласту, который, главным образом в силу причин отнюдь не художественных, в СССР относился к давно пройденному этапу. Речь идет об авангарде 1920-х годов, пронизанном коммунистической тенденциозностью и в то же время явно не укладывавшемся в прокрустово ложе норм сталинско-ждановской эстетики 1940-х годов. Так, в венгерских журналах неоднократно упоминался В. Мейерхольд, хотя в условиях политического диктата СССР конъюнктура совсем не благоприятствовала ознакомлению с его творчеством. При этом показательно, что некоторые левые и вместе с тем дистанцировавшиеся от Москвы зарубежные издания (например, журналы Л. Кашшака в Венгрии) пропагандировали литературный, художественный, театральный, кинематографический авангард 1920-х годов как бы в пику соотствующим ведомствам СССР, упорно делавшим вид, будто той культуры не существовало. Таким образом, содержание самого феномена "советская культура" понималось совсем не одинаково представителями официальной Москвы и центральной европейской интеллигенцией.

В Москве рамки официально признанной "советской культуры" были заметно (и далеко не в первый раз) сужены небезызвестными идеологическими постановлениями 1946–1948 гг. Это самым непосредственным образом сказалось на популяризации советского искусства за рубежом. Так, после принятия в феврале 1948 г. постановления ЦК ВКП(б) об опере В. Мурадели "Великая дружба" руководство ВОКС в письмах своим уполномоченным в странах Центральной Европы предлагало поставить перед радиокомпаниями вопрос об исключении из репертуара "формалистических" произведений С. Прокофьева, Д. Шостаковича, Н. Мясковского. При этом успех "формалистических" произведений советских композиторов за рубежом в ВОКС объясняли симпатиями к СССР и благодарностью советскому народу, равно как и тем, что западная интеллигенция часто "даже в лице своих политически прогрессивных представителей в области художественных взглядов в большинстве продолжает оставаться на реакционных позициях" [3. Оп. 28. Д. 52. Папка 131. Л. 46–51]. Получался парадоксальный феномен: ведомства, отвечавшие за пропаганду за рубежом советской культуры, не только не способствовали, а иногда даже противодействовали распространению наиболее ценного, что было создано в СССР за годы

большевистской власти, даже если оно в принципе не противоречило "коммунистическим идеалам".

В культурном потоке из СССР все более доминировали произведения, выдержанные в духе официальной идеологии. Иной раз даже художники, близкие компартиям, противились насаждению эмиссарами из Москвы нехудожественной продукции, способной создать у публики негативное впечатление о советской культуре. Так, писатель А. Габор выступил против постановки в венгерском Национальном театре пьесы К. Симонова "Русский вопрос". Поскольку с мнением одного из либреттистов оперетт И. Кальмана трудно было не считаться, возглавлявший театр видный актер Т. Майор вернул ее уполномоченному ВОКС. «Нам пришлось основательно поговорить с т. Габором, чтобы он изменил свою точку зрения на "Русский вопрос"», – докладывал уполномоченный в Москву. В конце концов пьесе решено было поставить [3. Оп. 27. Папка 124. Д. 43. Л. 12–13].

Серьезного успеха она иметь не могла ни в Венгрии, ни в других странах. В связи с постановкой пьесы "Русский вопрос" в Берлине пресса западных зон оккупации отмечала, что политика в театре еще никогда не заходила столь далеко: "Немецкой публике оказывается плохая услуга, если одна из оккупационных властей использует экран и сцену для того, чтобы поднять на смех другую оккупационную власть" [2. Оп. 16. Д. 134. Л. 97]. В Москве, конечно же, пытались проанализировать причины неуспеха современной советской драматургии (как и кино) и иной раз подходили близко к истине. Так, один советский журналист, побывавший в 1947 г. в Праге, в своем отчете в ЦК ВКП(б) проявил нечастую по тем временам откровенность в оценке официальной советской культуры, отметил, что "тенденция, заложенная в наших фильмах, носит слишком лобовой характер и для успеха нашей пропаганды в условиях Чехословацкой Республики нужны кинофильмы и пьесы с более глубоко запрятанной в них политической тенденцией менее лобового характера и более интересно построенные в драматургическом отношении" [1. Оп. 132. Д. 75. Л. 198–199].

Что же касается случая с А. Габором, то он показывает, что коммунисты вплоть до 1948–1949 гг. не всегда оказывались действенными партнерами советских органов в распространении насквозь идеологизированной советской культуры в своих странах. Это можно объяснить тем, что в условиях, когда политическая борьба еще носила открытый характер, чрезмерное усердие в восхвалении невысокой по своему уровню художественной продукции могло слишком скомпрометировать их как силу, служащую инациональным интересам. "Недопустимо пассивная тактика компартии в вопросе оживления пропаганды советской культуры в стране и укрепления в связи с этим Общества (венгерско-советского культурного общества. – А.С.) объясняется, по нашему мнению, боязнью коммунистов, что их могут обвинить в недостатке патриотизма и пристрастии к Советскому Союзу", – докладывал в Москву, например, уполномоченный ВОКС по Венгрии в 1948 г. [3. Оп. 28. Папка 131. Д. 52. Л. 150].

Таким образом, в самые первые послевоенные годы были явно не использованы открывшиеся благоприятные возможности для приобщения зарубежной аудитории к тому лучшему, что было в советской культуре. Среди прочих факторов здесь сыграла свою роль царившая в СССР атмосфера страха и всеобщей бдительности. Принимая решения об отправке художественных произведений за рубеж, в ВОКС и других учреждениях руководствовались идеологическими и пренебрегали эстетическими критериями, оказывая тем самым медвежью услугу не только пропаганде советской культуры, но в конечном итоге делу повышения престижа СССР. Более того, при отборе пьес для отправки зарубежным театрам в Москве исходили из того, что "пьесы, даже с правильных идейных позиций критикующие явления советской действительности", "попав в руки неподготовленных в политическом отношении режиссеров, могут быть поставлены искаженными, и лучшие произведения советской драматургии послужат причиной неверного отображения отдельных сторон жизни советского народа" (См. записку Управления по делам театров Комитета по делам искусств в ЦК ВКП(б): [1. Оп. 132. Д. 242. Л. 17–18]).

Идеологические критерии становились определяющими и когда речь шла об участии советских музыкантов в зарубежных конкурсах. В 1948 г. Комитет по делам искусств при Совете министров отказался от участия представителей СССР в конкурсе памяти Б. Бартока в Венгрии на том основании, что "конкурс имеет своей задачей пропаганду модернистской упадочной музыки", а творчество самого Бартока при всей оригинальности его дарования, при его неоспоримом вкладе в музыкальную фольклористику и заслугах в борьбе с "немецким академизмом", "в самой своей основе формалистично и по сути составляет лишь разновидность декадентского модернизма" [3. Оп. 28. Папка 131. Д. 53. Л. 2–4]³. Еще более показательны мотивы отказа от участия советских музыкантов в фестивале на родине Моцарта: "Зальцбург издавна славится своей реакционностью, поэтому посылать туда наших представителей нецелесообразно" [1. Оп. 125. Д. 466. Л. 310]. Так в очередной раз были упущены возможности для повышения престижа советской культуры.

Важным явлением художественной жизни своих стран стали прошедшие в 1947 г. в Вене и Праге выставки произведений современных советских художников, на которых выставлялись работы А. и С. Герасимовых, А. Дейнеки, А. Пластова. Тысячи зрителей могли теперь воочию увидеть то искусство, которое определенные политические силы в своих странах определяли в качестве "путеводной звезды". Реакция была неоднозначной, и доминировала в ней скорее настороженность. "Четыре русских художника, которые впервые показывают свои произведения в Вене, формально настолько мало отличаются друг от друга, что всех их можно привести к общему знаменателю", – писал один из критиков (здесь и далее цитируется по обзору австрийской прессы: [1. Оп. 125. Д. 512. Л. 50–55]). Даже в одном из наиболее благожелательных газетных отзывов отмечалось: "Советская живопись, видимо, отвергает эксперименты. Картины оказывают впечатление скорее большой силой выявления характерного и отчасти монументальной формой".

Как раз перед этим в Вене прошла выставка современной французской живописи, так что у критиков была возможность сопоставить увиденное. Некоторые из них сочили достоинством оптимизм советской культуры, отсутствие в ней духовных "недомоганий", романтического противостояния художника окружающему миру. Но как констатировал один из рецензентов явно левой ориентации, современная французская живопись при всей "тупиковости" многих ее направлений, отразивших "упадок буржуазного мира", "при всей вызывающей сомнение проблематике борется все же за новые идеи и новую форму. Четыре советских художника, обладающих несомненным знанием техники, сознательно отказываются от этого".

В Праге выставку советского искусства бойкотировали многие видные чешские художники, поскольку как раз перед этим в "Правде" была опубликована статья о засилии формализма в чешском искусстве, вызвавшая возмущение даже на левом фланге художественной жизни страны, что нашло отражение в полемической публикации журнала "Svobodné poviny" от 14 июля 1947 г. Не меньшее возмущение вызвало и то, что направленная в те месяцы в Москву в рамках культурного обмена выставка близкого КПЧ словацкого общества графиков "Голлар" не была выставлена из-за "формализма" [2. Оп. 17. Д. 438].

³ В "деле" о конкурсе Бартока неожиданно возникли расхождения в позициях Комитета по делам искусств и МИД, обусловленные различием ведомственных интересов. В МИД считали, что отрицательное отношение к участию в конкурсе "продиктовано в основном формальными соображениями, и оно не отвечает интересам дальнейшего расширения культурных связей" [3. Оп. 28. Папка 131. Д. 53. Л. 45]. Первый секретарь СК СССР Т. Хренников также полагал, что "участие в конкурсе талантливейших советских музыкантов-исполнителей поднимет значение конкурса и даст возможность еще раз продемонстрировать за рубежом блестящие успехи советской музыкальной культуры" [3. Оп. 28. Папка 131. Д. 53. Л. 79]. Спорный вопрос был вынесен на рассмотрение ЦК ВКП(б), но его решение настолько затянулось, что конкурс, неоднократно переносившийся ради участия в нем советских музыкантов, состоялся наконец, к огорчению организаторов, без них.

Непосредственное знакомление с искусством соцреализма формировало более трезвый взгляд на советский опыт даже художников прокоммунистической ориентации. "Нет в современном мире художественного течения, которому мы могли бы в полной мере, со всей ответственностью следовать в надежде найти правильное решение задач, которые перед нами ставит наша действительность... Устремления советских художников нам указывают путь лишь частично, они служат предпосылками для достижения той цели, которой нам еще не удалось полностью достичь... У нас с ними общая цель, но путь, которым идет наш народ, иной, некоторые из тех препятствий, что стояли у них на пути, у нас сглажены, преодолены нашим собственным развитием", – говорил чешский писатель В. Ржезач [4. С. 254].

Если роль СССР во Второй мировой войне способствовала росту уважения к нему, то послевоенная политика "страны Советов" вела к снижению симпатий. Крайне болезненно отреагировали левые интеллектуалы во всем мире на идеологические постановления 1946–1948 гг. Как читаем в дипломатическом донесении из Франции, после публикации очередного выступления Жданова газета "L'Humanité" "молчит", а писатель-коммунист Л. Арагон на просьбу советского посольства выступить против кампании, развернувшейся в буржуазной прессе, "с усмешечкой ответил: мы не вмешиваемся в ваши внутренние дела" [1. Оп. 125. Д. 391. Л. 101–110]. Беседа с председателем ВОКС, Л. Арагон пытался предостеречь советскую сторону от непродуманных действий, способных испортить отношения СССР с его союзниками в рядах западной интеллигенции. Зачем так ругать Пикассо, не только симпатизирующего компартии, но и материально поддерживающего ее? – рассуждал он. Если Советский Союз настолько уверен в собственном политическом могуществе, что не испытывает нужды в союзниках за рубежом и благоприятном для себя общественном мнении на Западе, тогда деятельность организаций типа ВОКС вообще теряет какой-либо смысл [1. Оп. 125. Д. 509. Л. 293]. Заметим, что и некоторые видные деятели советской культуры имели смелость "пойти против течения", обращая внимание партийных органов на необходимость более терпимого отношения к западным интеллектуалам, стоявшим на левых политических позициях, но не разделявшим творческих принципов, декларированных официальной Москвой. Так, С. Образцов на совещании в ЦК ВКП (б) в 1948 г. говорил, что иногда мы сами отталкиваем от себя друзей СССР, таких, как Пикассо. "Французская интеллигенция стоит на распутье так же, как в свое время стояла на распутье русская интеллигенция. Маяковский когда-то был футуристом, но это не помешало ему стать одним из лучших советских поэтов" [1. Оп. 125. Д. 594. Л. 50].

В Чехословакии даже на левом фланге художественной жизни проявилась такая обеспокоенность новыми веяниями в культурной политике СССР⁴, что руководителю Союза советских писателей А. Фадееву пришлось вылететь в 1947 г. в Прагу, чтобы в ходе встреч с чешскими литераторами сделать разъяснения, едва ли, впрочем, успокоившие их. "Да, мы все хотим, чтобы искусство в будущем было искусством широких масс. Но не менее искренне и убежденно мы хотим и того, чтобы искусство при этом оставалось искусством", – выразил общее суждение словацкий литератор Д. Хробак (цит. по: [5. С. 251]). Конечно, и ранее многие художники стран региона, стоявшие на левых политических позициях, но отнюдь не желавшие менять свои творческие принципы в угоду Жданову, связывали с социалистической перспективой опасность бюрократического вмешательства в культуру. Однако не все они придавали этой опасности должное значение, считали ее, по словам венгерского дирижера А. Тота, "достаточной причиной для того, чтобы мы оставили все по-старому... оставили художника предоставленным капризным меценатам, расчетливым импресарио, чтобы мы разрешали гениям иногда голодать "на свободе" в нетопленных

⁴ Теоретик чешского соцреализма К. Тейге, например, на съезде писателей 1946 г. с отвращением высказался о вульгарной марксистской критике, которая "свои умозаключения подчиняет целесообразности политической тактики и умудряется свои оценки менять в зависимости от тактических колебаний" [4. С. 209].

мансардах" [2. Оп. 17. Д. 147. Л. 43]. Теперь угроза предстала во всей своей очевидности.

Однако было бы явным упрощением сводить советское культурное влияние к тиражированию парадных портретов и бюстов Сталина, напичканных унылой дидактикой романов, пьес и фильмов о передовиках производства и т.п. О том, сколь сложна и неоднозначна проблема культурной экспансии с Востока, свидетельствует обстоятельство, о котором иной раз склонны забывать: по одним и тем же каналам и в одно и то же время из СССР переправлялись не только порожденные "холодной войной" конъюнктурные однодневки, разоблачавшие американский империализм и югославский "ревизионизм", но и русская литературная, музыкальная классика, которая практически в каждой из стран региона гораздо шире, чем до войны, издавалась, исполнялась, ставилась на сцене. Не только коммунистической и близкая ей пресса отмечала высокий профессионализм гастролировавших советских музыкантов – пианистов С. Рихтера, Э. Гилельса, скрипача Д. Ойстраха, дирижера Е. Мравинского, балерины Г. Улановой. Их творчество было самым лучшим пропагандистом советской культуры. Распространение подлинных духовных ценностей не могло не способствовать подтверждению высокого престижа русской культуры при том, что последняя преподносилась зарубежной аудитории в крайне усеченном виде – за бортом оставалось все то, что не укладывалось в схемы сталинской эстетики.

Даже те из ведущих художников стран Центральной Европы, кто однозначно поддерживал коммунистов и выступал за социалистическую альтернативу, часто видели в обращении к советскому опыту прежде всего путь к обогащению национальной культуры, приобщению ее к новым источникам развития. Крупный словацкий поэт Л. Новомеский писал: "Мы не воспринимаем однозначность нашей культурной ориентации как односторонность, а наше дальнейшее развитие открыто плодотворным веяниям с любой стороны" [8. С. 373]. Однако что бы ни стояло за подобными декларациями, их утопизм обнаружился очень быстро. Раскол антифашистского лагеря, резкое обострение противоречий между недавними союзниками, нагнетание "холодной войны" ускорили всестороннее вытеснение западных держав из стран советской сферы влияния. Это нашло проявление и в культуре. Советские фильмы к 1949 г. составляли до 90% кинопроката, тогда как американские почти перестали быть доступны широкому зрителю. Пьесы современных западных авторов исчезли из театральных репертуаров. Причем массивная советизация культуры означала не столько ее русификацию, сколько вполне определенную ее идеологизацию. Русская классика явно отошла на задний план. Характерно, что в 1950–1953 гг. в Польше не было поставлено ни одной пьесы А.П. Чехова.

С конца 1940-х годов роль советского опыта абсолютизируется, продукция социалистического реализма советского образца не просто получает неограниченные возможности для распространения – она становится главным фактором художественной жизни: ее каноны нередко возводятся в ранг обязательных, приобретают для творцов силу закона. Уже не только постановления ЦК ВКП(б) по проблемам искусств, но даже отзывы того или иного советского деятеля культуры, не всегда выдающегося, воспринимались как истина в последней инстанции, определяли систему норм. Удивительно читать о том, как в стране, давшей миру И. Кальмана и Ф. Легара, в вопросах постановки оперетт руководствовались мнением советского композитора Ю. Милютин: "Критика, советы и указания, полученные от товарища Милютин, помогли выяснению наших самых важных проблем и тому, чтобы мы в будущем с большей энергией могли работать для развития этого жанра", – говорилось в письме директора венгерской оперетты в ВОКС [2. Оп. 21. Д. 204. Л. 149]. К этому времени в культурной политике стран советской сферы влияния сложилась ситуация, которую хорошо передает следующий венгерский анекдот. Один из тогдашних лидеров страны, М. Фаркаш, принимая группу поэтов, указал пальцем на висевшую в его кабинете картину в духе соцреализма: "Я выбрал эту картину, потому что она понравилась кухарке, которая вместе с моей семьей приехала

из Москвы. Для меня ее мнение – мнение советского народа". Один из присутствовавших, поэт Э. Зелк, поинтересовался, владеет ли кухарка венгерским языком. "А что?" – спросил Фаркаш. "Тогда и насчет нашей поэзии вы могли бы принять ее оценку" (приведен венгерским литературоведом Э. Штандейски в одном из докладов).

Конечно же, все это не могло не вести к пресыщению советской культурой, углублявшемуся по мере разочарования в скором торжестве социалистических идеалов даже тех, кто в обстановке послевоенной эйфории оказался на время подвержен определенным иллюзиям. Выступая весной 1956 г. с трибуны съезда чехословацких писателей, будущий нобелевский лауреат Я. Сейферт сорвал бурные аплодисменты аудитории, когда сказал: "Еще во времена гуситских войн мы были страной сплошной грамотности. Нам нечему учиться на Востоке". Стремление чешских и словацких интеллектуалов преодолеть обозначившуюся после 1945 г. одно-сторонность культурного влияния, расширить горизонты национальных культур за счет обращения к иным духовным источникам было одной из движущих сил "Пражской весны" 1968 г.

Перемены второй половины 1950-х годов, конечно же, привели к отказу от наиболее одиозных крайностей в подчеркивании преимуществ советской культуры. Но сохранявшееся неравноправие межгосударственных отношений в рамках советского блока еще более 30 лет препятствовало налаживанию нормального диалога культур и формированию свободного от политики, объективного взгляда интеллигенции стран Центральной Европы на проблему культурного влияния с Востока.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17.
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5283.
3. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 077.
4. Účtování a výhledy. Sborník prvního sjezdu českých spisovatelů. Redigoval J. Kopecký. Praha, 1948.
5. История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны. М., 1995. Т. 1. 1945–1960-е годы.
6. Acta Universitatis Szegediensis de Attila József nominata dissertationes Slavicae. 1988. № 19.
7. Hungaria litterata, europae filia. Budapest, 1985.
8. *Новомеский Л.* Стихи. Поэмы. Статьи. М., 1976.

© 2002 г. Е.И. ЯКУШКИНА

СОВРЕМЕННАЯ СЕРБСКАЯ ДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ¹

Восьмидесятые-девяностые годы XX в. ознаменовались чрезвычайно интенсивным развитием диалектной лексикографии в Сербии и Черногории, где за последние пятнадцать лет вышло в свет около двадцати диалектных словарей. В начале 80-х годов произошел очевидный поворот в интересах югославской лингвистики в сторону диалектной лексикографии, что прежде всего выразилось в проведении в 1980–1983 г. ряда конференций с целью оценить предыдущий лексикографический опыт и сформулировать основные задачи отечественной диалектной лексикографии².

Лексика штокавских говоров, а носителями именно этих говоров является сербское население, впервые подверглась лексикографической обработке в словарях Белостенца (1740), Ямбрешича (1742), Делла Белина (1785), Иоакима Стулли (1806) (подробно об истории сербской диалектной лексикографии до 1980 г. см.: [3; 4]). В 1818 г. (2-е издание – 1852 г.) появляется знаменитый словарь Вука Караджича [5], содержащий ядро словарного фонда сербского языка [6] и поэтому определивший направление развития всей диалектной лексикографии последующего времени, став эталоном, по отношению к которому описывается лексика. Этот словарь, во-первых, целиком вобрал в себя лексику родного говора Караджича (см. карту), относящегося к восточногерцеговинскому типу (более 26 тысяч лексем), а также в него вошло около 400 лексем, распространенных в других говорах: прежде всего, воеводинских, а также ресавских и черногорских [7. С. 185]³. В тридцатые годы нашего века вышел "Словарь косовско-ресавского диалекта" Глиши Элезовича [9] – дифференциальный по отношению к словарю Караджича [5] и Словарю Югославской академии наук и искусств [10]. В него, несмотря на название, фактически вошла лексика гораздо более узкой территории (основной корпус материала собран в городке Вучитрн и его окрестностях), так что сам автор характеризовал его как метохийско-копаоникский (см. карту). Таким образом, до середины 80-х годов сербская лингвистика располагала лишь двумя

Якушкина Е.И. – аспирантка филологического факультета МГУ.

¹ См. на эту тему [1; 2].

² Научни скуп о лексикографији и лексикологији (САНУ), Београд, 3–5 XII 1980. Научни скуп. Проблеми српскохрватске лексикологије (Матица српска и Институт за српскохрватски језик), Нови Сад, 21–23 IV 1983. Znanstveni skup: Dijalekatska geografija i dijalektološka leksikografija i leksikologija. Zagreb, 18–20 III 1982.

Материалы конференций опубликованы в сборниках: Лексикографија и лексикологија, Нови Сад – Београд, 1984. Лексикографија и лексикологија, Београд – Нови Сад, 1982.

³ В своей основе словарь Караджича – это словарь говора одного человека. [3. С. 70; 6. С. 283], в то же время его можно считать и региональным словарем [8. С. 196].

диалектными словарями, причем только последний из них можно назвать диалектным словарем в настоящем смысле этого слова; все же "остальное, кроме тематических словарей, – просто ряд различных, часто очень полезных, больших или меньших подборок диалектной лексики, а не лексикографические труды" [4. С. 185].

Подобная ситуация объясняется тем направлением, которое приняла сербохорватская лексикография еще в XIX в., а именно ориентацией на подготовку словаря-тезауруса. В конце прошлого века в Загребе началась работа по созданию исторического словаря сербохорватского языка [10], куда вошел и огромный корпус диалектной лексики, специально для этой цели собиравшейся. С конца прошлого века начался сбор диалектного материала для второго сводного словаря, словаря Сербской академии наук, издание которого началось в Белграде в 50-х годах [11] и продолжается до сих пор. В общей сложности в этих словарях "растворилось" около пятисот собраний штокавской диалектной лексики, многие из которых представляли собой самостоятельные лексикографические труды [1]. Учитывая же то, что в словари вошла лишь часть собранной лексики, сегодня эти материалы доступны лишь в словарных картотеках⁴.

На современном этапе в теории сербской диалектной лексикографии, в частности на упомянутых выше конференциях, утвердился принцип полноты описания лексики, т.е. необходимости создания полных, или "*системных*" словарей, презентующих лексико-семантическую систему говора, в противоположность сложившейся традиции фиксации регионализмов, "специфической" диалектной лексики [1; 8; 12; 13], что фактически означает просто общую инвентаризацию лексики, имеющую ценность прежде всего для этимологических исследований [8]. В целях экономии места Митар Пешикан [13] предложил в полных словарях просто регистрировать общераспространенную лексику (без толкования), но при этом обязательно фиксировать парадигму слова, что было применено в дальнейшем Томичем в "Словаре радимского говора" [14].

Сербская диалектная лексикография с точки зрения ареалогии

Посмотрим, как на настоящий момент лексикографически описана территория распространения штокавского диалекта (см. карту).

Восточно-герцеговинские говоры: говор села Тршич [5], область Ускоци [15], село Прошчене [16]. *Шумадийско-воеводинские:* говоры Воеводины [17]. *Младшие икавские говоры:* Суботица и окрестности [18]. *Зетско-ловченские:* область Васоевичи [19], область Загарач [20]. *Косовско-ресавские:* Вучитрн и окрестные села, ряд населенных пунктов в Метохии [9], село Радимня [14], село Мали Извор (окрестности Ртаня) [21]. *Торлацкая диалектная зона (призренско-тимокские говоры):* призренско-южноморавские говоры: Лесковац [22], Враньска Пчиня [23]⁵; тимокско-лужничкие: район Княжевца [24–26], Пирот [27–30], Лужница [31]⁶, село Свиница [32]⁷.

Сербскую диалектную лексикографию 80–90-х годов характеризуют две чрезвычайно важные особенности. Первая – внимание исключительно к периферийным диалектным типам, значительно удаленным от литературного языка, и прежде всего – к говорам юго-восточной Сербии как наиболее "экзотичным". Вторая – создание

⁴ Список словарных материалов, вошедших в картотеку [11], опубликован в первом томе словаря.

⁵ Подготовлен и словарь говора с. Каменица в окрестностях Ниша (автор – В. Јовановић). Нельзя не отметить (в силу его объема и ценности) также неопубликованное собрание лексики города Призрени Д. Чемерикича.

⁶ Также идет работа над словарем говора с. Кална в окрестностях г. Црна Трава (автор – С. Глигоријевић).

⁷ Помимо перечисленных словарей, существует большое число лексических подборок из разных областей (о материалах по лексике Воеводины см.: [17], кроме того, диалектная лексика исследовалась в рамках сбора материала для различных диалектологических атласов (см. [33–35]).

словарей отдельных населенных пунктов или небольших областей, за которое берутся авторы-одиночки, зачастую энтузиасты-краеведы, сами носители исследуемых говоров. В этом контексте совершенно беспрецедентен опыт первого масштабного коллективного лексикографического проекта, который начал разрабатываться двадцать лет назад, "Словаря сербских говоров Воеводины", первый выпуск которого появился в 2000 г. [17]. Новаторство концепции этого словаря прежде всего в том, что это первый диалектный словарь, содержащий лексику говоров, составляющих базу литературного языка. Во-вторых, это первый и единственный зональный словарь в сербской лексикографии, охватывающий широкую территорию и включающий лексику говоров, относящихся к разным диалектным типам: шумадийско-воеводинскому и смедерско-вршацкому. Словарь со столь широким охватом территории не мог не превратиться в словарь-атлас. Вся сообщаемая в словаре информация о слове: фонетические варианты, значения, иллюстративные тексты, фразеологизмы – сопровождаются географическими пометами (указанием всех пунктов фиксации данного явления или текста). (Это следует отметить особо, поскольку система географической документации применяется лишь некоторыми лексикографами [23, 28–30].)

Принципы формирования словника и отбора лексико-семантических вариантов (ЛСВ)

Словари сильно разнятся по объему словника. Самые фундаментальные – "Словарь лесковацкого говора" Браны Митровича [22] и "Словарь говора ускоков" Милицы Станича [15] – включают 100 тысяч слов и 70–80 (по нашим примерным подсчетам) тысяч слов соответственно. "Словарь буневцев Бачки" Марко Пеича и Грго Бачли [17] содержит 17 тысяч слов; "Словарь радимского говора" [14] – 13 тысяч слов (и тысячу словоформ); "Словарь тимокского говора" вместе с добавлениями [24–26] – 9 тысяч слов; "Словарь говора Загараца" [20] – 10 тысяч слов; "Словарь говоров южной Сербии" [23] – 10 тысяч слов (по нашим подсчетам); "Словарь пиротского говора" [27] – около 9 тысяч слов (по нашим подсчетам); "Словарь Лужницы" [31] – 3 тысячи слов.

В традиции сербской диалектной лексикографии руководящий принцип в формировании словника – разграничение лексики редкой, бытующей только в данном диалекте, и общераспространенной. Идея необходимости создания словарей полного типа, отстаиваемая Драголюбом Петровичем, утвердилась в сербской диалектной лексикографии с началом разработки проекта полного "Словаря сербских говоров Воеводины" [17], редактором которого он является. В русле методики этого проекта (и в его рамках), также под редакцией Д. Петровича, был создан первый фундаментальный полный "Словарь говора буневцев Бачки"⁸ [18]. Ему, правда, предшествовал "Словарь радимского говора" Миле Томича [14], составленный по типу полного, т.е. включающий все зафиксированные лексемы говора, однако не являющийся словарем в полном смысле этого слова, поскольку он лишь в малой степени ориентирован на толкование лексем, будучи регистром имеющихся в наличии слов и словоформ говора.

Подавляющая же часть сербских диалектных словарей – дифференциальные: либо по отношению к литературному языку⁹ [16; 20; 23; 24], либо, вследствие отсутствия определенной нормы, по отношению к какому-либо словарю (см. ниже), либо

⁸ Буневцы – католическое население, проживающее на севере Воеводины, носители штокавского икавского диалекта, переселенцы из Далматинской части Хорватии.

⁹ Литературный сербский язык сформировался на народной основе, соответственно и ядро лексической системы стандартного языка базируется на лексике народных говоров, восточно-герцеговинских и шумадийско-воеводинских. Поэтому степень "пересечения" и взаимодействия диалектной и стандартной лексики гораздо больше, чем, например, в русском языке: с начала формирования сербского литературного языка филологами и литераторами приветствовалось обогащение литературного языка за счет диалектной лексики.

по отношению к диалектному окружению [20]. В качестве эталонов для сравнения выступают словарь Караджича [15; 21; 27], словарь САНУ [11] – для словарей [19; 22; 26], словарь МС [36] – для словарей [22; 27], каждый из которых помимо литературной лексики включает (в разном объеме) и диалектную. Это значит, что словарями по преимуществу фиксируются лексические, семантические, морфологические, акцентологические, фонетические ограниченно распространенные диалектизмы, как слова, так и формы, не вошедшие в большие словари. Однако и сами составители словарей, естественно, осознают, насколько теряет словарь в своей научной ценности при таком составе словника, и отдают себе отчет в том, что в некоторых случаях принцип строгой дифференциальности ущербен: "В словарь мы внесли и немного лексики, которую можно считать общей для сербского языка (...), так как это было необходимо, чтобы была видна система лексических отношений, система именования и осмысления, а иногда и вследствие требований *лексической географии*, т.е. чтобы указать на наличие или отсутствие определенных слов в этом говоре" [20. С. XVI–XVII].

Селективный подход к включению материала, как известно, может проявляться и в другом направлении, а именно в разграничении лексики современной и традиционной¹⁰. Что касается точки зрения сербских лексикографов на эту проблему, можем сослаться только на позицию Д. Петровича [37. С. 12]: в "Словаре сербских говоров Воеводины" не включались "слова, которые в новейшее время вошли в диалект в потоке так называемой цивилизационной лексики (такие как *фрижидер, телевизија, електрика* и пр.)". На практике, однако, в словнике обнаруживаем такие слова, как *асфалт, арендирати, авијон* и другие интернационализмы, обозначающие современные реалии. Не включенными в словарь оказываются общераспространенные современные лексемы. Полные словари [14; 17] включают, согласно своей исходной установке на максимально полную репрезентацию лексики, и лексику современную. Основная же масса дифференциальных словарей включает, в основном, традиционную лексику¹¹, именно на ее сбор и ориентируются составители: "есть в словаре и слова, сейчас не употребляемые... Такую лексику мы и разыскивали" [20. С. XVII]. В полных же словарях [14; 18], при всей ценности того, что там представлен общий лексический фонд, хуже, чем в дифференциальных словарях, отражены некоторые пласты традиционной лексики. Так, упомянутые словари [14; 18] вообще не включают обценную лексику, которая фиксируется практически всеми дифференциальными словарями¹², и ограниченно отражают календарную, обрядовую, мифологическую терминологию.

Разные дифференциальные словари в разной степени отражают народную терминологию, что, помимо установок авторов, связано и со степенью сохранности, представленности такой лексики в системе говора, поэтому естественно, что наиболее широко такая лексика фиксируется словарями диалектов, испытавших минимальное

¹⁰ Под традиционной лексикой обычно понимается тот круг лексики, который характеризовал народный язык до начала его активных контактов с языком образованной части общества. Помимо названий основных действий, чувств, человеческих признаков, свойств и характеристик предмета, частью этой лексики является терминология традиционной материальной и духовной культуры: названия животных, растений, объектов и явлений природы, предметов быта, домашней утвари, хозяйственных орудий, одежды, пищи, болезней, социальные термины, термины родства, названия обрядов, обычаев, праздников, мифологических существ и т.д.

Под современной лексикой мы подразумеваем слова, которые относительно недавно начали входить в диалектный язык под влиянием городской культуры. По большей части вместе с появлением новых, не знакомых крестьянскому быту реалий из области техники, политики, социальной организации, администрации, медицины, образования, спорта и т.д.

¹¹ Исключение составляет словарь Станича [15]. В него включена и современная лексика, так как составитель хотел представить развитие лексической системы. Встречаются, несмотря на установку на сбор традиционной лексики, современные слова и в "Словаре говора Загарача" [20].

¹² Обценная лексика, в частности, фиксируется словарями: [15; 20; 23; 28; 29; 31].

влияние городской культуры. Она богато представлена в таких словарях, как [15; 16; 19; 21–27; 31] (ботаническая, зоологическая, скотоводческая терминология, названия предметов быта, одежды, терминология духовной культуры)¹³. При презентации терминологии некоторые авторы словарей справедливо отступают от дифференциального принципа, с тем чтобы представить целостное терминологическое поле. Рада Стийович, как она пишет в предисловии к своему словарю [19], так поступила с садоводческой и скотоводческой терминологией, включив в словарь и общелитературные слова, функционирующие в терминосистемах говора.

Ряд словарей, прежде всего [15; 23] (в гораздо меньшей степени словарь [27]), содержат и значительный корпус ономастической лексики: топонимы (и обозначения лиц по месту жительства), имена и фамилии (включая деминутивы), прозвища [15; 23].

В свете общей этнолингвистической направленности современной диалектной лексикографии, когда критерием включения лексем в состав словника становится не ее наличие или отсутствие в литературном языке, а роль обозначаемой лексемой реалии в народной культуре, чрезвычайно актуальным представляется подход автора "Словаря Лужницы" Д. Форского [31], который руководствовался при составлении словника принципом значимости данной лексемы для носителей говора, поэтому в словник вошли такие общераспространенные слова как *време, глув, глад, газда, деда, жаба, добар, кукавица, слава*, не отличающиеся от литературных ни по форме, ни по языковой семантике, но отличающиеся по культурному содержанию.

При подаче терминологии народной культуры в сербских словарях часто применяется тематический принцип: некоторые термины не образуют самостоятельного словарного входа, а приводятся в статье, заглавное слово которой представляет собой ядро семантического поля, объединяющего всю терминологию обряда, устройства орудия труда или технологии процесса, например: **Бистрица** ж бот. 'сорт сливы, *Prunus domestica L*'. – Народные названия для домашних слив: *цепаче, мађарке, ринглови, тургуње, марелице, бјелице, црна бистрица, зелена касна, балканска царица, трновача, краљица Викторија* [17].

Последовательно применяется такой принцип подачи терминологии и в словаре Форского [31]. Например: **Жетва** (жатва) – очень тяжелый труд. Жали серпом. То, что охватывают одной рукой, – *рукољћа*... Несколько *рукољћа* составляют *песку*. Из *песке* делают *сноп*. Снопы складывают в *крстине*. *Крстине* отправляют на *гувно* и *дену у стог* или *камару*¹⁴. **Кола** (повозка) – транспортное средство, куда запрягают скот. Детали повозки: *руда, шкрипуша, гачће, оплен, јеръм, ауштук, цугови, тулац* (...) [31].

Толкование

Вследствие особых условий возникновения большинства сербских диалектных словарей (составление словаря, как правило, ложится на одного-двух человек, которые к тому же, и не всегда являются лингвистами, да и задачи, которые они перед собой ставят, не всегда лингвистические, а зачастую культурно-этнографические), общий

¹³ Тематический состав словника (преимущественная фиксация слов того или иного семантического поля, лексической группы), естественно, разнится. Для примера приведем наши приблизительные (подчеркиваем) оценки по нескольким словарям [15; 18; 20; 23; 27]. Во всех словарях (кроме [27]) доминирующей группой оказываются характеристики и оценки человека по характеру, внешнему виду, поведению, а также характеристики предметов по качеству. Причем в этой группе в словаре [15] преобладают экспрессивные оценки человека по поведению и внешнему виду. В [18] содержится большой корпус скотоводческой и хозяйственной терминологии; в [20] – земледельческой, хозяйственной, географической, в [23] – скотоводческой, земледельческой, садоводческой, хозяйственной, ботанической, географической, календарной, в [27] – скотоводческой, хозяйственной, ремесленной, календарной, обрядовой. В [15], где содержится самая разнообразная лексика, обращает на себя внимание, если сравнивать с другими словарями, большое количество названий игр, в том числе карточных.

¹⁴ Диалектные слова, употребляемые автором в тексте толкования, как и иллюстрации, оставлены без перевода.

уровень лексикографического описания, их характеризующий, достаточно низкий. Исключительное явление в новейшей сербской диалектной лексикографии – "Словарь сербских говоров Воеводины" [17]. Для этого словаря разработана ориентированная на отражение различных лексико-семантических связей диалектного слова система лексикографического описания. Стремление включить в словарь всю лексику независимо от ее отношения к стандартному типу и в то же время близость лексического состава воеводинских говоров и литературного языка ставит вопрос о том, как описывать диалектные ЛСВ, тождественные литературным. Такого рода ЛСВ помечаются особым знаком, свидетельствующим о его совпадении с соответствующим литературным, и не толкуются, а только иллюстрируются. Например: *Бео, бела, бело о.* – Бео био [коњ] ко лабуд (Бшк)¹⁵; *Беда ж о.* – Било мало стоке, продали, тако је купио кућу, било је беда, ето. (Су – С Фу; Нм Вш Ј).

Из целого ряда синонимов и фонетических и словообразовательных вариантов толкуется только один, а остальные объясняются через отсылку к наиболее распространенному варианту или синониму: *белкаст/белькаст – а, -о* ⇒ *беликаст*; *бујка ж.* ⇒ *ћурка*¹⁶. Дефиниция представляет собой литературный эквивалент ЛСВ или описательную характеристику десигната, более или менее развернутую в зависимости от степени известности реалии.

Более-менее систематично, но зачастую слишком сложно описание значений в полном "Словаре говора буневцев" [18]. Общераспространенная лексика получает здесь описательное толкование: **виме** 'молочные железы с сосками у самок млекопитающих' (лит. *виме*); **кост** 'одна из твердых частей тела человека или скелета животного' (лит. *кост.*); **квака** 'то, за что берутся рукой и прижимают, когда открывают и закрывают дверь' (лит. *квака* 'дверная ручка'); **смрт** 'конец жизни' (лит. *смрт*).

В случае же, когда диалектное слово хотя бы минимально по форме отличается от литературного (эти различия, как правило, носят системный и предсказуемый характер, типа рефлекса "ять"), составители в качестве толкования приводят литературное соответствие: **сниг** 'снег' (лит. *снег*); **видит** 'видеть' (лит. *видети*); **ладан** 'холодный' (лит. *кладан*). Однако и этот принцип проводится непоследовательно: **свића** 'предмет округлой формы из воска, сала, парафина и т.п. с продернутым фитилем через середину, служащий для освещения' (лит. *свећа*), но: **свит** 'свет' ('мир').

В результате однотипные слова, относящиеся к одной тематической группе, получают неоднотипные толкования, не говоря о том, что в некоторых случаях применение описательных дефиниций к общеизвестным словам совершенно излишне и только усложняет толкование. Приведем в пример презентацию в словаре терминов родства: **матер** 'мать' (лит. *мати*), но – **отац** 'мужской родитель' (лит. *отац*); **ћер** 'дочь' (лит. *ћи, ћери; ћерка*), но – **син** 'особа мужского рода по отношению к своим родителям' (лит. *син*).

Диалектная лексика, отсутствующая в литературном языке, толкуется литературным эквивалентом, рядом литературных синонимов или синтагм или в случае отсутствия синонимов описательно.

Терминологическая лексика получает и энциклопедическое толкование, часто по схеме родовая сема + подробное описание содержания термина (в скобках): **крумпирача** 'вид кушанья (кругами нарезанный картофель, на который на противне кладут колбаски и мясо и запекают в деревенской печи или плите)' [18].

В дифференциальных словарях строгие подходы к толкованию значения отсутствуют. В целом, ситуацию можно охарактеризовать так: слова, к которым можно подобрать литературные эквиваленты, толкуются одним или несколькими литературными синонимами, в противном случае дается описательное толкование, а в случае

¹⁵ Диалектные тексты приводятся в настоящем обзоре, как правило, без перевода.

¹⁶ В этом словаре, помимо синонимических, последовательно отражаются и другие лексико-семантические связи ЛСВ. Указываются частичные синонимы и антонимы, способствующие раскрытию семантики лексемы.

неизвестности обозначаемой реалии применяется энциклопедическое толкование. Проиллюстрируем ситуацию конкретно на примере ряда словарей.

Дружица 'веретено', **дроб** 'желудок, живот'; **крочит** 'шагнуть, пойти, поспешить' [20]; **пило** 'питье', **писец** 'иконописец' [23]; **патеж** 'страдание', **исповржем** 'связать' [27] или **приганица** 'жидко взбито (с водой) тесто, обжаренное на сковородке, плоское или круглое, в форме *крофны, уштикак*'; **горница** 'кусок сала со свиного хребта, вдоль позвоночника, от шеи до хвоста и с боков до середины, который целиком выделяется для сушения'; **жмулит** 'плохо, небрежно выполнять какую-либо работу, вяло и без аппетита есть' [20]; **зрне** 'белый ягненок с черными, зернистыми пятнами на голове' [23]; **лопатар** 'рабочий, который на земляных работах работает лопатой' [27]. Непосредственно соотносящиеся формы типа видовых пар и деминутивов и аугментативов и мотивирующих их форм толкуются с помощью отсылок: *нsv* (к глаголу) или *дем., аугм.* (от существительного) [15; 18], а в остальных словарях толкование глаголов разного вида (не обязательно образующих видовую пару), как правило, не согласовано (тогда как отсылочное толкование деминутивов характерно для большинства словарей). В словаре [17] глаголы, составляющие видовую пару суффиксального образования, объединяются в одну статью.

При наличии в словнике лексем с идентичным значением описывается значение одного синонима, а второй толкуется через отсылку к первому¹⁷ [15; 19; 20; 22; 23]: **ишчаит**, -аим свр. см. *ишчиљет* (2) ('ослабеть'). Бедо бљеше посве ишчаио, немаше се шта од њега виђет [19].

Подход к проблеме многозначности и ее практическое решение целиком определяется характером словаря и его техническими возможностями. Основная масса дифференциальных словарей исходит в этом вопросе из принципа простоты описания. Общая практика сербской диалектной лексикографии – группировать значения в одно целое, насколько это возможно, и давать как можно меньше разных толкований для одного слова в целях прежде всего экономии места. Составители словаря [20] отмечают: "при толковании слов мы старались принимать во внимание, что речь идет об однотомном словаре, в котором невозможно, как в многотомном, давать все значения отдельно под особыми пунктами, обозначенными цифрами или буквами..., *мы старались как можно больше группировать значения. Где значения ясно отделялись одно от другого, это обозначено номерами, ... а близкие значения мы отделяли точкой с запятой*" [20. С. XVIII–XIX]. На практике это неизбежно приводит к неединообразности отражения семантической структуры слов. Ср.: непоследовательность подачи переносного значения в следующих примерах: **гадуља** 1. 'нечистая, неаккуратная женщина'; ср. **гадура**. 2. 'безнравственная, испорченная женщина' и **гадура** 'испорченная, безнравственная женщина; нечистая, неаккуратная женщина' [20]; **скапат** 'сдохнуть, умереть (чаще всего без пищи и жидкости); измучиться, пережить большие трудности; иметь трудную судьбу' и **скаменит се** 1. 'затвердеть, окаменеть, стать твердым, застывшим, перестать развиваться' 2. 'застыть, быть недвижимым (от возбуждения или какого-то внезапного несчастья или несчастья вообще)' [20].

В "Словаре пиротского говора" [27] полисемия вообще не отражается, значения даются в максимально обобщенном виде или указываются через точку с запятой: **дрндам** 'растрясать шерсть, хлопок; говорить разные вещи, болтать'.

Тенденции к синкретичности толкований противостоят случаи излишнего дробления семантической структуры слова, выражающегося в разбиении одной лексемы на омонимы. Вот два примера из "Словаря лесковацкого говора" [22]: **китка**, ф. 1. 'букетик, связка'. 2. 'кисточка'. 3. 'группа жениховой родни'; **китка**, ф. 'обручение, сватовство', см. *нишан*. У недељу идомо с побратима на једну китку; **поразија**, ф. 'зараза,

¹⁷ Благодаря такой системе отсылок эти словари становятся одновременно словарями диалектных синонимов.

эпидемия'; **поразија**, ф. 'Паразит'. Подобное лексикографическое решение явно неоправданно, поскольку совершенно очевидно наличие в первом случае общей свадебной семантики, связанной с первичным значением украшения, а во втором – семантики нанесения вреда и источника болезни.

Нередки случаи выделения лексикографических фантомов, основанных на неправильном прочтении контекста. Ср.: **стан** 1. 'место обитания, квартира в городе'; 2. 'военная служба, казарма'; 3. 'пребывание, жизнь, существование'; 4. 'неизвестность, что-то далекое' (обычно в проклятиях): **Стан ти за црно море био!** <Чтоб тебе жить за черным морем!> [20]. В тексте приведенного проклятия лексема *стан*, очевидно, значит все то же 'место обитания', и никакого нового значения ('неизвестность') не имеет.

"Словарь сербских говоров Воеводины" [17], "Словарь говора буневцев" [18] и "Словарь говора ускоков" [15] выделяются тем, насколько большое значение в них придается многозначности, выделению и толкованию разных ЛСВ, что, естественно, определяется установкой этих словарей на отражение лексической *системы*, а также владением разработанной методикой выделения значений. Так, автор "Словаря говора ускоков" [15] семантическую структуру слова отражает в соответствии с принципами, выработанными в словаре [11], в работе над которым он принимал участие. Значения в словаре даются в их иерархии: **глава** 1.а. 'хороший человек, герой' б. 'лицо, особа'. 2. 'закругленный холм, *главица*'. 3. 'источник'. Методика первых двух словарей [17; 18] – результат многолетних разработок в области лексики говоров Воеводины. Отличительная черта этой методики заключается в том, что единицей лексикографического описания является не лексема, как в большинстве словарей, а лексико-семантический вариант, следствием чего является корректное отражение семантической структуры слова. Ср. различную презентацию семантики лексемы **знат** в словаре [18] и [20]: **знат** 1. 'быть знакомым с чем-то; быть осведомленным о чем-то; знать'. 2. 'быть искусным в чем-то, уметь'. 3. 'быть в состоянии, мочь, хотеть'. 4. 'частица, используемая при обращении для привлечения внимания' [18] – и **жнат** (арх.) и **знат** (нов.) '*знати, познавати*' [20]. В случае полисемантности и диалектного слова, и его литературного эквивалента, диалектное слово в словаре [18] никогда не толкуется литературным, а дается описательное толкование, например: **симе** 1. 'плод растения, из которого развивается новое растение' (вместо ожидаемого '*семе*' (*семя*)) 2. 'дети потомство'. Тогда как в дифференциальных словарях при наличии литературного эквивалента с такой же полисемантической структурой, что и у диалектного слова, указывают его, и этим толкование исчерпывается. Ориентация на раскрытие семантики слова во всей ее полноте приводит, однако, к тому, что статус значения слова придается разного рода его употреблением, контекстным значениям или слову приписывается значение целой синтагмы, в которую оно входит: **добар** 3. 'сильный, здоровый'. *Лесте она мршава, али доброг здравља* (Она худая, но у нее хорошее здоровье). 5. 'полезный'. *Керу је и кошћура добра храна*. (Собаке и кость – хорошая еда) 6. 'лекарственный'. *Бели лук је добар за срце*. (Чеснок хорош для сердца) (контекстные значения выделены в качестве словарных); **кост** 1. 'одна из твердых частей тела человека или скелета животного'; 2. 'тело (обычно исхудавшее)'. *Слабо иде, па је посто кост и кожа*. (Плохи дела, вот и стал кожа за кости) (Семантикой 'исхудавшее тело' в приведенном примере обладает фразеологизм *кост и кожа*, а никак не отдельное слово *кост*).

Следует отметить и особый опыт "Словаря радимского говора" [14], в котором семантическая информация вообще сведена до минимума. Составитель поставил перед собой задачу отразить лексическую систему говора в ее полноте, что оказалось возможным сделать, только пренебрегая разработкой семантики слов. Словарь представляет собой список акцентированных слов и словоформ, без толкования (значение дается только у областных слов, предельно кратко, через литературный эквивалент).

Расширенное толкование. Комментарий к описанию значения

Некоторые категории слов, а именно терминология народной культуры и слова, символически нагруженные, связанные в народном сознании с определенным кругом поверий, получают в словарях этнокультурную интерпретацию. Одна из традиций сербской диалектной лексикографии, восходящая к словарю В. Караджича¹⁸, – не просто отражение в словаре лексического состава диалекта, а презентация культуры носителей диалекта. Лексика, связанная с обычаями, обрядами, поверьями народа, дает возможность ввести в словарь этнокультурную информацию в случае этнографическо-краеведческой ориентации составителя (например, [31; 23]), или его нацеленности на максимально полное раскрытие содержания слова. Внеязыковая информация вводится в словарь посредством расширенного толкования, в иллюстрациях и в разного рода дополнениях к дефиниции. Так многие диалектные словари становятся ценными источниками сведений, в том числе уникальных, по фольклору и этнографии¹⁹.

В словаре [18] этнографической интерпретации подвергаются только названия локально ограниченных, общеизвестных обычаев и обрядов (ср. *божић* и *краљице*). Толкование начинается формулировкой родовой семы слова ('народный обычай'), а далее, в скобках, следует достаточно подробное описание обряда. Например: **краљице** краљица ж мн 'народный обычай (*краљице* – это девочки 8–14 лет, обычно группа. Первая пара называется "*придњаџи*", вторая "*саблари*", третья "*краљице и дивер*" и четвертая пара "*стражњаџи*". Они одеты в пестрые, украшенные и золотом расшитые платья, на головах у них короны из бусин, цветов и лент, они босые. На Духов день – католический праздник – они идут от дома к дому, на ходу или ненадолго останавливаясь, подпрыгивают, поют песни, в конце каждого слова добавляют слово "*љельо*". *Торбоноша* несет сумку для подарков, которые получают *краљице*'). В то время как к общеизвестному слову *Божић* дается просто краткое толкование: **божић** м 'христианский праздник (25-го декабря), когда празднуют рождение Христа'.

В разных дифференциальных словарях лексика народной культуры описывается по-разному (имеет место и краткое лингвистическое описание значения), но чаще слово получает фольклорно-этнографическую интерпретацию; формулировка значения сопровождается дополнительным комментарием самого разного объема: **бабе** 'период переменчивой погоды в марте. "Баб" – девять: три сербские, три турецкие и три цыганские. Первая баба – Евдокия (14-го марта). Все "бабы" "разогреваются" 22-го марта, на праздник *Младенци* (сорок мучеников)' [23]; **бабило** 'заключительный свадебный обряд в селах Прешевской Моравицы. После того, как невеста проведет брачную ночь, собираются женщины, разглядывают ее рубашку, шутят и веселятся' [23]; **павук**. Зоол. 'паук'. Когда видят, как паук спускается вниз по *павучини* верят, что будут гости, и не убивают его [21].

В словаре Станича [15] дополнительный комментарий выносится в конец статьи и, в отличие от дефиниции, дается другим шрифтом. В качестве дополнения к дефиниции составителем может приводиться подробное описание реалии, пересказываться легенда или быличка: **Вилина јама** ж. 'Яма в месте Главе'. – Верят, что

¹⁸ О словаре В. Караджича как этнодиалектном см.: [38].

¹⁹ Подробно об актуальности фольклорно-этнографического описания диалектной лексики см.: [38; 39]. В рамках нового подхода к описанию диалектной лексики, сформировавшегося в недрах польской лексикографии, диалектное слово трактуется лексикографами не просто как языковая единица с определенным лексическим значением, а как явление культуры, содержание которого может быть раскрыто только путем фольклорно-этнографической интерпретации. При такой ориентации словаря толкование слова – культурного термина, естественно, становится энциклопедическим, включающим в себя развернутое описание соответствующей реалии. Сербская диалектная лексикография пришла к этому интуитивным путем, поскольку для нее традиционно характерно отношение к диалектному словарю как к сокровищнице народной культуры.

синявинская вила, когда ей стало неудобно жить на горе, забралась в эту яму и начала жить в своих подземных палатах, где, по поверью, живет и сейчас. Наружу выходит редко, только ясным, солнечным утром и золотистыми вечерами. Садится на какую-нибудь скалу, расплетает свои длинные золотые косы, расчесывает их золотым гребешком и таким образом зачаровывает молодых людей и девушек и вообще всех, кто туда забредет. Народ, когда идет в том направлении, обычно обходит эту яму, но любопытные спускаются к входу, а потом рассказывают, что видели ведущие вниз ступеньки [15].

Воза ж. 'приспособление в форме маленьких санок с тяжелыми камнями, служащее для натягивания пряжи при навивании ее на навои ткацкого станка, *затезало*'. – Ајде, шеди на возу оћу да навијам. – Когда женщины хотят навивать пряжу на навои, тогда с одной, более высокой стороны прибавляют две небольшие рогатины, на которые кладут навои, а с другой, более низкой, стороны – *возу*, к которой привязана размотанная пряжа. Эта *воза* обычно состоит из четырехугольного или треугольного куска дерева, на который навален камень. Таким образом пряжа натягивается между *возой* (внизу) и рогатинами с навоем (наверху). По мере того, как женщина навивает, *воза* постепенно приближается к рогатинам и навою [15].

В случае близости диалектного слова к литературному в ряде словарей все содержание статьи составляет этнокультурный комментарий. **Кумица.** Она самый главный человек на свадьбе. Она проверяет честность невесты. На следующий день после первой брачной ночи она берет простыню, на которой молодые проспали ночь, вешает на плечо и с музыкой идет к источнику, где молодая должна *захватити воду*. Если невеста была невинная, это видно по простыне. Тогда подают горячую ракию. Если она не была невинна, подают холодную ракию, и невестин позор узнает все село. Но чтобы этого все-таки не случилось, *кумица* старается, чтобы на простыне были капли крови, хотя бы от зарезанного цыпленка. Поэтому *кумица* всегда получает самые ценные подарки [31].

В "Словаре сербских говоров Воеводины" [17] дополнительная информация этнографического свойства, не служащая идентификации лексемы, выносится в особое место в конце статьи. **Белег** 8.б. 'предмет, представляющий человека, в процессе колдовства'... – Когда бабка колдует на кого-то, надо принести какой-нибудь *белег* от этого человека: платок, одежду, рубашку (J).

Фразеология

Большинство словарей или вообще не отражают фразеологию, или отражают ее спорадически²⁰. Исключение составляют три словаря: [17, 18] и особенно [15], которые содержат чрезвычайно большой корпус диалектной фразеологии, систематизированной по ключевым словам: *нога, глава, очи, рука, земля* и т.д. (число фразеологизмов в каждой из перечисленных статей насчитывает 30–40 единиц)²¹. В словаре [17] фразеологизмы даются в двух местах словарной статьи: в одном приводятся фразеологические сочетания, а в другом фразеологические сращения. В перечисленных словарях значение устойчивых сочетаний толкуется, и толкование иллюстрируется текстом, содержащим фразеологизм [15; 17].

Исключительное место в сербской диалектной лексикографии занимают труды Д. Златковича, систематизировавшего в форме словарей короткие диалектные тексты пиротского говора, содержащие устойчивые речевые формулы: пословицы, проклятия, угрозы, клятвы, благопожелания, ругательства, молитвы, тосты, в том числе фразеологизмы и сравнения (последние собраны в работе [28]). Во "Фразеологии страха и надежды" [29], помимо выше перечисленных малых фольклорных

²⁰ Чрезвычайно интересный, хотя и ограниченный в силу прежде всего скромных размеров самого словаря, фразеологический материал содержит словарь [31].

²¹ В словаре [15] собрана и современная фразеология, например: *Вилсон* 'амерички председник'; *Вилсон* *женски* 'очень красивая'.

жанров, по алфавиту ключевых слов (примеры словарных входов: *болка/болес, бразде на чело, брашино, враг, гад, гос, змај, зло*) систематизированы также тексты, включающие фразеологические сочетания. Приведем небольшой фрагмент статьи *Бог* из раздела "Суеверье и религиозность", демонстрирующий широту жанрового диапазона текстов, представленных в словаре.

Бог. Било голем празник, жене било плно у цркву. Она дошла и рекла: – Опрости ми Боже, дньс много згреши. Па свете паре истресла там куда се паре турају, све што имала. И како њи истришала некоје паре падну на земи, издрнкају. А жене које су биле там, зберу, њој падлете паре, врну њој и речу вој: Теје ти паре бог нече, узни њи, и немој друђи пут тека да работиш. (Пир.); Бог бави – ал не заборави (Вој) (Пословица); – и на човечу главу одма све не натрупа што њој је записано. (Гњ.); Бог га дал, бог га прибрал (ВЛк) (Мирење с губитком); – наградил (При), подарил с памет (Бер); Бог да жали – толку снагу имаш, а не работиш (Кр).

Во "Фразеологии оскорбления" [30] в алфавитном порядке по первому слову расположены тексты, произносимые при ссорах, тексты, характеризующие негативные поведенческие типы, и тексты, содержащие прозвища жителей разных сел в окрестностях Пирота (по названиям сел). Вот как организована одна из статей: **прогурњак** (транжир, обжора). Ала сам се најела ко корно говедо (Пк); Босе нође под астал, прасе на астал (Рс); Голем трошлија! Требе много паре и много једење и пијење па да му затисне дупето (МЈ); Дете на работу, ама муж на једење (Вој); Дупето му пошироко од кошуљуту (Дој).

Иллюстрации

Значения слов иллюстрируются во всех словарях, однако, далеко не везде это делается последовательно. В ряде словарей иллюстрации даются выборочно [23, 27], что объясняется либо отсутствием записи, содержащей толкуемое слово [15], либо общеизвестностью лексемы (например: **доктор**, -а, м. 'врач' [20]), либо ориентированностью словаря на иные задачи, нежели раскрытие семантики слова [14]. Примеры представляют собой акцентуированные диалектные тексты (одно-два предложения). Обычно каждое значение иллюстрируется несколькими примерами: **гријег**, грија и гријега м 1. 'грех'. – Немо тако, гријег је. – Од грија не може се гледат. – Није гријег радити, него не радити. – Омрси се, гријег на моју душу [15].

В словаре [17] используется удобная система отсылок к диалектному тексту другой статьи, содержащей иллюстрируемое слово, например: **бео, бела, бело** о. – Бео био [коњ] ко лабуд (Бшк). *⟨бжати (Де)⟩; бжати ...* – Ако видиш, каже, да облак иде бео, онда ома беште кући (Де).

Некоторые составители [12. S. 7] намеренно включают в словарь диалектные тексты в расширенном объеме, чтобы сделать его источником для изучения не только лексик, но и других уровней языковой системы. Авторы "Словаря говора Загарача" [20], например, считают, что на основании их словаря может быть составлено полное описание диалектной системы.

В качестве иллюстративных примеров часто используются пословицы, загадки, проклятия, тосты, благопожелания, заговоры, отрывки из народных песен. Благодаря такого рода иллюстрациям, диалектные словари становятся ценнейшим источником по изучению фольклора, прежде всего малых фольклорных жанров. Например, в словаре Станича [15] в статье *дабогда* (частица со значением 'дай Бог') собрано несколько благопожеланий и проклятий: **дабогда** 'частица для выражения желания, проклятия' и т.п.: пусть будет так. – Дабогда ти све сретно и честито било! – Шљеме ти се проломило дабогда! Дабогда ти се кућа ископала! – Дабогда ве муња спалила јутрос! – ... Избуцала га живина дабогда [15].

В большинстве случаев диалектный словарь систематизирует подобные тексты по ключевым словам, что делает материал более удобным для использования, чем

в обычных сборниках: **станац**, станца, м. ‘камень, который сидит глубоко в земле и лишь небольшой своей частью торчит наружу, из-за чего его трудно вытащить’. – ...Кам му станац под главу! (дабогда немао ничега, дабогда умро и сл.) (проклятие) [20]; **голитенко** м. в загадке (о гребне и вшах). Голитенко, коситенко, кроз шуму иде накитено (загадка) [23]; **смећа** ж ‘препятствие’. Куде је срећа, нема смећа (пословица) [23]; **иње** ‘иной’. Сачувај ме, Боже, од иње вере и од туђе беде (пословица) [23]; **глава**... Загрмијо ти гром уврг главе. – Убијо те бог у главу (проклятия) [15]; **здравље** с. В благопожеланиях. Здравља се наносијо (дуго живео, срећан био!). – Бог му до и од мога здравља (благопожелания) [15]; **безмилетка** ж. 2. в считалке в игре “kozy” (“кольцо”). Шута-мала, шута-вельа, шута-лоња, машалоња, бежџетка, безмилетка, кулуз-изеде купус (считалка) [19]; **Вукић Бранковић** игра, в которой принимают участие парни и девки, сопровождается песней. – Приликом игре пљева се ова плесма: У Вукића Бранковића / Вранац коњиц без биљега. / За њега нико не зна, / Само сестра Анђелија. (и т.д., всего 16 строк) [15].

Исключительно богат фольклорным материалом словарь [31], где под ключевыми словами собрано большое количество анекдотов (в статьях *качамак*, *прештрапал*, *пожељувачка*), пословиц (статьи *детийо*, *кум*, *добар*), устойчивых и ритуальных речевых формул (*Бог*, *дрен*, *крс*, *Јеремија*).

Иллюстративные диалектные тексты часто представляют собой полевые записи автора словаря: формулировку верования, связанного с обозначенным словом, или описание обычая: **врља**... који врља леб Бог да га убије [24]; **време** ‘погода’ – Када се цвет ујутру отвори, че да буде убаво време. Играју се магаришта, че се мења време. Ако вода ујутру на кладенац припаде, че пада ћиша. Ако слнце заје у мутно, че пада ћиша. Ако се дуждевњак обрне нагоре, че буде убаво време [31]; **огледало** – Неје добро да се ночу гледаш у огледало [31]; **горешњак** м. 1. ‘народный праздник большой летней жары’. Нећу д’н’ске ништа да работим, горешњак је [22]; **здувач** -а. м. 1. ‘Дух умершего, который вызывает ураганы и (сухие) ветры, *вједогоња*, *здувач*’. Веле да је Милија био здувач, па је љети раскрива све комшијске стогове. Здувач се скрије у вљетар. А ка се здувачи заваде, онда пуне страшни вјетар. Ка се неко роди у кошулицу, веле е ће потље бит здувач [20].

В статьях, описывающих лексику народной культуры, иллюстрация часто превращается в продолжение толкования слова: в словаре [22] в качестве иллюстраций активно используются цитаты из этнографических источников, в которых дается характеристика обозначаемой лексемой реалии, естественно, на литературном языке, например: **мрсник** ‘грешник’. Нельзя убивать змею, которая попадает по осени, она *мрсник*, т.е. грешник, потому что в то лето она укусила кого-то и ее земля не принимает [22]; а также встречаются иллюстрации, воспроизводящие ситуативный контекст бытования обозначаемой словом реалии, но при этом саму лексему не содержащие: **младенче** ‘вид каравая’. Мајка ги омеси па ги после измаже с мед [22]²².

²² Нельзя не сказать об одном уникальном, но, к сожалению, не опубликованном собрании лексики (словарной картотеке) призренского говора Димитрия Чемерикича, хранящейся в Институте Сербского языка САНУ. Словарь уникален благодаря этнолингвистическому подходу к описанию лексики говора. Каждое значение в нем иллюстрируется несколькими диалектными текстами, служащими примером культурного контекста лексемы, что чрезвычайно важно, поскольку фиксирует особенности духовной культуры носителей данного говора, а с другой стороны – помогает уяснить содержание термина носителям иных культурных традиций. Приведем пример одной статьи: **греувати**, греујем, несвр. Работать, но только по небольшим, незначительным праздникам: Скрши врат, остај работу, на д’н’шњи д’н ли си нашла да се греујеш? – Мицак је празник, не опрости Бог ако греујемо д’н’с. – Греувале на Огњену Марију, и б’ш на тај д’н ги изгоре дугања. – Са се: Остарела с’м, толико године с’м учинила. Ама нес’м чула да се греувало на Огњену Марију. – Д’н’с је Павловд’н, греује се. У В. (Караджича) греховати, греујем, несврш. Са значењем под 1). – У РЈА (10) греховати, греујем, несврш. Са значењем под а). – у Ел. [9] греоват, греујем, несвр. Девушкам на выдање, а особенно уже высватанным, допускается *греховати* и в праздники, более важные, чем принято, чтобы они вовремя приготовили приданое и необходимые подарки.

Грамматические характеристики слов

К стандартной грамматической информации относятся: у существительных – род, число (у слов *pluralia tantum*), форма родительного падежа, в случаях нерегулярности – форма множественного числа. У глаголов – окончание 1 (3) л. ед. ч. настоящего времени, вид, форма императива и имперфекта (последние две формы – только в [23]); у прилагательных – родовые окончания; у наречий – частеречная принадлежность.

Ряд словарей включает в статью и более подробную грамматическую характеристику слова. Так, в словарях [15] и [22] приводятся те формы слова, которые отличаются от литературных или непредсказуемы: **губим** нсвр. 'ругать' ...у 3. л. мн. през. *губив*, аор. *губи*, *губимо*, *губисте*, *губише*, прич. на -л *губио* (*ја*), страд. пр. *губен*, дееприч. *губејећи*, имп. *губи* [22]; **ископати** – ам (*ископамо*, -ате; аор. *ископа*; прич. на -л *ископо*, -ала, -ало и *ископо*: страд. *ископан* и *ископат*, -а, -о) свр. 1. 'извлечь, копать' [15].

В "Словаре радимского говора" у глаголов указываются акцентуированные формы 3 л. мн. ч., а у существительных – формы родительного падежа: *мења* (се), (*мењаду* (се), *мењају* се), гл.; *местанце* (*местанцета*) с.; *кричи* (*кричиду*, *кричу*) гл.; *пилићи* (*пилића*) м., мн; *смрад* (*смрад* и *смради*), м. и ж. – *смради* гл. [14].

Значение сербской диалектной лексикографии

Сербская лексикография за последние пятнадцать лет сделала большие успехи. Достоянием науки стало лексическое богатство наиболее архаичных штокавских говоров – восточной и юго-восточной Сербии и Черногории. Чрезвычайно велико значение появившихся материалов для славянской этимологии, что прежде всего касается словарей тимокско-лужницких говоров, в которых "вероятность регистрации ... уникальных древних примеров особенно велика" [40. С. 335]²³. Успехи сербской диалектной лексикографии стимулировали становление сербской этимологической школы и начало разработки проекта "Этимологического словаря сербского языка", пробный выпуск которого недавно появился [41].

Появление словарей штокавских говоров имеет огромное значение для славянской ареалогии, позволяя проследить распространение лексем и словообразовательных типов в этой области Южной Славии. Постепенно начинает заполняться сетка пунктов и районов, определенных Н.И. Толстым²⁴ для первоочередного обследования: собрана лексика Тимока, Васоевичей, районов, близких к Буджаку, Пиве и Дробняку. Однако тенденция последних десятилетий в славянской диалектной лексикографии – сближение с лингвогеографией [42], результатом чего является разработка концепции словаря-атласа, сербскую лексикографию практически не затронула.

Традиционная этнокультурная ориентация сербской лексикографии, хотя и не подкрепленная методологически, делает ее чрезвычайно современной даже в сопоставлении со столь развитой лексикографией, как польская, благодаря тому, что она совмещает лингвистический подход с этнографическим. Этнокультурный характер сербских словарей дает базу для этнолингвистических исследований сербских говоров.

Сербохорватская диалектная лексикография – чрезвычайно ценный источник для изучения славянской акцентологии, истории ударения и интонации. Помимо того, что во всех словарях акцентуированы слова, входящие в словник, во многих словарях отмечается изменение места и характера ударения в парадигме.

Слабая сторона сербских диалектных словарей в том, что составители ставят своей основной задачей провести общую инвентаризацию штокавской лексики, ориентируются на дополнение уже существующих диалектных и общезыковых словарей

²³ Здесь же – об опыте обращения этимолога к словарям тимокско-лужницкого диалекта.

²⁴ Для первоочередного описания как области, где хорошо сохранилась народная культура и народное лексическое богатство, Н.И. Толстой предлагал Драгачево или Азбуковницу (западная Сербия), Тимочку краину (восточная Сербия), Гружу (Шумадия), Сретечку жупу и Буджак (юго-восточная Сербия), Бьелопавловичи, Васоевичи, Паштровичи, Мрковичи, Пиву и Дробняк (Черногория) [4].

и простую фиксацию слова, зачастую не уделяя должного внимания нюансам его семантики и связям с другими словами. Это серьезно затрудняет работу лексиколога, делая невозможным изучение лексико-семантической системы говора. Невыполнимой оказывается задача исследования парадигматических отношений в лексической системе говора: лексиколог не может получить достоверного представления о всех лексико-семантических вариантах слова, дериватах, его окружении в лексико-семантической группе²⁵.

Немаловажно, что в соответствии с традицией²⁶ развитие диалектной лексикографии в Сербии воспринималось, прежде всего, как вклад в дело обогащения лексической системы литературного языка, расширения его выразительных возможностей. Мы уже упоминали, что практически все сербские диалектные словари – плоды индивидуального труда подвижников-лингвистов или краеведов, желавших способствовать сохранению лексического сокровища родных говоров. Недостатки их лексикографических трудов – в том числе следствие ограниченности возможностей одного человека. Прделанный ими труд колоссален, и наука всем им, по выражению П. Ивича, "должна чувствовать себя обязанной" [2. С. 65].

Проект "Словаря сербских говоров Воеводины", первый пробный выпуск которого появился в 2000 г. [17], выводит сербскую диалектную лексикографию на принципиально иной уровень. Этот масштабный проект зонального словаря разрабатывается в Матице Сербской с 1980-го года усилиями многих видных лингвистов. За прошедшее время был собран колоссальный полевой материал (из 200 сел); помимо "Словаря говора буневцев Бачки" [18] в рамках этого проекта был подготовлен целый ряд лексических подборок и тематических словарей, вошедших в картотеку словаря (см.: [1] и вводную часть к [18]). Впервые в сербской лексикографии утвердился принцип системного описания диалектной лексики, вне зависимости от ее отношения к литературному или престижному диалектному типу, который воплощал словарь Караджича [5], а также не случайные, а научные нормы подачи информации о слове.

Библиография сербской диалектной лексикографии²⁷.

Штокавское наречие²⁸:

Восточно-герцеговинский диалект: [5; 15; 16].

Шумадийско-воеводинский диалект: [17].

Младший икавский диалект: [18].

Зетско-ловченский диалект: [19; 20].

Косовско-ресавский диалект: [9; 14; 21].

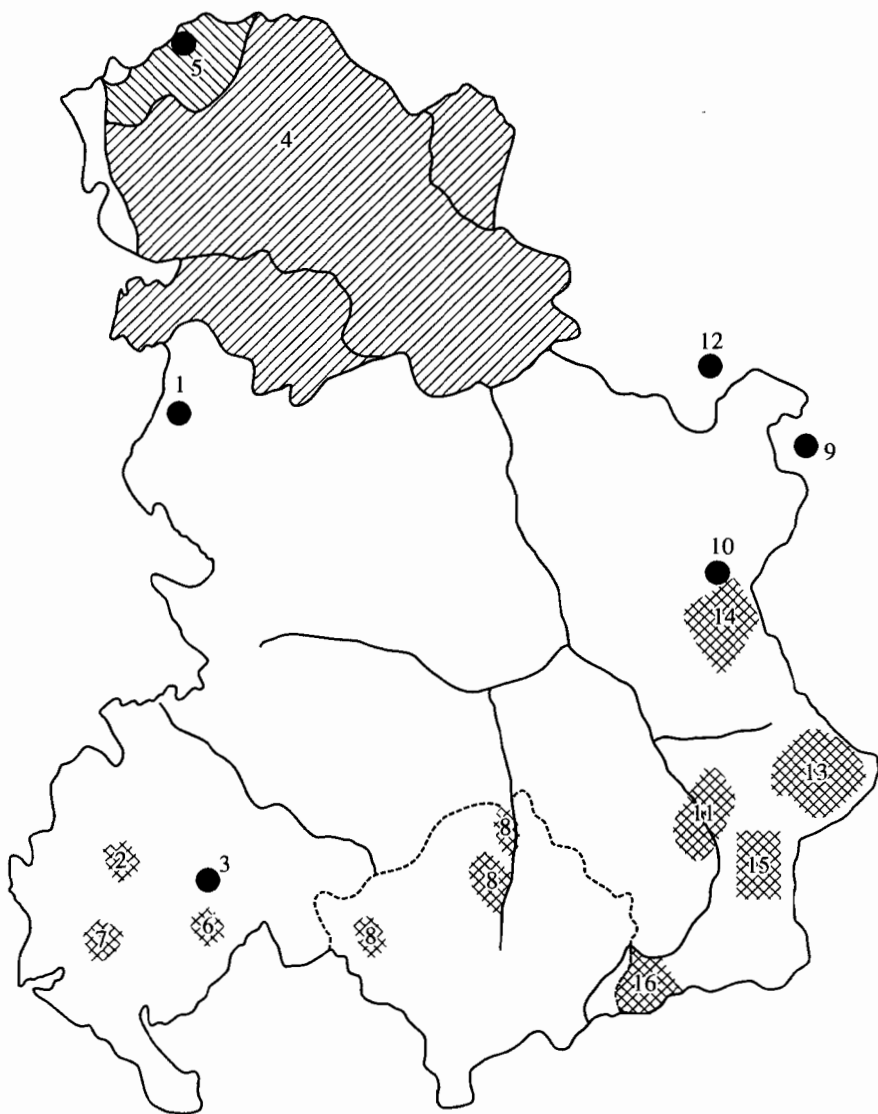
Торлацкая диалектная зона: [22–32].

²⁵ Вот, например, как Рада Стивович, составитель словаря "Из лексики Васоевичей" описывает свою рабочую процедуру: "Я записывала только те слова, которых не было в опубликованных томах этого словаря ([11]), или они были в нем недостаточно подтверждены, а также и значения отдельных лексем, не представленные или не подтвержденные достаточным числом примеров в этом самом исчерпывающем словаре сербохорватского языка... Остальные слова, т.е. те, до обработки которых словарь САНУ [11] не дошел, я брала по собственному свободному выбору, отбрасывая, например, как обычное и в литературном языке, и в диалектах слово *трбушић* в значении 'деминутив от *трбух*', и принимая в значении 'ответвление боковой ветви семьи'" [19. С. 121–122].

²⁶ Основатель Сербской академии наук и искусств, инициатор создания сводного словаря-тезауруса сербохорватского языка и сбора диалектной лексики, Стоян Новакович ставил перед этим словарем, в частности, задачу "извлечь на поверхность" все ценное, что содержится в народном языке [43. С. 135]. Спустя сто лет на упомянутых выше конференциях, помимо лингвистических, формулировались такие задачи диалектной лексикографии, как спасение от исчезновения богатства народных говоров, являющиеся первостепенной задачей культуры, обогащение литературного языка [44]. Так формулируют свои задачи и многие составители диалектных словарей [23; 27].

²⁷ В список включены алфавитные словари и объемные лексические подборки. За его рамками остаются тематические словари и различные небольшие по объему публикации словарных материалов, об этом см.: [1; 4]. Библиография указывает на важнейшие издания, и отнюдь не претендует на то, чтобы быть исчерпывающей.

²⁸ Диалектное членение указывается по книге [45].

Лексикографически обработанные области и населенные пункты
Сербии и Черногории.

1. с. Тршич [5].	9. с. Радимня [14].
2. область Ускоци [15].	10. с. Мали Извор [21].
3. с. Прошчене [16].	11. г. Лесковац и окрестности [22].
4. Воеводина [17].	12. с. Свиница [32].
5. г. Суботица [18].	13. г. Пирот и окрестности [27–30].
6. область Васоевичи [19].	14. область Тимок [24–26].
7. область Загарач [20].	15. область Лужница [31].
8. г. Вучитрн, г. Печь [9].	16. г. Вране и окрестности [23].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Петровић Д.* Србские диалектные словари. Обзор. // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1994–1996. М., 2000.
2. *Ивић П.* Дијалектолошка проучавања говора призренско-тимочке зоне // Говори призренско-тимочке области и суседних дијалеката, Ниш, 1994.
3. *Зайцева С.* Дијалекатски речници као база за савремена лингвистичка истраживања // Лексикографија и лексикологија, зборник реферата. Београд – Нови Сад, 1982.
4. *Толстој Н.И.* Српскохрватска дијалекатска лекскографија у лингвогеографској перспективи // Лексикографија и лексикологија, зборник реферата. Нови Сад – Београд, 1984.
5. *Караџић В.С.* Српски рјечник истумачен њемачкијем и латинскијем рјечима. Београд, 1935.
6. *Ивић П.* Српски народ и његов језик. Београд, 1971.
7. *Ивић П.* Преглед историје српског језика. Нови Сад, 1998.
8. *Петровић Д.* Проблеми и изгледи српскохрватске дијалекатске лексикографије // Лексикографија и лексикологија, зборник реферата. Београд – Нови Сад, 1982.
9. *Елезовић Г.* Речник косовско-метохијског дијалекта, књ. I–II // СДЗБ IV. Београд, 1932; VI, Београд, 1935.
10. JAZU Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1880–1976.
11. САНУ. Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Београд, 1959–.
12. *Petrović D.* Napomene uz Rečnik bačkih Bunjevaca. S. 7–12 // *Peić M., Bačlija G.* Rečnik bačkih Bunjevaca. Novi Sad – Subotica, 1990.
13. *Пешикан М.* Општа и специфична лексика у дијалекатским и историјским речницима // Лексикографија и лексикологија, зборник реферата. Нови Сад – Београд, 1984.
14. *Томић М.* Речник радимског говора // СДЗБ XXXV, Београд, 1989.
15. *Станић М.* Ускочки речник, књ. 1–2, Београд, 1990.
16. *Вујић М.* Рјечник говора Прошћења (код Мојковца). Подгорица (ЦАНУ), 1995.
17. Речник српских говора Војводине. Редактор Драгољуб Петровић. Свеска 1: А–Б. Нови Сад, 2000.
18. *Peić M., Bačlija G.* Rečnik bačkih Bunjevaca. Novi Sad – Subotica 1990.
19. *Стијковић Р.* Из лексике Васојевића // СДЗБ XXXVI. Београд, 1990.
20. *Ђунић Д., Ђунић Ж.* Речник говора Загарача // СДЗБ XLIV. Београд, 1997.
21. *Марковић М.* Речник народног говора у Црној Реци, књ. I–II // СДЗБ XXXII, Београд, 1986; СДЗБ XXXIX. Београд, 1993.
22. *Митровић Б.* Речник лесковачког говора // Библиотека народног музеја у Лесковцу, књ. 32, Лесковац, 1984.
23. *Златановић М.* Речник говора Јужне Србије. Врање, 1998.
24. *Динић Ј.* Речник тимочког говора // СДЗБ XXXIV. Београд, 1988.
25. *Динић Ј.* Додатак речнику тимочког говора // СДЗБ XXXVI. Београд, 1990.
26. *Динић Ј.* Речник тимочког говора (други додатак) // СДЗБ XXXVIII. Београд, 1992.
27. *Живковић Н.* Речник пиротског говора. Пирот, 1987.
28. *Златковић Д.* Пословице и поређења у пиротском говору // СДЗБ XXXIV, Београд, 1988.
29. *Златковић Д.* Фразеологија страха и наде у пиротском говору // СДЗБ XXXV, Београд, 1989.
30. *Златковић Д.* Фразеологија омаловажавања у пиротском говору // СДЗБ XXXVI, Београд, 1990.
31. *Форски М.Д.* Лужнички речник. Бабушница, 1997.
32. *Томић М.* Говор Свиничана // СДЗБ XXX, Београд, 1984.
33. *Реметић С.* Српски језик у лингвистичким атласима // Славистика, књ. 1. Београд, 1997.
34. Материалы "Малого диалектологического атласа балканских языков", собранные Н. Богдановичем в селе Д. Каменица (Сербия) по программе: *Домосилецкая М.В., Жугра А.В.* Малый диалектологический атлас балканских языков. Лексическая программа. СПб., 1997. Материалы хранятся в ИЛИ РАН (СПб.).
35. *Плотникова А.А.* Материалы для этнолингвистического изучения балканского ареала. М., 1996.
36. Речник српскохрватског књижевног језика. Т. 1–6. Нови Сад: Матица Српска, 1967–1976.
37. *Петровић Д.* Увод // Речник српских говора Војводине. Свеска 1: А–Б. Нови Сад, 2000.

38. *Плотникова А.А.* Словари и народная культура. Очерки славянской лексикографии. М., 2000.
39. *Плотникова А.А.* Польская диалектная лексикография последних десятилетий // Вопросы языкознания. 1992. № 1.
40. *Петлева И.* Значение новых диалектных словарей юго-восточной Сербии для славянской этимологии // Говори призренско-тимочке области и суседних дијалеката, Ниш, 1994.
41. Огледна свеска. Институт за српски језик САНУ, Библиотека Јужнословенског филолога, нова серија, књ. 15. Београд, 1998.
42. *Толстая С.М.* О новых направлениях в белорусской диалектной лексикографии // Обще-славянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1982. М., 1985.
43. *Фекете Е.* Речник српскохрватског књижевног и народног језика САНУ // Славистика, књ. 1. Београд, 1997.
44. *Симић М.* Дијалекатска лексика и њен однос према књижевној лексици // Лексикографија и лексикологија, зборник реферата. Нови Сад – Београд, 1984.
45. *Ивић П.* Српскохрватски дијалекти. Целокупна дела, III. Нови Сад, 1994.

© 2002 г. А.Р. БАГДАСАРОВ

О НОРМИРОВАНИИ ХОРВАТСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА И ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКЕ В 80–90-х годах XX века

Для уточнения понятия "языковая политика" воспользуемся определением, которое дала Н.Б. Мечковская: "Языковая политика – это все виды сознательной деятельности общества, направленной на регулирование использования языка" [1. С. 199]. В хорватском социуме объектом языковой политики являются частичные изменения языковых норм литературного языка.

Языковое нормирование современного хорватского литературного языка (в дальнейшем – ХЛЯ) понимается широко – как деятельность по созданию, обогащению и совершенствованию собственно хорватской орфографической, лексико-семантической, терминологической, грамматической и нормативно-стилистической системы. "Целью всякой нормализаторской деятельности, – констатирует В.А. Чернышев, – является обусловленное потребностями языкового коллектива сужение спектра языковой вариантности и доведение его до функционально релевантного минимума, особенно при письменной фиксации результатов этого процесса" [2. С. 79]. Нормирование охватывает, как правило, три процесса: 1) стандартизацию (нормализацию) – формирование и становление нормы на основе конкретной оценки и отбора вариантных реализаций; 2) кодификацию – нормативное закрепление отобранных и вновь созданных лингвистических единиц; 3) популяризацию – распространение и пропаганду кодифицированной нормы.

Данная статья посвящена описанию и анализу процесса нормирования современного хорватского языка и языковой политики в 80–90-е годы XX в. Выбор этих хронологических рамок объясняется прежде всего тем, что именно в этот период происходят наиболее значительные социолингвистические и экстралингвистические перемены, связанные с распадом СФРЮ и образованием Хорватского государства.

Движение 60–70-х годов XX столетия за этнолингвокультурную, социально-экономическую и в целом национально-государственную независимость Хорватии привело к созданию школы хорватского языка, деятели которой стремились обосновать и защитить тезис не только о самостоятельности и самобытности ХЛЯ, но и его

Багдасаров Артур Рафаэлович – канд. филол. наук, доцент Московского государственного социального университета.

автономности. Хорватские лингвисты С. Бабиц, Д. Брозович, З. Винце, Л. Йонке, Р. Катичич, М. Могуш, С. Павешич, Й. Силич, С. Тежак, Б. Финка и другие продолжили деятельность по нормированию ХЛЯ. Их усилия были направлены, с одной стороны, на частичное изменение структуры сербохорватского полинационального языка, вытеснение вариантно-поляризованных общесербохорватских норм, а с другой – на стандартизацию и кодификацию собственно хорватских норм (орфоэпических, орфографических, грамматических и лексических).

Совместные межэтнические мероприятия по нормированию сербохорватского литературного языка, инициированные Новисадским совещанием 1954 г. и его комиссионными решениями, не увенчались успехом. Литературный язык хорватов, сербов и босняков (боснийцев-мусульман) стал развиваться и функционировать в сложившейся социолингвистической ситуации в Хорватии и Сербии автономно (подробнее см.: [3–5]). Неудачи совместного языкового планирования связаны во многом с тем, что недостаточно полно учитывались общие тенденции социально-экономического, политического и языкового развития, а также история межэтнических отношений двух народов.

В 1979 г. хорватские лингвисты издали "Практическую грамматику хорватского литературного языка". В ней отсутствуют некоторые акцентные и морфологические варианты слов, принятые в восточной (сербской) разновидности языка. Так, например, не приведены акцентные варианты слов в типах ударения личных местоимений в косвенных падежах ед. ч.: род. п. *méne*, дат. п. *méni* и т.п.; отсутствуют вопросительные-относительные местоимения *ko*, *šta*; не указаны варианты аффиксов: *protiv-*, *sa-*, *van-*, *-ioni*, *-ista*. Между тем как в неоднократно переиздававшейся с 1952 г. "Грамматике хорватско-сербского языка" И. Брабца, М. Храсте и С. Живковича многие из вышеперечисленных вариантных реализаций имеются. Ср. две грамматики: *pjèga(-èga)*, *pjètu(-ètu)*, *tko(ko)* [6] – *njèga*, *njètu*, *tko* [7].

В 1986 г. Д. Брозович публикует работу под названием "Десять тезисов о хорватском языке". На базе общей "хорватско-сербской диасистемы" Д. Брозович теоретически разрабатывает статус хорватского стандартного языка [8]. В том же году С. Бабиц публикует книгу "Словообразование в хорватском литературном языке" [9], Р. Катичич – "Синтаксис хорватского литературного языка" [10], а В. Анич и И. Силич – "Орфографический справочник хорватского или сербского языка" [11]. В своей грамматике С. Бабиц, противопоставляя варианты служебных морфем *protiv-* – *protu-*, *van-* – *izvan-*, *-ioner* – *-ionar*, *-kinja*, – *-ica*, *-l(a)c* – *-telj*, *-ista* – *-ist* и др., отдает предпочтение второму из вышеприведенных аффиксов, рассматривая их в качестве словообразовательной нормы ХЛЯ. В монографии Р. Катичича обращает на себя внимание факт отсутствия иллюстрационных примеров из произведений сербских и черногорских писателей (исключение составляют тексты В. Караджича и Дж. Даничича).

В начале 80-х годов в СФРЮ усилились тенденции к децентрализации единого государства. Функции Федерации ставили центр в зависимость от республик и краев. Экономист К. Михайлович констатировал: "С установлением самостоятельности республик (в соответствии с конституцией СФРЮ 1974 г. – А.Б.), их суверенности и ответственности за собственное развитие, а также большой автономии краев единая экономическая система перестала существовать. Все республики и края принимали свои пятилетние планы развития, проводя собственную налоговую и валютную политику... Противоречие интересов республик и краев с трудом преодолевается путем достижения договоров и соглашений. Все это должно было привести к нарушению единого югославского рынка. Имея в виду, что федерация не имеет больше никаких ключевых функций, кроме тех, которые уступают ей республики, нынешнее положение можно было бы охарактеризовать как переходное состояние от федерации к конфедерации..." [12. С. 190–191]. Переход от централизованного федеративного государства к децентрализованному конфедеративному устройству вызвал рост

национального самосознания всех наций. Процессы внутринациональной этнической консолидации стали преобладать над процессами межнациональной консолидации. Внутригосударственная дезинтеграция усугубляла межэтнический языковой конфликт.

Среди югославянских лингвистов не было единого подхода к определению статуса языкового образования (один язык, национально-территориальные разновидности одного языка, два языка), лингвонима ("хорватскосербский, сербскохорватский, хорватский или сербский, хорватский, сербский") и соответственно количества норм (одна общая норма, разновидности общей нормы, две нормы) (подробнее см.: [13. С. 344–358]). Большинство сербских лингвистов исходило из того, что стандартный сербохорватский язык должен иметь одну достаточно эластичную общенациональную для сербов, хорватов, черногорцев и босняков норму (см.: [14. S. 210]). Хорватские же языковеды настаивали на том, что в каждой этнолингвокультурной среде существует своя собственная норма, отражающая сущность и специфику конкретного стандартного языка.

Не прекращались взаимные упреки в неиспользовании тех или иных лексических единиц в различных национально-территориальных разновидностях языка. Примером могут служить публикации с анализом функционирования вариантно-поляризованной лексики в школьных учебниках Хорватии и Сербии. Хорватские школьные учебники критиковались за отсутствие общеупотребительной сербохорватской лексики, сербские – за отсутствие хорватской лексики. Так, в некоторых школьных учебниках, как отмечает Ф. Буторац в статье "Национализм и язык", вообще не употребляются такие общеупотребительные слова, как *систем, метал, музика, композитор* и др. Вместо этого последовательно вводятся и употребляются *sustav, kovina, glazba, skladatelj* и др. [15. S. 19]. В свою очередь в сербских школьных учениках, как отмечает З. Диклич в статье "Языковые истины и неистины", отсутствует хорватская лексика. Так, в сербском букваре нет таких слов, употребляемых в Хорватии, как *kruh, trokut, ravnalo, višekanica, listonoša* и т.д. В сербских хрестоматиях, пишет З. Диклич, употребляются лишь такие слова, как *muzika, raspoloženje*, а в хорватских – *glazba* и *muzika, krajolik* и *pejzaž, ugodaj, atmosfera* и *raspoloženje* и т.д. [16. S. 14–15].

Статьи по вопросам этноязыковых отношений стали периодически появляться в хорватской и сербской печати, что свидетельствовало об актуализации этой важной социально-политической проблемы. При этом, в частности, отмечалось, что в хорватских средствах массовой информации и в издательской деятельности при опубликовании переводов иностранной литературы хорватские переводчики и редакторы зачастую проводят кампанию, "чистки" литературного языка от "сербизмов", "неправомерного произвольного употребления архаичных и искусственно созданных слов" (см.: [17. С. 153–154; 18. S. 42–44]).

В 1985 г. ЦК Союза коммунистов Хорватии (ЦК СКХ) предпринял очередную попытку стабилизировать межэтнические языковые отношения, централизовать этноязыковую политику на территории Хорватии. 2 декабря 1985 г. состоялось заседание Президиума СКХ, на котором были утверждены основные положения языковой политики ("Stavovi o aktualnim pitanjima jezične politike"). В постановлении Президиума ЦК СКХ подчеркивалась необходимость обеспечения равноправия и соблюдения толерантности в использовании хорватского или сербского языка, взаимного сближения народов и народностей, дальнейшего развития социалистической революции, укрепления рабочего класса в СР Хорватии. "Сегодня, – отмечалось в резолюции ЦК СКХ, – когда наше общество сталкивается с многими экономическими и политическими трудностями, когда все чаще раздаются голоса противников самоуправляемой социалистической Югославии, основанной на братстве и единстве, усиливаются националистические действия в области языка. Не случайно поэтому основная стратегическая линия, особенно хорватского национализма, постоянно выражается в попытках опровергнуть научные факты о том, что хорваты,

сербы, черногорцы и муслимане говорят на одном языке, который в различных общественных и национальных средах имеет свою специфику и реализуется в вариантных стандартизированных формах" [19. S. 165–177]. Президиум ЦК СКХ решительно осудил проявление как сепаратизма, так и унитаризма в области языка. В качестве ближайшей ставилась задача создать свод правил правописания и продолжить издание "Словаря хорваткосербского языка" (подробнее см.: [19. S. 177–185]).

В Загребе 4 февраля и 18 апреля 1986 г. состоялось рабочее совещание Президиумов Центральные комитетов Боснии и Герцеговины, Сербии, Хорватии, Черногории и автономных краев Косово и Воеводины, в котором приняли участие также специалисты в области языка (из Хорватии – В. Анич и Й. Силич, из Боснии и Герцеговины – М. Шипка), представители научных, культурных и образовательных учреждений. На совещании была принята "Резолюция Загребского соглашения" ("Zaključci Zagrebačkog dogovora"), по сути, программа языковой политики СКЮ. В первой части резолюции дана краткая оценка межэтнических языковых отношений. Во второй части раскрыты как негативные, так и положительные тенденции в развитии языка; в третьей – намечены пути выхода из создавшейся языковой ситуации. Приведем в общем виде содержание основных положений резолюции:

- теоретически разработать и идеологически обосновать общее положение о статусе стандартного языка хорватов, сербов, черногорцев и муслиманов в его вариантных реализациях;
- внедрить и распространить данное положение во всех сферах общественной жизни, критически пересмотрев осуществление языковой политики в учебных программах, учебниках и справочниках, средствах массовой информации, в редакционной и издательской деятельности;
- юридически регламентировать статус языка и его наименование в Конституции СФРЮ, в конституциях республик и краев;
- пересмотреть и согласовать формы осуществления равноправия вариантов языка в Скупшине СФРЮ, союзных органах и общественно-политических организациях;
- усилить научно-исследовательскую работу в области языка; с этой целью уделить внимание подготовке кадров, особенно молодежи, ориентированной на марксистскую идеологию и достижение современной лингвистической мысли;
- кодифицировать язык: подготовить новый проект правил правописания с привлечением к обсуждению широких слоев общества; издать однотомный словарь, научную грамматику; упорядочить и стандартизировать специальную и научную терминологию; продолжить работу над изданием латиницей словаря современного хорваткосербского литературного языка;
- поднять уровень лингвистического образования и распространения культуры речи;
- сформировать соответствующие органы по вопросу языка и языковой политики при Центральном и Республиканских комитетах Социалистического союза трудового народа Югославии (подробнее см.: [19. S. 165–185]).

Цель языковой политики партийных органов СКЮ состояла в том, чтобы, с одной стороны, усилить роль партийно-государственной власти во всех сферах общественной жизни, включая язык, а с другой – ослабить этноязыковую напряженность, унифицировать и кодифицировать полинациональный язык в его вариантных реализациях.

7 декабря 1988 г. Конституционный Суд СФРЮ принял решение о неконституционности ч. 1 ст. 138 Конституции СР Хорватии, где говорится об использовании и наименовании ХЛЯ. Основанием для принятия данного решения явилось, по мнению Конституционного Суда СФРЮ, ущемление прав сербского населения Хорватии, так

как в названии "хорватский литературный язык" отсутствует указание на его принадлежность и сербам.

Попытка хорватского парламента изменить с помощью поправки ХLI формулировку ст. 138, в которой говорилось об "...официальном употреблении хорватского или сербского языка...", вызвало волну протестов со стороны общественных организаций, научных обществ и коллективов (Общество хорватских писателей, Институт языка Югославянской академии наук и искусств, Хорватское филологическое общество, Философский факультет в Загребе и др.).

Хорватские общественные организации и научные общества выступили против "попрания конституционных прав хорватского народа на самостоятельное развитие, наименование и использование хорватского литературного языка" (подробнее см.: [20]). Схожие массовые движения в защиту хорватского языка наблюдались в конце 60-х – начале 70-х годов в период роста национального движения и публикации известной "Декларации о названии и положении хорватского литературного языка" (подробнее см.: [8; 3]). Хорватский парламент после обсуждения отклонил конституционную поправку ХLI.

"Лингвистическая специфика и уникальность языкового образования, – как отмечает Л.Б. Никольский, – особо подчеркиваются в политически острых ситуациях и становятся тем основанием, на котором выдвигаются лозунги его защиты, предоставления ему прав" [21. С. 100]. Лозунги утверждения и защиты собственно хорватского языка использовались общественными организациями и научными учреждениями Хорватии для внутриэтнической и внутриязыковой консолидации масс. Приверженность к культуре и истории собственно хорватского языка настолько ощутима в хорватской этнолингвокультурной среде, что она не только определяла использование данного языкового образования в социокультурных и этнополитических целях, но и обуславливала его выдвижение из состава тождественного языка, стимулируя его дивергентное развитие и последующую кодификацию [22. С. 128].

Итак, тенденции к экономическому обособлению республик и краев, к переходу от федеративного к конфедеративному устройству усиливали национальное и административно-территориальное обособление республик, вызывая межреспубликанские и межэтнические противоречия, а они, в свою очередь, придавали остроту языковому вопросу, способствовали лингворегионализму, дивергентному развитию языков. Все это, естественно, не могло не сказаться на судьбе решений Новисадского совещания 1954 г. и Загребского совещания 1986 г. Попытки проведения централизованной языковой политики, совместной стандартизации и кодификации, при дезинтеграции социально-экономических процессов, в целом не увенчались успехом.

22 декабря 1990 г. Собор Республики Хорватии принял новую Конституцию. Согласно ст. 12 Конституции Хорватии: "В Республике Хорватия официальным является хорватский язык и латинский алфавит". Провозглашение хорватского языка и латинского алфавита официальными на территории Республики Хорватия и обретение Хорватией государственной независимости в июне 1991 г. усилили процесс дальнейшей стандартизации и кодификации ХЛЯ.

В начале 90-х годов XX в. основной формой кодификации ХЛЯ становится переиздание свода правил правописания и нормативных грамматик, издание исторической фонетики, а в самом конце столетия – создание нормативного толкового словаря. Перерабатываются и вновь издаются с изменениями "Хорватский орфографический кодекс" 1994 г., одобренный Министерством культуры и просвещения Республики Хорватии для начальных и средних общеобразовательных учреждений, а также школьная и академическая грамматики ХЛЯ [23. С. 34–35]. В 1991 г. коллектив авторов издаёт третью часть хорватской академической грамматики "Исторический обзор: звуки и формы хорватского литературного языка" [24], В. Анич выпускает "Словарь хорватского языка" [25], В. Бродняк публикует "Словарь различий

сербского и хорватского языка" [26], М. Могуш – "Историю хорватского литературного языка" [27]. Таким образом, объем кодифицируемых языковых явлений расширяется, а кодификация охватывает все основные аспекты языка.

На рубеже веков предпринимаются попытки "реанимации" орфографии и орфоэпии. Так, например, предлагалось заменить: литературное иековское произношение (*djed, uvijek*) на диалектное икавское (*did, uvik*); в графике – монографы с надстрочными знаками *č, š* на диграфы *ch, sh*, твердые и мягкие аффрикаты *dž, đ* и *č. ć* на *đ* и *č*; в орфографии – фонематический ('фонетический') принцип написания – *opći; rob, ropski; glazba; srdžba; kazalište, kazališni* на морфологический ('этимологический') принцип – *obći; rob, robski; glasba; srčba; kazalište, kazališni* (см.: [28. S. 167; 29. S. 15]). В 1993 г. Языковая комиссия Матицы хорватской (Jezično povjerenstvo Matice hrvatske) опубликовала в журнале "Язык" (№ 3 за 1993 г.) анкету "Принципы усовершенствования хорватского правописания". В опросном листе приняли участие ведущие научные и культурные учреждения Хорватии: Институт хорватского языка и языкознания, Кафедра современного хорватского литературного языка философского факультета Загребского университета, Отделение филологических наук Хорватской академии наук и искусств (ХАНИ), Отделение литературы ХАНИ, а также Министерство просвещения и культуры. В анкете, кроме вопроса о написании отдельных букв в тех или иных позициях, обсуждалось, в частности, принятие фонематического или морфологического принципа правописания. Все научные учреждения выступили против радикальных изменений в нынешнем фонематическом правописании. Интересно отметить, что в Институте хорватского языка и языкознания из 20 членов научного совета лишь один высказался за принятие морфологического правописания, а на совещании Языковой комиссии Матицы хорватской – лишь трое: Т. Ладан, Б. Ласло, А. Шоят (подробнее см.: [30–32]). Попытки реанимировать морфологическое правописание, которое хорваты использовали до 1892 г. и в период войны с 1942 по 1945 г., не дали должного результата в силу культурологических, социально-психологических и прагматических причин. Как отмечает Н.Б. Мечковская, "пройдя в детстве жестокий орфографический тренинг, люди настроены по отношению к орфографии очень консервативно и не склонны здесь что-либо менять" [33. С. 75].

Нормативная деятельность по стандартизации и кодификации ХЛЯ наиболее ярко проявляется при сопоставлении различных изданий школьных и академических грамматик, правил правописания, толковых словарей и различных справочников. Сравним различные издания школьной грамматики "Обзор грамматики хорватского языка" 1969 г. (2 изд.) и 1996 г. (11 изд.), академической "Хорватской грамматики" 1979 и 1995 годов издания и "Хорватского орфографического кодекса" 1971 (1 изд.), 1996 (4 изд.) и 2000 г. (5 изд.) ([34; 7; 35; 22]; см. табл. 1, 2, 3).

Из табл. 1, 2 следует, что в результате "лекторской" (редакторской) или авторской правки текстов конкретным изменениям подвергаются лингвонимы (*hrvatskosrpski, hrvatski ili srpski jezik* → *hrvatski jezik*); фонемы (*indoevropski* → *indoevropski*) морфемы (*priloški* → *priložni, dijalekatski* → *dijalekatni, pridjevski* → *pridjevni, slušalac* → *slušatelj, porijeklo* → *podrijetlo, obavezan* → *obvezatan*), лексемы (*učesnik* → *sudionik, istovremen* → *istodoban, terminologija* → *nazivlje; pažnja* → *pozornost, u toku* → *u tijeku*)¹; термины (*samoglasnik* → *otvornik, enklitika* → *zanaglasnica, proklitika* → *prednaglasnica*), частотность употребления дублетов (*polovina* → *polovica, unutrašnji* → *unutarnji*).

Сравним различные издания "Хорватского орфографического кодекса" 1971 (1 изд.), 1996 (2 изд.) и 2000 г. (5 изд.) ([22]; см. табл. 3)

¹ В ХЛЯ слов *pažnja* 'внимание' употребляется в значении 'вежливое, любезное отношение', расположение к кому-либо', а *pozornost* 'внимание' в значении 'сосредоточенность мысли или зрения, слуха на каком-либо объекте'; *tok* 'течение; русло (реки)', а *tijek* 'течение, ход, протекание' (см.: [36]).

Обзор грамматики хорватского языка

1969	1996
...Izuzetna <u>pažnja</u> posvećena je... 3.	...Posebna je <u>pozornost</u> posvećena... 6.
Podjela zavisno složenih rečenica na ... objektivne i <u>priloške</u> odgovara... 4.	Podjela zavisno složenih rečenica na ... objektivne <u>priložne</u> odgovara... 6–7.
<u>Hrvatskosrpski</u> jezik pripada skupini <u>idoevropskih</u> jezika 5.	<u>Hrvatski</u> jezik pripada skupini <u>idoeuropskih</u> jezika 9.
...Govorili <su> ... s neznatnim <u>dijalekatskim</u> razlikama 6.	...Govorili <su> ... s neznatnim <u>dijalekatnim</u> razlikama 6.
...Jezik kojim su govorili Slaveni ... u drugoj <u>polovini</u> 9. st. ... 7.	...Jezik kojim su govorili Slaveni ... u drugoj <u>polovici</u> 9. stoljeća ... 9.
On je imao trinaest <u>samoglasnika</u> ... 7	On je imao trinaest <u>otvornika</u> 10.
Šulek je nastojao da stvori hrvatsku znanstvenu <u>terminologiju</u> ... 12.	Šulek je nastojao da stvori hrvatsko znanstveno <u>nazivlje</u> ... 14.
"Letopis" je objavio odgovore <u>učesnika</u> 15.	Letopis je objavio odgovore <u>sudionika</u> 16.
<u>Enklitike</u> imaju veću slobodu ... 218.	<u>Zanaglasnice</u> imaju veću slobodu ... 246.
U hrvatskosrpskom jeziku obično se <u>pridjevka</u> riječ ... 221.	U našem jeziku obično se <u>pridjevna</u> riječ ... 247.

Таблица 2

Хорватская грамматика

1979	1995
Glasovi nastaju <u>u toku</u> psihofiziološkog procesa ... 11.	Glasovi nastaju <u>u tijeku</u> psihofiziološkog procesa ... 43.
... Vrh jezika pristanja na <u>unutrašnju</u> površinu ... 19.	... Vrh jezika pristanja na <u>unutarnju</u> površinu ... 51.
<u>Istovremeni</u> se ostvaraj siline ... 32.	<u>Istodobni</u> ostvaraj siline ... 66.
To su <u>proklitike</u> (<u>prisljonjenice</u>) i <u>enklitike</u> (<u>naslonjenice</u>) 38.	To su <u>prednaglasnice</u> (<u>prisljonjenice</u> , <u>proklitike</u>) i <u>zanaglasnice</u> (<u>naslonjenice</u> , <u>enklitike</u>) 71.
<u>Slušalac</u> će rečenicu ... 43.	<u>Slušatelj</u> će rečenicu ... 75.
Taj je sufiks turskoga <u>porijekla</u> ... 245.	Taj je sufiks turskoga <u>podrijetla</u> ... 308.
<u>Obavezan</u> red riječi 460.	<u>Obvezatan</u> red riječi 595.
U <u>hrvatskom</u> ili <u>srpskom</u> jeziku tvorba aorista ... 496.	U <u>hrvatskom</u> jeziku tvorba aorista ... 631. .
Jotacija (jotiranje, <u>jotovanje</u>) 508.	Jotacija (jotiranje) 648.

Хорватский орфографический кодекс

№	1971	1996	2000
1	bezbjednost > sigurnost 145; cicija > škrtac 153; juni > lipanj 199; parče > komad(ić) 236; sirće > ocat 283; vazduh > zrak 319;	bezbjednost > sigurnost 162; cicija > škrtac 174; juni > >lipanj 247; parče > komad(ić) 311; sirće > ocat 378; vazduh > zrak 435	sigurnost 404; škrtac 431; lipanj 247; komadić 263; ocat 310; zrak 491;
2	besprijeoran (ne besprijeoran) 145; mrestilište 215; okrepa 230;	besprijeoran > besprijeoran 161; mrestilište i mrjestilište 275; okrepa i okrepa 301;	besprijeoran 164; mrjestilište 287; okrepa 316;
3	hronika > kronika 191; so > sol 288; suv > suh 296; srećan > sretan 299; tačan > točan 301;	hronika > kronika 232; sol 386; suv > suh 396; srećan > sretan 387; tačan > točan 405;	kronika 268; sol 413; suh 422; sretan 416; točan 438;
4	amortizacioni > amortizacijski 140; barij 143; izvještač > izvjestitelj 197; jezički > jezični 199; sudija > sudac 294; posjet (ne posjeta) 250;	amortizacioni > amortizacijski 153; barijum > barij 160; izvještač > izvjestitelj 243; jezički > jezični 247; sudija > sudac 394; posjeta > posjet 330;	amortizacijski 155; barij 162; izvjestitelj 253; jezični 256; sudac 422; posjet 349;
5	Evropa i Europa 181; njen i njezin 226; sport > šport 289; vanbračan > izvanbračan 319;	Evropa > Europa 216; njen > njezin 293; sport > šport 387; vanbračan > izvanbračan 434;	Evropa > Europa 222; njen > njezin 307; sport > šport 415; vanbračan > izvanbračan 463;
6	egzil 178; gled 185; muzika > glazba 216; nivo > razina 225; penzija > mirovina 237;	egzil > progonstvo 212; gled > caklina 222; muzika > glazba 276; nivo > razina 291; penzija > mirovina 313.	egzil > progonstvo 218; gled > caklina 228; muzika > glazba 288; nivo > razina 305; penzija (mirovina) 329;
7	generalštab 184; regrutacija 275.	ambasada > veleposlanstvo 153; generalštab > glavni stožer 221; grejp, grejfrut > limunika 226; ocjeđivač 296; pejsmejker > srčani stimulator, srčanik 313; regrutacija > novačenje 368.	ambasada (veleposlanstvo) 155; generalštab (glavni stožer) 227; grejp, grejfrut (limunika) 233; ocjeđivač 310; pejsmejker (srčani stimulator) 329; regrutacija (novačenje) 393.

Материал табл. 3 свидетельствует об определенных тенденциях развития современного хорватского литературного языка, направленных на:

1) увеличение количества собственно хорватских слов и уменьшение заимствованных, включая сербизмы и османизмы (турцизмы); 2) отбор и утверждение орфографических норм, связанных с рефлексамии старославянского гласного [ǣ;] 3) отбор и утверждение определенных лексико-фонематических норм; 4) отбор и утверждение определенных словообразовательных и родовых норм; 5) предпочтение хорватских фонематических, грамматических, словообразовательных норм; 6) предпочтение хорватских словоупотребительных норм; 7) реанимация архаизмов и появление неологизмов [37. С. 13–15].

Многие лексемы левых столбцов, представленные в таблицах 1, 2, 3 в "Хорватском языковом справочнике" [38], а также в толковом "Словаре хорватского языка" помечаются "стрелкой", отсылающей пользователя к нейтральному, нормативному эквиваленту (например: *učesnik* → *sudionik*, *porijeklo* → *podrijetlo*, *sirće* → *ocat* и т.п.) (см.: [36]).

Таким образом, сумма отобранных и нормативно закрепленных единиц получает статус хорватской кодифицированной нормы, а "невыбранные" единицы остаются за пределами стандартного языка, приобретая в дальнейшем иноязычную, историческую, стилистическую и иную маркированность. Этноязыковое размежевание некогда единого полинационального языка в большей мере коснулось лексикосемантической, терминологической и нормативно-стилистической системы хорватского языка и в меньшей мере – грамматики и синтаксиса (подробнее см.: [39]).

Кодифицированные нормы (этноязыковые приоритеты) распространяются и пропагандируются в школах, в средствах массовой информации, публикуются в различных грамматиках, словарях и справочниках. Радио и телевидение посвящают вопросам языка и культуры речи специальные передачи (например, радиопередача "Govorimo hrvatski", телепередача "Hrvatski u zrcalu"). Распространению языковых норм много внимания уделяет пресса. Ведущие хорватские газеты и журналы ("Vjesnik", "Večernji list", "Jutarnji list") еженедельно отводят языковедческим проблемам место на своих страницах. Большую роль в распространении и пропаганде норм литературного языка играет лингвистический журнал "Язык" (издается с 1952 г.), ориентированный как на специалистов, так и на массового читателя. Журнал "Jezik" публикует статьи, заметки и материалы по актуальным вопросам нормирования языка, дает рекомендации относительно правильного словоупотребления, помещая списки новых слов и организуя их обсуждение.

16 марта 1998 г. при Министерстве науки и технологии был создан Совет по нормированию хорватского языка (Vijeće za normu hrvatskoga jezika) под председательством академика С. Бабича. В состав Совета вошли известные хорватские лингвисты и литературоведы Д. Брозович, С. Хам, М. Качич, Р. Катичич, М. Могуш, М. Самарджия, С. Тежак, М. Макиедо, М. Мамич, С. Врлич, Т. Ладан. Вопросами развития, усовершенствования и обогащения ХЛЯ занимаются также различные научные и общественные организации – Хорватское филологическое общество, Магица хорватская, Институт языка и языкознания, Кафедра современного хорватского языка Философского факультета Загребского университета, Лексикографический институт им. Мирослава Крлежи, Общество хорватских писателей и др.

Таким образом, попытки проведения централизованной языковой политики в 80-х годах XX столетия и кодификации полинационального языка в его вариантных реализациях в условиях дезинтеграции единого государства и языковой дивергенции не дали ожидаемого результата. Распад шестисубъектной социалистической федерации (СФРЮ) и обретение Хорватией государственной независимости ускорили процесс дальнейшей стандартизации и последующей научной кодификации хорватского литературного языка. Кодифицированные нормы фиксируются и утверждаются в школьных и академических грамматиках, в правилах правописания, распространяются и пропагандируются в средствах массовой информации, в учебных заведениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мечковская Н.Б. Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков. М., 2001.
2. Чернышев В.А. Языковая политика и языковое нормирование: типология нормализационных процессов применительно к лексической сфере хинди // Языковая норма: Типология нормализационных процессов. М., 1996.
3. Багдасаров А.Р. Социолингвистический аспект языковых отношений в Хорватии и Сербии во второй половине XX в. // Язык – культура – этнос. М., 1994.
4. Дмитриев П.А., Сафронов Г.И. Из истории русско-югославянских литературных и научных связей. Л., 1975.
5. Дмитриев П.А. Некоторые особенности функционирования вариантной лексики сербохорватского / хорватосербского литературного языка в периодической печати СР Сербии и СР Хорватии // Функционирование славянских литературных языков в социалистическом обществе: Сб. статей. М., 1988.
6. Brabec I., Hraste M., Živković S. Gramatika hrvatskosrpskoga jezika. Zagreb, 1970.
7. Barić E. i dr. Priručna gramatika hrvatskoga književnog jezika. Zagreb, 1979.
8. Deklaracija o hrvatskome jeziku s priložima i Deset teza. Drugo izdanje. Zagreb, 1991.
9. Barić S. Tvorba riječi u hrvatskom književnom jeziku. Zagreb, 1986.
10. Katičić R. Sintaksa hrvatskoga književnog jezika. Zagreb, 1986.
11. Anić V., Silić J. Pravopisni priručnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1986; 1987; 1990.
12. Михайлович К. Экономическая действительность Югославии: Пер. с серб.-хорв. М., 1983.
13. Окука М. Теоретические подходы к сербохорватскому стандартному языку // Функционирование языков в многонациональном обществе. М., 1991.
14. Peco A. Iz jezičke teorije i prakse. Beograd, 1987.
15. Butorac F. Nacionalizam i jezik // Komunist, 1985. 5. jula.
16. Diklić Z. Jezične istine i neistine // Vjesnik, Panorama subotom. 1989. 23. prosinca.
17. Дмитриев П.А. Двужычный словарь языка писателя и варианты литературного языка (на примере Словаря И. Андрича) // Очерки лексикографии языка писателя: Двужычные словари. Л., 1981.
18. Malić Z. Jezik pod osobitim nadzorom // Danas. 1988. 9. kolovoza.
19. Barić S. Hrvatski jezik u političkom vrtlogu. Zagreb, 1990.
20. Kočiš M. Jezik i Ustav // Vjesnik. 1989. 24. svibnja – 13. lipnja.
21. Никольский Л.Б. Язык в политике и идеологии стран зарубежного Востока. М., 1986.
22. Багдасаров А.Р. К проблеме стандартизации и кодификации литературного языка Хорватии // Научный альманах: Армия и современный мир. М., 1997. № 1 (2).
23. Barić S., Finka B., Mogaš M. Hrvatski pravopis. Zagreb, 1971; 1994; 1996; 2000.
24. Barić S. i dr. Povijesni pregled, glasovi i oblici hrvatskoga književnog jezika. Zagreb, 1991.
25. Anić V. Rječnik hrvatskoga jezika. Zagreb, 1991.
26. Brodnjak V. Razlikovni rječnik srpskog i hrvatskog jezika. Zagreb, 1991.
27. Mogaš M. Povijest hrvatskoga književnoga jezika. Zagreb, 1993.
28. Brozović D. Aktualna kolebanja hrvatske jezične norme // Jezik. 1998. Br. 5.
29. Škarić I. Govor koji je Vuk Karadžić proglasio uzornim Hrvata se nimalo ne tiče! // Večernji list. 2001. 23. travnja.
30. Barić S. Jezično povjerenstvo MH i hrvatski pravopis // Jezik. 1993. Br. 3.
31. Barić S. O pripremama pravopisnih načela // Jezik. 1993. Br. 4.
32. Brozović D. Uz odgovore na pismo Jezičnoga povjerenstva MH // Jezik. 1993. Br. 5.
33. Мечковская Н.Б. Язык и религия. М., 1998.
34. Težak S., Barić S. Pregled gramatike hrvatskosrpskog jezika. Zagreb, 1969; Gramatika hrvatskoga jezika. Zagreb, 1996.
35. Barić E. i dr. Hrvatska gramatika. Zagreb, 1995.
36. Rječnik hrvatskoga jezika. Zagreb, 2000.
37. Багдасаров А.Р. Некоторые тенденции нормирования современного хорватского литературного языка (на материале "Хорватского орфографического кодекса") // Исследование славянских языков в русле традиций сравнительно-исторического и сопоставительного языкознания. М., 2001.
38. Hrvatski jezični savjetnik. Zagreb, 1999.
39. Багдасаров А.Р. Социально-политические аспекты функционирования лексической системы современного хорватского языка (90-е годы XX века) // Славяноведение. 2001. № 1.

© 2002 г. *О.Н. ИСАЕВА*

НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ СЛАВЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ МАКЕДОНИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (ПО СВИДЕТЕЛЬСТВАМ РОССИЙСКИХ КОНСУЛОВ)

В данном сообщении рассматриваются сложные этнонациональные и этнополитические процессы, происходившие в Македонии в начале XX в. и прямо или косвенно повлиявшие на процесс формирования македонской нации. Основными источниками послужили донесения русских консулов, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ). В их обстоятельных отчетах, статистических выкладках и аналитических записках представлена вся хроника местной жизни, подмечены важнейшие особенности македонской действительности. Свидетельства российских консулов, подолгу служивших в Македонии и хорошо знавших язык и жизнь ее населения, позволяют лучше понять один из наиболее важных периодов в истории македонского народа.

Как известно, после подавления Илинденского восстания осенью 1903 г. Македония находилась в бедственном положении: более двухсот сел было сожжено, число убитых достигло почти девяти тысяч, более тридцати тысяч человек превратились в беженцев и эмигрантов. За умиротворение этих турецких владений взялись Россия и Австро-Венгрия как две наиболее заинтересованные в балканских делах державы. Они разработали программу реформ по установлению административно-финансового контроля над Косовским, Монастырским и Салоникским вилайетами, которые обычно обозначались общим названием Македония.

В качестве одной из мер по нормализации положения в Македонии Россия и Австро-Венгрия предложили провести в указанных трех вилайетах административно-территориальную реформу с учетом расселения национальностей. Дословно речь шла о "территориальном разграничении административных единиц в видах более правильной группировки народностей", что по сути означало намерение держав заменить наднациональное устройство вилайетов национальным. Это предложение Петербурга и Вены внешне преследовало благую цель – ввести церковно-школьные споры в относительно приемлемые рамки, проведя разграничение населения по этноконфессиональному признаку. Авторы данного предложения не учли, однако, того, что политика по размежеванию зачастую приводит к ожесточенным конфликтам, перерастающим в военные столкновения, поощряет жестокое соперничество между этническими группами.

Для установления "истинного соотношения религий и народностей" в Македонии было решено провести в 1905 г. перепись населения. Известие о ней вызвало большое волнение среди местных жителей. Отдельному человеку, включенному в сложные переплетения религий, языка и культуры, было очень трудно принять решение о выборе той или другой национальности. К консулам стали обращаться с вопросами относительно критериев ее определения, при этом каждая из сторон отстаивала наиболее выгодный для нее определитель.

Греки, считая эллином каждого патриархиста, т.е. подчинявшегося власти Константинопольской патриархии, хотели, чтобы при опросе отмечалась только религия. Сербь и влахи, подчиненные патриархии, настаивали на внесении в опросный лист лишь национальности, без упоминания религии. Болгары были больше всего заинтересованы в определении языка. Они желали, чтобы при переписи опрашивались не мужчины, говорившие часто на многих наречиях, а женщины, знавшие в большинстве случаев лишь родной язык. "Болгары, – писал консул в Монастыре В. Каль, – были уверены, что таким путем десятки патриархистских сел будут признаны болгарскими, так как женщины в них действительно говорят на македонском наречии, которое они считают болгарским" [1. 1905. Д. 566. Л. 124]. Турецкое правительство, назначившее перепись на осень 1905 г., поставило в опросный лист определение как религии, так и национальности.

В столицах балканских государств с началом проведения реформ возникло стойкое убеждение в скором и неизбежном разделе Македонии по этнографическим границам, в связи с чем каждая заинтересованная сторона постаралась закрепить за собой по возможности более обширные территории. Изменились и методы пропаганды, сводившиеся ранее к организации церквей и школ, а также материальному воздействию на христианское население Македонии. Теперь в соседних странах и в самой Македонии развернулось формирование вооруженных отрядов, предназначенных для борьбы за расширение сфер национальных пропаганд. Во главе отрядов, засылаемых извне, обычно стояли кадровые офицеры, а четы, формируемые на месте, нередко возглавлялись священниками и учителями. Роль организаторов вооруженной борьбы в Македонии выполняли официальные представители балканских стран: консулы, торговые агенты. В борьбу активно вмешалась и ВМРО, но теперь свою деятельность она направила всецело против пропаганды соседних государств. Таким образом, Македония была захвачена стихией сепаратизма, принимавшего то форму национально-религиозного ирредентизма, то национально-освободительной борьбы.

Российские консулы уже с начала 1904 г. стали сообщать о деятельности "разноплеменных шаек" и "остатков повстанческих банд", подчеркивая, что все они свернули свою борьбу с турецкими властями и путем угроз и насилия начали увеличивать численность отдельных этноконфессиональных групп. Готовясь к будущему разграничению Македонии, болгарские четы принуждали патриархистов переходить под юрисдикцию Болгарской епархии, а греческие отряды, в свою очередь, обрушились на экзархические села, требуя их возвращения в лоно патриархии. Наиболее ожесточенная борьба между болгарскими и греческими отрядами происходила в срединной части Македонии, где в период с 1904 по 1908 гг. совершались массовые убийства и насилия. В борьбе за сферы влияния приняли участие и сербы, их столкновения с болгарами происходили в Косовском вилайете на юг от Ускюба (ныне – Скопье) и в северной части Монастырского вилайета.

Позднее других в борьбу вступила румынская пропаганда, действовавшая через влахов. Она добивалась признания за ними прав отдельной народности и независимости от Вселенской церкви. Румынское правительство, не желая отставать от других балканских стран в поддержке своего национального элемента, тратило на поддержку церковно-школьной пропаганды значительные средства. Оно рассчитывало иметь в виде влашских общин "предмет обмена" к моменту раздела Македонии, чтобы потребовать территориальной компенсации с того государства, которому эти общины будут "уступлены".

Своего апогея противостояние достигло в период проведения переписи населения, когда число убитых и раненых исчислялось многими сотнями, а население под угрозой террора было вынуждено объявлять себя то греками, то болгарами, то сербами, то влахами в зависимости от господства в районе того или иного вооруженного отряда. Российские консулы, с самого начала считая перепись не только бесполезной, но и вредной, настояли на ее скорейшем приостановлении. В. Каль писал: "Многие здесь своей национальности не знают, другие ее не назовут, а третьи намеренно скроют под влиянием угроз и насилий". В качестве примера консул привел жителей села в Прилепской казе, наотрез отказавшихся назвать свою национальность и прошивших записать их турками, зная, что назови они себя сербами или болгарами, они рискуют быть перерезанными той или иной бандой. Население другого села называлось греками, а на следующий день послало генерал-губернатору трех вилайетов телеграмму с просьбой считать их заявление ложным и вынужденным под угрозой греческого митрополита отлучить их от церкви, если они объявят себя влахами [1. 1905. Д. 566. Л. 125]. В общем, как писал консул в Ускюбе А. Орлов, "никто не может поручиться в том, что не станут ли через неделю в данном селе болгары сербами, влахи греками или греки болгарами" [1. 1910. Д. 2694. Л. 140].

Осенью 1906 г. В Каль совершил длительную поездку по северу Монастырского вилайета, итогом которой стало подробнейшее описание населения его городов и сел. Он писал, что кроме города Крушева, большого влашского центра, все христианское население севера вилайета исключительно славянское, причем жители экзархистских сел называют себя болгарами, а патриархистских – сербами. Во время этой поездки консул приложил все усилия, чтобы выяснить вопрос, интересовавший его с первого дня приезда в Македонию, – "насколько это славянское население действительно "болгарское" или "сербское", есть ли у этого населения сознание своей национальности, существует ли связь у него с Болгарией и Сербией и на какой язык походит их наречие?" [1. 1906. Д. 1906. Л. 112].

В своем докладе консул четко разделил городское и сельское население, отметив, что во всех больших центрах вилайета есть много нотаблей, которые являются пламенными болгарскими патриотами. В этих людях, которые сами воспитывались в Болгарии и теперь обучают там своих детей, считал Каль, главная сила Болгарии в Македонии. Сельское же население, по утверждению консула, никакого национального сознания не имеет, ему совершенно безразлично – называть себя болгарами или сербами. Консул описывал семьи, в которых один сын выдает себя за болгарина, а другой – за серба. Болгарами, – писал консул, – селяне обычно называют себя из страха перед бандами, а сербами – из-за материальных выгод, так как сербская пропаганда платит им за это деньги, а также из соображений безопасности, поскольку турецкие власти относятся к сербам гораздо снисходительнее, чем к болгарам.

Успехи сербской пропаганды (возвращение под управление патриархии при объявлении себя сербскими ряда сел, открытие сербских школ в городах) встревожило болгар, осознавших, что не греческая, а эта родственная славянская пропаганда для них гораздо опаснее. Активизация болгарских чет в районах с сербским влиянием заставило сербскую сторону изменить методы своей политики. Каль писал в 1907 г., что сербская пропаганда, убедившись в том, что страх за жизнь играет большую роль, чем притягательная сила денег, перешла в наступление и также завела свои вооруженные отряды. Они не истязали, как греческие четы, безоружных селян, женщин и детей, но обычно уводили из села несколько нотаблей, которых отпускали на свободу только в том случае, если село к известному сроку объявляло себя сербским, в противном же случае – убивали [1. 1907. Д. 568. Л. 48].

Российские консулы неоднократно сообщали в Петербург о просьбе македонских крестьян записать их "русскими". Они отмечали, что это бывало в тех случаях, когда селу угрожали банды разных национальностей. "Как бы селяне ни назывались, – писал В. Каль, – они одинаково рисковали быть перерезанными. Не имея сознания своей национальности, которую они часто меняют под давлением той или другой

пропаганды, селяне предполагают, что сделаться русскими так же легко, как греками, болгарами или сербами" [1. 1910. Д. 571. Л. 12].

Натиск греческого, болгарского, сербского национализма на славянское население Македонии породил в последнем силу противостояния, которая помогала утвердиться сознанию собственной самобытности. Осенью 1907 г. А. Петряев сообщал: "Население устало от национальной борьбы. Некоторые селяне в Касторийской казе, отказываясь от всяких других этнографических самоопределений, упорно называют себя македонцами, и среди них начинает зарождаться особое македонское национальное самосознание" [1. 1907. Д. 2690. Л. 19]. Позднее Петряев сообщил о просьбе семи сел в Дибрской казе с населением в четыре тысячи человек признать их "македонскими славянами" и ввести до устройства собственных македонских школ преподавание на русском языке при помощи учителей из России. "Эта сама по себе в высшей степени наивная просьба, – писал Петряев, – характерна как крик наболевшей души местного населения, которое желает жить по-своему и говорить на своем родном наречии, а не по программам болгарских или сербских комитетов" [1. 1911. Д. 572].

В. Каль, подводя в конце 1907 г. итоги деятельности греческой и сербской пропаганды в Монастырском вилайете, отметил их незначительные результаты. Он считал, что именно террор, развязанный греческими и сербскими четами, оттолкнул от сербов симпатии местного населения, а в отношении греков вызвал сильную неприязнь. "Пока мирная церковная пропаганда старалась внушить славянам-патриархистам, что они греки, те, пожалуй, и верили этому, но когда они впервые увидели греческих и критских четников, говорящих на непонятном им языке и ничего общего с ними не имеющих, население не могло не видеть своего заблуждения. Селяне поняли, что приходящие к ним из Греции "соплеменники" гораздо для них хуже, чем соседи, с которыми они раньше враждовали" [1. 1907. Д. 568. Л. 125–126].

Весьма знаменательным, с точки зрения консула, было нападение на патриархистские села Раково и Негован жителей соседних экзархистских деревень осенью 1907 г. Каль особо отметил, что роль организаторов нападения на эти села, служившие пристанищем греческих отрядов, принадлежала македонцам, вернувшимся из эмиграции. Эти акты мести, по его мнению, свидетельствовали о нежелании македонцев, прибывших из Америки, выносить нестерпимые условия местной жизни. "Ранее, будучи беден и запуган, селянин поневоле подчинялся той или иной пропаганде, менял свою религию и даже поступал в революционные банды. Ныне же, вернувшись со средствами и убедившись в бездействии турецких властей, эмигранты сами взялись за оружие, чтобы дать отпор всем чуждым пропагандам с их насилиями и убийствами. Они направились в центры греческих банд, чтобы уничтожить эти очаги терроризма". Консул писал, что эмигранты, представлявшие собой "товарищескую массу с резко выраженной национальной идеей", положили начало "народной самообороне", "движению чисто македонскому, а не болгарскому, как полагают турки" [1. 1907. Д. 568. Л. 85–86].

Исследование процесса пробуждения национального самосознания в македонских землях побудило российских консулов провести некоторый этнолингвистический анализ местных говоров и диалектов. В. Каль, обобщая свои многолетние наблюдения, полагал, что македонское наречие походит и на болгарский и на сербский языки в зависимости от влияния школы. В тех местах, где болгарская школа годами распространяла и пропагандировала болгарский язык, македонский язык схож с ним. Так же как он схож с сербским в тех округах, где открывались сербские училища. С греческим языком, считал В. Каль, язык македонцев-славян ничего общего не имеет, но в южных округах, под влиянием греческой школы и церкви, в него вошла масса греческих слов, как вошли турецкие и албанские слова в язык македонцев, живущих бок о бок с турками и албанцами. Вывод консула таков: «Местный язык до того типичен, характерен и своеобразен, именно вследствие различных влияний, коим он подвергся и примесью инородных слов, вошедших в его состав, что заслуживает между славянскими языками отдельного самостоятельного наименования "македонское наречие"» [1. 1906. Д. 567. Л. 114–115].

Аналогичный вывод содержался в записке А. Орлова по вопросу об определении македонских народностей. "Македонское славянское наречие имеет несколько близких к болгарскому и сербскому языку диалектов, но говорить на нем не могут ни сербы из Сербии, ни болгары из Болгарии. В зависимости от соседства с населением, говорящим по-сербски или по-болгарски, македонское население приспособливает свой язык к языку соседей и делает его понятным им" [1. 1909. Д. 2694. Л. 138]. А. Петряев в "Записке по вопросу о национальностях Македонии" писал, что наречия, на которых говорят в Македонии, "включают в себя много славяно-греческих элементов и вполне не соответствуют ни греческому, ни болгарскому, ни сербскому, ни румынскому языкам. Уроженцы этих государств, попадающие в Македонию, понимают с трудом, а иногда совсем не понимают своих македонских сородичей" [1. 1909. Д. 5268. Л. 2–3].

Приведенные материалы свидетельствуют, что российские консулы по-новому подошли к главной проблеме македонской действительности тех лет – национальной принадлежности ее славянского населения. Вопреки распространенному мнению, согласно которому оно состоит преимущественно из болгар и сербов, они первыми из представителей России на Балканах подметили процесс формирования самобытной южнославянской нации и первыми стали употреблять в своих донесениях новое этническое определение "македонцы" вместо традиционных конфессиональных или устоявшихся этнических категорий.

Подрыв старого режима, произошедший в ходе младотурецкой революции, преобразил ситуацию в Македонии. В ожидании перемен все враждовавшие стороны прекратили борьбу, и четы спустились с гор. Началась политизация этнических различий: сторонники соседних государств стали создавать свои организации, часто именуемые клубами. ВМРО в ходе легализации своей деятельности раскололась на два течения. Первое вскоре было преобразовано в Народную федеративную партию, имевшую целью достижение Македонией автономии в рамках Османской империи, а второе – в Союз болгарских клубов, выступавших за объединение в будущем Македонии с Болгарией. Раскол ВМРО закрепил наличие двух основных тенденций в македонском национально-освободительном движении. Новым моментом в жизни Македонии стала активизация албанского национального движения, открытие во всех крупных городах Македонии албанских политических и культурных центров.

Младотурки, пришедшие к власти с помощью нетурецких народов и первоначально выдвигавшие лозунг национального равноправия, вскоре перешли к политике ограничения и подавления национального движения. Политика централизации и оттоманизации, проводимая ими, вызвала новый подъем национально-освободительного движения, приобретшего особую силу в Албании и Македонии. Албанский фактор с этого времени стал играть очень важную роль в жизни Македонии, да и Балкан в целом.

Первоначально очаги албанского национального движения возникли на юге Македонии, заселенном албанцами-христианами, называвшими себя "грекоманами". По сообщениям консулов, они еще с 1907 г. повели борьбу с политикой эллинизации, проводившейся патриархией, и начали открыто называть себя албанцами. С 1910 г. албанское национально-освободительное движение, нацеленное на завоевание административно-территориальной автономии в рамках Османской империи, приобрело характер вооруженного восстания. Албанские националисты заговорили о создании "Великой Албании", которая должна была включить в себя большую часть македонских территорий. "Они, – писал А. Петряев, – стараются распространить мысль, что населяющие Македонию народности, известные под именем болгар, греков, влахов и сербов, – ни что иное, как распропагандированные албанцы" [1. 1912–1914. Д. 573. Л. 229].

Российские консулы в своих донесениях отмечали необычайную энергию албанской национальной пропаганды. Албанские комитеты, взяв на вооружение опыт соседних стран, начали создавать отряды, распространявшие путем насилия албанскую национальную идею среди македонского населения. А. Петряев сообщал

в начале 1912 г.: «Они делают то, что в свое время делали болгарские и греческие четы, т.е. угрозами или обещаниями привлекают на сторону албанцев македонские села. Наряду с существующими македонскими терминами "грекоманов", "болгароманов", "сербоманов", появляется новое этническое название "албаноманов"» [1. 1912–1914. Д. 573. Л. 275]. Консул отмечал, что натиску албанского национализма прежде других подверглась юго-западная часть Монастырского вилайета. Дальнейшее развитие паналбанского движения, по его мнению, крайне осложнит разрешение македонского вопроса, так как новый воинствующий элемент "поставит на своем знамени" девиз "Македония для албанцев" [1. 1912–1914. Д. 573. Л. 230].

Обобщая свои представления об этническом составе населения Македонии, А. Петряев, один из наиболее компетентных и авторитетных представителей России на Балканах, писал: "За исключением турок, евреев, цыган, все остальное население представляет собой совершенно особый смешанный "македонский" тип, который невозможно подвести ни под одну из известных этнографических групп. Все даваемые ему названия – болгар, греков, сербов, албанцев (кутцо – влахов) являются лишь политическими этикетками, навязываемыми ему соседними с Македонией балканскими государствами, так или иначе заинтересованными в ее судьбах" [1. 1909. Д. 5268. Л. 1].

В силу ряда причин в Македонии верх одержал быстро набравший силу процесс этнонациональной "балканизации". Только славянское ядро Македонии смогло трансформироваться в самобытную македонскую нацию. Для ее формирования была характерна многоступенчатость этнического самосознания и, соответственно, многоступенчатость этнического самоназвания. Российские консулы зафиксировали появление элементов отчетливого этнического самосознания у славянского населения Македонии.

Донесения российских консулов позволяют наглядно представить условия формирования этнического единства у славян Македонии, определявшегося и одновременно осложнявшегося совпадением с самосознанием локально-географическим и конфессиональным. Они показывают, как под влиянием церковно-школьных пропаганд соседних государств индифферентное отношение сельского населения к проблемам национальности сменилось невыраженной, а иногда даже "сдвоенной" идентичностью, что весьма характерно для этнически смешанной среды, где в относительно спокойной обстановке самосознание людей неактуализированно, "размыто".

Российскими консулами было отмечено, что наступление воинствующего национализма соседей вызвало усиление этнического самосознания македонцев, их стремление отстоять свою самобытность и целостность населяемой ими территории. Катализатором этнических процессов в крае стала и политика великих держав, включая их реформаторскую акцию 1904–1908 гг., а также быстрый процесс разложения османской государственности. Взаимообусловленность процессов распада империй и образования наций хорошо известна.

Решать задачу осуществления своего стремления к национальному самоопределению македонцам, не имеющим ни собственной элиты, ни государственной традиции, ни развитого языка, ни высокоразвитой культуры было очень трудно. Положение в значительной мере осложнялось тем, что Македония, являвшаяся полем ожесточенного соперничества великих и малых государств, со всех сторон испытывала натиск великодержавного национализма.

Решающие события произошли летом 1912 г., в разгар очередного албанского восстания, охватившего не только албанцев-христиан, но и албанцев-мусульман. Из Косово и Северной Албании повстанцы устремились в Вардарскую Македонию, захватили Ускюб и готовились к походу на Салоники. Турецкие войска, посланные на усмирение восставших, перешли на их сторону. В Турции произошел государственный переворот, и новое правительство было готово удовлетворить требование восставших образовать автономную Албанию. Угроза появления "Великой Албании", включавшей в себя старосербские и македонские земли, ускорила выступление балканских

государств против Османской империи. Начавшаяся в октябре 1912 г. Балканская война завершилась быстрым разгромом турецких войск и вытеснением их с Балканского полуострова. В раздел турецкого наследства решительно вмешались великие державы, и с подачи Австро-Венгрии возникла независимая Албания. Освобожденная от османского гнета Македония стала добычей союзников, спор о границах ее раздела вызвал летом 1913 г. новую войну – Межсоюзническую. Она завершилась разгромом Болгарии и расчленением Македонии.

В результате военных событий 1912–1913 гг. начавшая складываться македонская нация оказалась расколотовой, в каждой части Македонии – Эгейской, Вардарской и Пиринской – продолжалось проведение политики эллинизации, сербизации и болгаризации македонского населения. Дело тогда дошло до насильственных перемещений, изгнаний и массового потока беженцев. Эти события положили "начало варварской главы европейской истории" [2. С. 93].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. АВПРИ. Ф. Политархив.
2. *Альтернатт У*. Этнонационализм в Европе. М., 2000.

Славянская учебная библиотека О.М. Бодянского. Каталог / Сост. Л.Ю. Аристова. Под ред. В.П. Гудкова. М., 2000. 336 С. + илл.

О.М. Бодянского, профессора Московского университета, – яркую фигуру в истории русской славистики, не зря считают одним из основоположников отечественного славяноведения – за прошедшие полтора столетия о нем не раз писали как об авторе работ по славистике, редакторе журнала "Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете" (ЧОИДР), издателя славянских памятников. Пожалуй, лишь одна сторона его деятельности почти не привлекала внимания исследователей – деятельность книголюба, собирателя, пропагандиста славянской книги. Почти вся личная библиотека ученого после его смерти погибла. Об этом с сожалением писали не раз, упоминалась и сохранявшаяся в фондах Научной библиотеки МГУ учебная библиотека Бодянского, однако, что она конкретно из себя представляет, до недавнего времени известно не было. И лишь когда обратились к ее исследованию, стало ясно, что только полный научный каталог может сказать о той ценности, которую она представляет для славистов, для истории славяно-русских связей XIX в.

Л.Ю. Аристова, научный сотрудник университетской библиотеки, где в отделе редких книг (ОРК) хранится Славянская учебная библиотека О.М. Бодянского, занялась составлением ее научного каталога. Результатом ее исследований стала рецензируемая публикация, в которой дано подробное описание каждого тома библиотеки (2349 томов, 1792 названия). Каталог открывается статьей-исследованием "Бодянский и его учебная библиотека". Из нее читатель узнает краткие сведения из биографии ученого, важнейшие

вехи его научной деятельности. Затем составитель обращается непосредственно к истории создания учебной библиотеки: с конца XVIII – первых десятилетий XIX в. начинается бурное развитие национальной культуры славянских стран – славянское национальное возрождение, в русском обществе усиливается интерес к культуре и языкам славянских народов, в 1835 г. в четырех русских университетах учреждаются кафедры истории и литературы славян. Для подготовки преподавателей-славистов четверо молодых ученых направляются в командировку в славянские земли и один из них – Бодянский. Из-за болезни он пробыл за границей не два года, как предполагалось, а почти пять. С этого времени он начинает приобретать славянские книги. Сначала Бодянский надеялся, что университет выделит на это деньги, потому что, по его словам, кафедра без книг стоять не может. Не получив отклика на свои предложения, ученый приобретает книги на собственные скудные средства и привозит в Москву уникальное собрание. Он составляет список почти двух тысяч предлагаемых книг и вместе с письмом направляет его попечителю Московского университета графу С.Г. Строганову. Л.Ю. Аристова впервые публикует полностью это письмо, "замечательный документ Человека и Ученого" (хранится ныне в архиве ОРК). Ученый уступает библиотеку "месту своего воспитания", не позволив себе прибавить решительно ничего к "цене, в которую Библиотека его обошлась ему самому. Для составления ее едва ли кому представится в другой раз такой благоприятный случай, каким пользовался собиравший ее..." (С. 12).

Автор рассказывает о написанном Бодянским списке книг, который числится как инвентарная книга библиотеки Бодянского, но "можно почти с полной уверенностью предположить, что это были отдельные листы, лишь позднее заключенные в характерный для библиотеки МГУ переплет" (С. 13). На этом уникальном архивном документе, пишет она, "стоит остановиться подробнее". Все книги разделены на десять разделов по языкам. Начинается он с чешской коллекции, отдельно выделен словацкий язык, на котором написаны произведения Бернолака и Яна Голлого, сборник словацкий песен Коллара и альманах "Зора". Автор замечает, что «Борьба штуровцев за права словацкого языка еще только начиналась, "Словацкое наречие" Л. Штура увидело свет через три года после передачи библиотеки университету». Интересно замечание составителя, что «Бодянский избегает понятия хорватский или иллирийский язык, а ограничивается термином книги "на сербском языке, но латинскими буквами, равно как и Хорватии" включает в список и труды иллиров и книги на кайкавском наречии" (С. 14).

Не все предложенные Бодянским книги попали в его библиотеку – один ящик – 145 названий – пропал в Вене, взамен Бодянский дал другие 145 книг и прибавил в подарок университету еще 165. В архиве ОРК хранится и вторая инвентарная книга, написанная, очевидно, библиотекарями (несколько почерков), не идентичная первой, к ней приложен список книг, предоставляемых взамен погибших в Вене и приносимых в дар университету. Этот список написан рукой Бодянского.

Одно время коллекция Бодянского была рассредоточена по разным разделам хранения, большая часть составила самостоятельный раздел по схеме классификации университетской библиотеки. Лишь приблизительно в 50-е годы XX в. книги О.М. Бодянского были выделены в особое хранение на правах личной библиотеки. Поиск книг из коллекции, еще находящихся в общем хранении, продолжается. При восстановлении коллекции решающую роль сыграли списки самого Бодянского.

Л.Ю. Аристова дает далее краткую характеристику отдельным разделам каталога. На полках ОРК книги расставлены не в том порядке, как в списках Бодянского. И, думается, составитель права, когда дала описание в каталоге в том порядке, в каком разделы находятся сейчас (оговорившись, что некоторые книги, хотя их очень немного, вероятно, не из собрания Бодянского).

Всего в каталоге четыре раздела. Первый – польская коллекция, 416 названий, 509 единиц хранения. Второй – чешские и словацкие книги – 742 названия, около 970 единиц хранения. Третий – сербские книги – 329 названий, 500 единиц хранения. И, наконец, четвертый раздел – болгарские, серболужицкие, словенские, хорватские и все остальные, в том числе и книги о России, не попавшие в первые три раздела, большей частью на немецком, иногда на французском языках. На полках внутри разделов книги стоят хаотично, в каталоге внутри каждого раздела соблюдается алфавит. В конце каталога автор дает краткую историческую справку о погибшей личной библиотеке ученого, которую не купил у его вдовы Московский университет в 70-х годах. Ее приобрел книготорговец А.А. Астапов и распродал затем поштучно. К счастью, сербские книги купил коллекционер-энтузиаст П.В. Щапов, и ныне чуть более 200 этих книг с автографами Бодянского составляют "Библиотеку Бодянского" на полках Отдела редкой книги ГПИБ.

Все книги просмотрены de visu, в описании отмечены владельческие, дарственные надписи, печати. Учтены особенности орфографии. Каталог снабжен тематическим и именовым указателями, а также несколькими иллюстрациями. Указан шифр каждой книги.

К недостаткам работы, вероятно, следует отнести сравнительно небольшой объем вступительной статьи, что можно объяснить небольшим объемом издания. Жаль, что иллюстраций так мало. В собрании Бодянского много интересного уникального иллюстративного материала. В целом же мы должны признать, что труднейшая работа выполнена на высоком научном уровне. Мы вполне согласны с мнением автора, что "Бодянский в своей работе со студентами более чем на полтора века опередил отношение ученых к книге как к источнику. Только теперь, и то с трудом, пробивает себе дорогу взгляд, согласно которому книга сама по себе является памятником культуры и историческим источником. В этом контексте выпуск каталога, как нам думается, особенно нужен университету" (С. 20). Большая часть изданий относится к эпохе национального возрождения, многие книги давно уже стали библиографической редкостью, а некоторые экземпляры, возможно, уникальны. Издание каталога ввело впервые в научный оборот памятник культуры славянских стран и славяно-русских связей до недавнего времени практически неизвестный. Библиотека Бодянского позволяет увидеть в комплексе культурную жизнь славянских земель конца XVIII – первой трети XIX в. в ее многообразии,

отразившуюся в ее книжной продукции, дает материал для сравнительного изучения феномена национального возрождения. Далеко не все привезенные книги были переданы университету. Бодянский бережно отбирал именно то, что нужно было для всестороннего познания "славянщины" студентам и их преподавателям. В коллекцию включены серьезные исторические и лингвистические труды тогдашних славянских ученых, переиздания старинных книг, собрания памятников фольклора, художественная литература, древняя и тогдашняя современная, полемические работы патриотов-будителей, книги по педагогике, большой комплекс переводов произведений европейских писателей и т.д. Но большое научное чутье подсказало ученому включить в учебную библиотеку и небольшие

книжки с текстами ставившихся пьес, снабженные картинкой, часто цветной, календари, альманахи, небольшие брошюры с поздравительными речами, юбилейными выступлениями и траурными виришами и даже сонник. Включены также жития святых, собрания проповедей разных конфессий и многое другое.

Составленный Л.Ю. Аристовой каталог позволяет увидеть в "Библиотеке Бодянского" "облик духовной культуры того времени Польши, Чехии, Сербии, Хорватии и других славянских стран" (С. 23). Думается, историки и филологи, исследователи, преподаватели и студенты, еще не раз будут к нему обращаться.

© 2002 г. Н.М. Пашиева

Славяноведение, № 3

С.В. СМИРНОВ. Отечественные филологи-слависты середины XVIII – начала XX в. Справочное пособие / Под общей ред. акад. О.Н. Трубачева. Сост. и отв. ред. И.Б. Еськова. М., 2001 г. 336 С.

Эпиграфом к рецензируемой книге служит глубокое наблюдение академика В.И. Вернадского: "Прошлое научной мысли рисуется нам каждый раз в иной и все новой перспективе. Каждое научное поколение открывает в прошлом новые черты... Случайное и неважное в глазах ученых одного десятилетия получает в глазах другого нередко крупное и глубокое значение". Пособие С.В. Смирнова – наглядная иллюстрация этого важного положения о преемственности научной мысли и характере движения историографии.

Монографию предваряют два предисловия – О.Н. Трубачева и самого автора. О.Н. Трубачев, в частности, указывает, что основу публикации составили материалы, достаточно давно подготовленные автором для Русской энциклопедии, идея создания которой не утратила своей актуальности и по сей день. Но реализация этого масштабного плана пока – дело будущего.

Однако нет худа без добра. Предлагаемые очерки выгодно отличаются от лаконичных энциклопедических статей: они более объемны и обстоятельны, а потому лучше могут служить учебным целям. Ведь автор поставил

задачу "приобщить читателя к основам русской культуры, истории русской филологии и языкознания со времени зарождения и формирования этой области научных знаний (середина XVIII в.) до последующего бурного развития славистики (XIX в.) и становления ее в качестве полноправной и самостоятельной учебной дисциплины" (С. 5).

Книга представляет собой 20 научно-биографических очерков о наиболее выдающихся отечественных славистах, внесших существенный вклад в развитие этой отрасли знания, творческая судьба которых олицетворяет ход и особенности научной мысли на протяжении более чем двух веков. Это: М.В. Ломоносов, А.Х. Востоков, Н.И. Греч, О.М. Бодянский, П.И. Прейс, И.И. Срезневский, В.И. Григорович, Ф.И. Буслаев, П.А. Лавровский, А.Ф. Гильфердинг, В.И. Ламанский, А.А. Потебня, И.В. Ягич, И.А. Бодуэн де Куртэнэ, А.С. Будилевич, Ф.Ф. Форгунатов, А.А. Шахматов, Д.Н. Кудрявский, Г.А. Ильинский, Н.С. Трубецкой.

Каждый очерк хорошо продуман и логически оформлен автором. Его предваряет портрет ученого, высказывание о нем автори-

тетного коллеги, перечень наиболее важных трудов. Далее дается краткая биография исследователя, приводятся факты научной и педагогической деятельности, оцениваются крупные научные работы и общий вклад в славяноведение. Завершают очерк необходимые примечания с перечнем наиболее важной литературы. Отметим, что охват литературы в некоторых случаях мог быть шире за счет привлечения ряда новейших исследований.

Очерки наглядно иллюстрируют убеждение автора в том, что «основой истории языкознания, несомненно, является содержание идей и концепций, представляющих в тот или иной период развитие науки. Эти идеи и концепции, с одной стороны, отражают общее состояние лингвистики, а с другой – являются продолжением и развитием национальных научных традиций. Однако история языкознания может оказаться "безликой", если в ней не будет полно отражен также вклад в науку ее наиболее выдающихся представителей. Как бы ученый ни стремился к полной объективности, в его научных исследованиях всегда отражается его индивидуальность. Она проявляется как во взглядах и концепции ученого, так и в выборе тематики исследований, характере и особенностях ее освещения» (С. 7–8). От себя добавим, и это ясно показал автор в своих очерках, что взгляды ученого и тематика исследований во многом определяются не только особенностями его личности, общей линией развития науки, но и потребностями общества, как бы ни пытался деятель науки подчас от них абстрагироваться. Каждая эпоха накладывает неизгладимый отпечаток на судьбу ученого. Примечательно, что автор пособия не идеализирует

своих героев, показывая их в неразрывной связи с драматическими реалиями общественной жизни России и СССР.

С.В. Смирнову удалось, на наш взгляд, в полной мере реализовать общий замысел и представить историю отечественной славянской филологии "в лицах" от ее становления до расцвета в XIX в. и до упадка в 30-е годы XX в. В этом особая ценность и привлекательность книги для молодого поколения читателей, возможность использования ее во многих вузовских курсах, таких как "Введение в славянскую филологию", "История лингвистических учений", "История отечественного славяноведения" и др.

Книгу завершает алфавитный указатель и список основной литературы.

Пособие С.В. Смирнова – по существу своеобразный памятник истории отечественной филологии, одним из достойных представителей которой является сам автор, русский ученый, выходец из Архангельской области, воспитанник ЛГУ, много лет преподававший в Тартуском университете и теперь волей политических обстоятельств разделивший судьбу русского "меньшинства" в Эстонии.

Добавим, что издание состоялось во многом благодаря без преувеличения подвижническим усилиям И.Б. Еськовой (Институт русского языка РАН). Именно ее самоотверженными стараниями книга была подготовлена к печати и нашла достойного публикатора в лице издательства "Флинта" и "Наука", обеспечивших ей прекрасное полиграфическое оформление.

© 2002 г. М.Ю. Досталь

Славяноведение, № 3

История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны: В 2-х т. Том второй. 1970–1980-е годы / Отв. редактор В.А. Хорев. М., 2001. 760 С.

Второй том коллективного труда ученых Института славяноведения РАН завершает многолетнюю деятельность по созданию послевоенной истории литератур стран Центральной и Юго-Восточной Европы. После окончания Второй мировой войны эти страны оказались в одном политическом и культурном пространстве, которое просуществовало

до конца восьмидесятых. В рецензируемом труде определены два этапа, каждому из которых посвящен отдельный том: 1945–1960-е годы и 1970 – рубеж 1980–1990-х годов.

Труд освещает полувековой отрезок в истории литературы восьми стран, волею судьбы оказавшихся в одном культурном регионе, эстетически регламентированном

идеологией государства, победившего фашизм ценою колоссальных жертв. Культурная политика правящих коммунистических партий, используя этот фактор, провозглашала приоритет социалистических основ культуры и ужесточала режим контроля по мере нарастания отпора творческой интеллигенции, не желавшей укладываться в прокрустово ложе официальной политики.

Второй этап (которому посвящен 2-й т.) – после ввода армии пяти стран Варшавского договора в Чехословакию (с определенными оговорками эту дату – 1968 г. – можно рассматривать как веху – начало конца правящего режима – для всех стран) отличали крайние меры укрощения культуры, которые обычно характерны для агонизирующего политического режима, в данном случае – коммунистического: запрет печатать неугодные и "опасные" книги, изъятие из библиотек "идеологически вредных" произведений, репрессии против отдельных деятелей и групп, вплоть до тюремного заключения, различные скрытые механизмы руководства культурой (смена редакторов, открытие-закрытие периодических изданий). Противостояние художник – власть активизировало подпольные издательства и университеты, вынужденную эмиграцию, с одной стороны, а с другой – теряющая власть партия из всех сил ужесточала преследование инакомыслия, диссидентского движения. Вся эта "манипуляция кнутом и пряником" стала реальностью и фоном, на котором культура не только сражалась за свободу, но и продолжала удивлять своими замечательными достижениями.

В отдельных главах рецензируемого труда, написанных остро и с глубоким проникновением в "невидимые" властные механизмы, жесткую цензуру, скрытую за всевозможными "совершенно секретно", воссоздан литературный процесс времен кризиса коммунистической идеологии, имевший свои модификации в разных странах, однако описанный авторами "Истории" одинаково глубоко и захватывающе.

В наибольшей степени это характерно для польской литературы. В.А. Хорев воспроизводит драматургию динамичного противостояния власти творческой и научной интеллигенции на фоне лозунговых имен того времени – Гомулка, Герек, Ярузельский, Мазовецкий, Валенса – и таких событий, как запрет постановки драмы А. Мицкевича "Дядя" в Национальном театре в Варшаве, запрет на публикацию произведений и постановку пьес С. Мрожека (1968), массовые студенческие демонстрации и волна эмиграции интеллигенции, забастовки трудящихся и создание Комитета в защиту рабочих – КОР

(1976), создание так называемого "второго круга обращения литературы", сети нелегальных издательств, независимых учебных структур, периодических изданий. Необратимым становится процесс издания "возвращенной" литературы, и среди них – книг писателей-эмигрантов Ч. Милоша, Г. Херлинга-Грудзиньского, В. Гомбровича, интенсифицируются переводы зарубежной литературы на польский язык. И хроника финала: столкновение писателей с властью на XX писательском съезде (1978), создание независимого профсоюза "Солидарность" (1980), введение в Польше военного положения (декабрь 1981 г. – июль 1983 г.), роспуск Союза польских писателей (1983), избрание президентом Польской республики Леха Валенсы, главы "Солидарности", что означало конец коммунистического режима (декабрь 1990 г.).

В этих датах, далеко неполно здесь обозначенных, видна та мощная подпитка, которую получила бескомпромиссная позиция польской культуры от всего народа, культуры, имеющей давние традиции воспитания в народе "мыслящего человека". Это очевидно и в данный период – великая польская литература противостояла режиму замечательными произведениями прозы, поэзии, публицистики и драматургии, сумев не только защитить свой народ, но и получить решительную его поддержку. Польская литература, и это убедительно вытекает из рассуждений В. Хорева, стала выразительницей общественного сознания, она обогащалась тематическими и стилистическими поисками, стремилась вернуть поэтике эстетическую сущность и органическое единство с этикой.

Эта литература рассмотрена в главах, посвященных поэзии, прозе, историческому роману, литературе о Второй мировой войне и параллелетристическим жанрам (эссе, автобиографические очерки, дневники, воспоминания, литература факта). Обстоятельно рассказано о литературе эмиграции, о прозе "второго круга обращения" и таких "горячих книгах", как "Год в грубу" Р. Братного. В разделе представлено большое количество имен и произведений писателей разных поколений: от прощальных стихов Ярослава Ивашкевича и зрелых совершенных философско-парадоксальных "максим" В. Шимборской до поэтов "новой волны", по-новому показавших глубоко спрятанные конфликты польской действительности. Чутким вниманием к авторской индивидуальности отличаются рассуждения В.А. Хорева о конкретных художественных произведениях: романах Х. Лема, Т. Конвицкого, Е. Брошкевича, Т. Парницкого, А. Кусьневича, о "Крошеве" Е. Анджеевского. Они вводятся

лаконично и профессионально, без, казалось бы, неизбежных для такого обзора повторов.

Раздел о литературе Чехословакии состоит из двух частей: чешская написана С.А. Шерлаимовой, словацкая Ю.В. Богдановым и Л.Ф. Широковой. "Положение в чешской и словацкой культуре не было одинаковым, чему способствовало введение с 1 января 1969 г. федеративного устройства Чехословакии, однако для всей страны был характерен жесткий идеологический диктат, преследование инакомыслия. Литература, выходявшая в официальных издательствах, подвергается строгой цензуре, но получает развитие литература самиздата и эмиграции. Постепенно набирает силу диссидентское движение, в котором принимает участие большое число писателей и критиков", – достаточно точная и полная характеристика состояния чешской и словацкой культур после ввода в Чехословакию войск и до конца социалистического периода в истории страны.

Конец "Пражской весны" – одно из самых мрачных событий в истории не только чешской – всей новейшей европейской культуры. Ввод войск решительно осудили большинство чешских писателей. Это начало неуклонно нараставшего диссидентского движения и самой большой, как пишет С.А. Шерлаимова, во всей чешской литературной истории эмиграции. Период так называемой "нормализации" в Чехии – это двадцать лет постоянного неприятия режима. За ними – писатели, университетская профессура, оставшиеся без права работать по специальности и вынужденные жить на случайные заработки, что читателю известно из в том числе получивших всемирную известность "Невыносимой легкости бытия" Милана Кундеры и "Слишком шумного одиночества" Богумила Грабала, из пьес и "Писем к Ольге", написанных из тюрьмы Вацлавом Гавелом. Книги чешских и словацких мастеров слова издавались по всему миру, в оригинале и в переводе на языки других народов.

Рассказывая об атмосфере политического кризиса социализма на примере подробного фактоописания и анализа литературной жизни, авторы "Историй" воссоздают многослойную палитру неестественного развития культуры в условиях так называемой "нормализации", представляя читателю наиболее значимые произведения разных ориентаций, воздавая должное книгам и авторам, которые в советские времена не были изданы: Й. Шкворецкий, Л. Вацулик, Б. Грабал, М. Кундера, И. Клима, Е. Кантуркова, П. Когоут, В. Гавел, Л. Тяжкий, Л. Мнячко, Д. Татарка, Я. Блажкова.

С.А. Шерлаимова завершает раздел "Чешская литература" наблюдением, актуальным не только для данной литературы: "Общественно-политическая и литературная завершенность периода 1968–1989 гг. позволяет сделать некоторые выводы о его месте в истории чешской литературы XX в. В этот период сильнейшего идеологического прессинга на литературу внутри страны, включенности литературы в диссидентское движение и ее политической ангажированности в эмиграции, в своих лучших образцах она во всех трех ветвях продолжала сохранять известную автономность и добилась важных успехов прежде всего в области романа, но также и в области поэзии и драматургии".

Польская и чешская действительность контрастируют с достаточно спокойным темпом литературной жизни в Болгарии. "Конец 60-х, 70-х и 80-е годы, по сравнению с предыдущим послевоенным периодом, были для болгарской литературы более благоприятными", – начинает разговор о болгарской литературе Н.Н. Пономарева и последовательно исследует активизацию нравственной проблематики и экзистенциальных мотивировок в книгах Э. Станева, Й. Радичкова, И. Петрова, П. Вежинова, Б. Димитровой. Процесс раскрепощения литературы сопровождался дискуссиями о методе социалистического реализма, который вступил в конфликт с живым развитием литературы, однако компромиссы с политикой правящей партии несколько смягчали его. Увеличилось количество переводов писателей Европы, США, Латинской Америки, что оказывало влияние на усиление в болгарской литературе внимания к личности, по-своему отразившееся в традиционной циклизации малых прозаических форм. В болгарской литературе всегда важно было внимание к истории, в рассматриваемый период акцентируется обращение к средневековью, эпохе национального освобождения, периодам борьбы против иноземного гнета и освобождения от османского ига: "...писатели открывают истоки национального самосознания, национального характера, находят пути к сопоставлениям с современностью" в романах С. Дичева, Д. Мантова, П. Константинова, А. Гуляшки, С. Христова.

В литературе продуктивно работают писатели старшего поколения и те, кто в конце 60-х только дебютировал: И. Петров, С. Стратиев, Л. Петков, Д. Коруджиев, В. Пасков, Г. Марковский, чьи книги не остались незамеченными и советским читателем. Н. Пономарева останавливается на определяющих тенденциях развития болгарской поэзии,

таких, как "идентификация человека в окружающем мире, осознание им своих неразрывных связей с природой, мирозданием, внимание к широкому спектру экзистенциальных проблем". В рассматриваемый период и в поэзии встречаются книги писателей разных поколений – ровесники века (Елисавета Багряна и Христо Радевский), поэтов, родившихся в 20-е годы (Давид Овадия, Иван, Радоев, Блага Димитрова и Добри Жотев) и поэтов нового поколения – дебютантов второй половины 60-х годов, среди которых А. Германов, Л. Левчев, И. Цанев, Н. Йорданов. Так же основательно рассмотрена драматургия, комедиография и творчество С. Стратиева, чьи пьесы "Замшевый пиджак", "Автобус", "Максималист" стали художественным открытием и покорили профессиональные и студенческие сцены театров Европы.

Как развивались отдельные литературы, насколько были сохранены или нарушены национальные традиции, проявление идентичности, свобода творчества и личности? Об этом обстоятельный разговор ведут авторы и других разделов, посвященных отдельным национальным литературам: сербской (О.Л. Кириллова, Н.М. Вагапова), хорватской (Г.Я. Ильина), словенской (Н.Н. Старикова), македонской (А.Г. Шешкен), венгерской (Ю.П. Гусев, В.Т. Серета), литературе ГДР и серболужицкой литературе (А.А. Гугнин), румынской (М.В. Фридрих), албанской (Г.И. Энтрэй). Эти разделы также заслуживают пристального внимания, по сути, каждая глава книги может быть предметом специальной рецензии. Названные главы, как и те, которые были рассмотрены более подробно, несут отпечаток индивидуальности их авторов, проявленных в стиле и ритме повествования, однако стратегические направления и композиция в целом выдержаны в едином ключе и отражают во взаимосвязи и взаимообусловленности общественно-политическую жизнь, литературный процесс, авторские индивидуальности и наиболее значительные книги. Запоминаются проанализированные в книге романы сербов М. Павича, Б. Пекича "Как упокоить вампира", Д. Михайловича "Когда цвели тыквы", словенца А. Хинга "Чародей" и "Горизонты в мотыльках", хорватов Р. Маринковича "Циклоп", И. Аралицы "Псы в торговом городке", подробные разделы о венгерской поэзии, "мифическом направлении" в прозе ГДР, цикле романов Думитру Раду Попеску и поэтах Албании.

"История" состоит из очерков, посвященных отдельным национальным литературам и традиционно присутствующего в трудах

этого коллектива раздела "Литература стран Восточной Европы в СССР" (авторы: Т.П. Агапкина, И.Е. Адельгейм, О.В. Цыбенко, С.А. Шерлаимова). Раздел, несомненно, имеет самостоятельную научную ценность и вызывает огромный интерес неожиданным новым ракурсом – "взгляд из России". Каким он был и мог быть? Раздел дает исчерпывающий ответ на этот вопрос, в нем освещены характерные особенности политики СССР в отношении бывших социалистических стран, и скорее "инстинктивное", нежели осознанное стремление сохранить внешнее единство, замолчать деструктивные процессы или освещать их неадекватно. В советской издательской политике эта тенденция выражалась в парадоксальном и неадекватном тиражировании книг, лояльных социалистическому режиму и методу социалистического реализма, и полном замалчивании литературы эмигрантской, диссидентской, андеграунда. В таких условиях догматизма и перекосов была затруднена объективная оценка литературной жизни, отдельных авторов и произведений.

Спорным, мне думается, продолжает оставаться само топонимическое обобщение "Восточная Европа", прежде всего для таких стран, как Чехия, Польша. На рассматриваемом в "Истории" втором этапе обострилась чисто европейская проблема, о которой пишет в своем широко известном эссе "Трагедия Центральной Европы" Милан Кундера. Он размышляет о культурном центре и родине многих малых народов, сохранявших свои языки и свою идентичность и объединенных своим особым видением мира, основанным на недоверии к истории завоевателей. "...Центральная Европа уже не существует. Точнее: в глазах ее милой Европы Центральная Европа – это просто часть советской империи..." – пишет Кундера. Соглашаясь и споря с известным романистом, все же нельзя не принять его возражение: "По своей политической системе Центральная Европа – это Восток, по истории своей культуры – это Запад". Определение "Восточная Европа" несомненно носит временный характер, отвечая данному этапу развития изучения литературы региона. Разумеется, можно сделать замечания и по целому ряду конкретных оценок и суждений авторов, что, однако, не может изменить общее сугубо положительное мнение об этом труде.

Авторы коллективной "Истории" поставили достаточно сложную задачу – воссоздать историю литературы, а точнее – литературной жизни двадцатилетия. Потребовалось "летописать" о множестве мелких событий – таких, как съезды, судебные процессы,

локальные забастовки и демонстрации, закрытие и открытие периодических изданий и т.д. Событий мелких в масштабах истории, но имеющих свою поучительную логику в масштабах отдельных творческих судеб или одного столь компактного и целенаправленного периода. Поставленная задача и соответствующий ей жанр диктовали обзорность, уход от монографических очерков, необходимость называть десятки имен и еще большее количество произведений разных видов и жанров, и в то же время не упустить авторские индивидуальности и представить хотя бы кратко конкретные произведения, писателей разных поколений, разных убеждений, порою альтернативных политических устремлений и эстетических позиций. Неизбежная мозаичность уравновешена строгими рамками академического подхода и выверенной логикой конкретной задачи – приблизиться к объективной, без идеологического нажима и оглядки на цензуру, истории литератур региона в канун "бархатной революции" в Чехии, которая может символизировать конец социализма и коммунистической идеологии на данном этапе их истории. Тематическо-проблемный подход при этом сочетается с вниманием к поэтике и логике художественного развития. Авторы имели на это моральное право, ибо на протяжении многих лет занимались исследованием процессов, при освещении которых приходилось многое обходить и умалчивать.

Труд авторского коллектива по-своему уникален и закономерно возник в России, где были созданы условия для изучения данного региона. С точки зрения традиций и авторского коллектива условия почти идеальные, если сравнивать, скажем, с испанской наукой, которая, в отличие, например, от английской, французской или германской, практически не занималась ни одной из славянских литератур, за исключением русской. Не переводились и книги писателей этих стран, и этот существенный пробел наверстать сейчас непросто.

В СССР же в переводе на русский язык были изданы не только отдельные произведения писателей Центральной и Юго-Восточной Европы, но и собрания сочинений таких писателей, как Я. Ивашевич, К. Чапек, В. Незвал, и даже целые библиотеки отдельных национальных литератур этого региона. За развитием этих литератур наблюдали специалисты, они были представлены и в программах учебных заведений. Итоги наблюдений на протяжении длительного времени легли в основу многих изданий, весьма полезных и студентам, и преподавателям.

Авторы рецензируемого тома – крупные ученые, широко известные в кругах научной общественности Европы, других регионов своими публикациями о развитии литературы той или иной страны. Другое дело, что во всех прежних трудах профессионалы не были свободны ни в отборе имен и произведений, ни в высказывании своих убеждений и точек зрения. И вот этот том "Истории" как раз и стал такой возможностью "sine ira et studio", беспристрастно и спокойно вернуться к истории литературы целого региона, просуществовавшего полвека. Оправдан уклон в рассмотрение той литературы, которая была изгнана властными структурами, и забвение многих авторов, обласканных за конформизм и эстетическое угодничество. Эти вопросы возникнут у читателя, знакомого с прежними работами литературоведов. Но это понятно, ибо то, о чем может поведать коллектив профессионалов с таким опытом, вряд ли сможет сделать кто-то другой. Может быть, новые поколения ученых расставят иные акценты.

Таким образом, как мне представляется, читатель рецензируемого тома имеет уникальную возможность вернуться на три десятилетия назад и увидеть литературу как искусство и как форму сопротивления и защиты личности от тоталитаризма.

© 2002 г. И.В. Шабловская

Entstalinisierungskrise in Ostmitteleuropa. 1953–1956. Vom 17. Juni bis zum ungarischen Volksaufstand. Politische, militärische, soziale und nationale Dimensionen / Hrsg. von Jan Foitzik. Paderborn; München; Wien; Zürich, 2001. 393 S.

Кризис десталинизации в Восточно-Центральной Европе. 1953–1956. С 17 июня до венгерского народного восстания. Политические, военные, социальные и национальные аспекты

События 1953–1956 гг. в ГДР, Чехословакии, Польше и Венгрии не раз становились объектом острых идейных дискуссий и политических спекуляций, служили аргументом и в борьбе против ортодоксального коммунизма, и в идеологической конфронтации периода "холодной войны". Актуальность компаративного исследования кризисов в процессе десталинизации заключается не только в том, что оно позволяет судить о глубинных причинах крушения системы "реального социализма" на рубеже 80–90-х годов XX в. В контексте современных глобальных проблем такой исторический анализ дает пищу также для размышлений о принципах функционирования мирового сообщества.

Книга состоит из введения, обобщающей статьи и одиннадцати статей, в которых рассматриваются социальные, политические, национальные и военные аспекты системных и политических кризисов прежде всего в Венгрии, а также в Чехословакии, Польше и ГДР. Она написана интернациональным авторским коллективом на основе новых источников из более чем 20 восточноевропейских архивов. В качестве документального приложения в томе опубликованы не издававшиеся ранее материалы из Архива Президента РФ и Центра хранения современной документации в Москве, освещающие финал венгерской драмы 1956 г. и позволяющие судить о роли советского руководства в подавлении массовых выступлений и в урегулировании социально-политической ситуации в вышеназванных странах. Сразу надо отметить, что "интервенционизм Москвы" не абсолютизируется, но рассматривается "в сочетании с мобильностью того или иного партийного руководства и специфических механизмов регулирования конфликтов" в странах "восточного блока" (S. 51). Поэтому большое внимание уделяется борьбе либеральной

и консервативной группировок во властных структурах и господствующих партиях.

Авторы рассматривают свои сюжеты не изолированно, а имея в виду общую международную обстановку, степень включенности в нее той или иной страны. В связи с этим важной представляется мысль о том, что в результате стабилизации сложившейся после Второй мировой войны геополитической ситуации восточноевропейские страны оказались прочно связаны с гегемонистскими устремлениями СССР, но в то же время определявшаяся США "политика освобождения" в условиях биполярного мира не позволяла этим странам развивать собственные национальные модели коммунизма и тем самым способствовать эволюции и дезинтеграции системы "реального социализма" (S. 22).

Кризис десталинизации авторы понимают как "скрытые или явные дисфункции в социальной и политической сферах, которые, с одной стороны, явились результатом сталинистской практики осуществления власти, а с другой – первоначальных осторожных попыток эту практику изменить в рамках существующей системы". Этот кризис отражал конфликт статичной организационной формы господства с динамичными и многообразными интересами общества (S. 8), которое было дезинтегрировано и динамично перестраивалось под влиянием политики "ускоренной индустриализации". Отсюда основное внимание к проблеме социального "умиротворения" и изменениям в системе власти. Асимметрии и взаимозависимости, которые при этом обнаружились, объясняются прежде всего разными экономическими, социальными, политическими и культурными традициями и условиями развития стран "восточного блока" и особенностями процесса сталинизации и десталинизации в каждом конкретном случае.

Авторы не ставят знака равенства между начавшейся после смерти Сталина политикой "нового курса" и десталинизацией, считая более существенными политические коррективы в связи с XX съездом КПСС и оценивая сложившуюся после него ситуацию как первую проверку "восточного блока" на прочность. Соответственно, процесс десталинизации в исторической ретроспективе рассматривается в двух фазах. Содержанием первой было подавление общественного потенциала протеста преимущественно экономическими и социально-политическими мерами – с помощью частичных и не всегда последовательных коррективов в рамках "нового курса". Если в СССР и Польше спонтанный протест ограничивался главным образом сферой культурной политики, то выступление 17 июня 1953 г. в ГДР привело к настоящему системному кризису. К этой же фазе авторы относят и короткий период "растерянности" власти после доклада Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС, в котором речь шла не только о преступлениях сталинизма – они мало для кого были секретом, – но также подверглись критике либеральные послабления в экономической и социальной политике. Затем последовала вторая фаза, которая определяется в книге как период контролируемой политической мобилизации коммунистических партий с одновременной оптимизацией деятельности власти путем организационных мер, кадровых перестановок и функциональной модернизации репрессивного аппарата (S. 8).

Сравнительный анализ событий 1953–1956 гг. в странах "восточного блока" позволяет сделать вывод о том, что десталинизация не устранила причин системного кризиса коммунистической власти, затронувшего и руководящие элиты, но "сделала их очевидными

во многих национальных вариантах". Эта политика имела свои пределы и подтвердила неспособность системы к структурным социальным и политическим реформам (S. 52). Она оказалась малоэффективной, а ее результаты – обратимыми, о чем свидетельствовало, в частности, усиление социального и политического террора в отношении общественных групп, оказавшихся по разным политическим причинам в оппозиции к партийно-политическому руководству.

Книга, по признанию самих авторов, является дискуссионной, но некоторые содержащиеся в ней мысли могут быть развиты. Так, интересными и плодотворными представляются соображения относительно изменения характера послевоенных коммунистических партий, ставших "народными" по своему составу, по структуре мотивов и интересов их членов, хотя и в середине 1950-х годов они не являлись массовыми. Вряд ли это можно объяснить только очень динамичной вертикальной мобильностью переходных обществ в результате сталинизации, не учитывая влияния опыта антифашистской борьбы, с одной стороны, и социально-психологических изменений в связи с утверждением индустриализма – с другой. Кризис идентичности возглавляемого СССР коммунистического движения начался еще до войны и, как показали события 1953–1956 гг. в Центральной и Восточной Европе, с большими трудностями, драматично преодолевался в мирное время. Одним из его проявлений стала проблема соотношения национальных интересов и принципа пролетарского интернационализма. Этот вопрос в книге поставлен, но дать на него полный ответ авторы еще не смогли.

© 2002 г. *М.Б. Корчагина*

Круглый стол "Художник и власть." Деятели славянской культуры в неволе и о неволе"

19 июня 2001 г. в Институте славяноведения РАН Центром истории славянских литератур до 1945 г. по инициативе М.Г. Смольяниновой был организован Круглый стол, посвященный теме "Художник и власть" и обращенный к судьбам и творчеству славянских (по преимуществу) деятелей культуры, подвергавшихся репрессиям в XX в. Во вступительном слове Л.Н. Будагова отметила значительность заявленной проблематики: художник и власть – тема вечная, художник часто оказывается в оппозиции власти. Доклады связаны с анализом не только искусства одной нации, но и культурных взаимоотношений разных стран.

Канд. филол. наук М.Г. Смольянинова впервые обобщила материал, касающийся судеб ученых Института мировой литературы АН СССР. Репрессиям подверглись многие литературоведы: директора Института Л.Б. Каменев и акад. И.К. Луппол, директор Музея М. Горького П.П. Крючков, сотрудник Музея Г.А. Смольянинов, библиограф, аспирантка ИМЛИ М.П. Папкина, проф. Ф. Шиллер, Я. Матейка и др. В 1947–1954 гг. отбывал срок будущий директор ИМЛИ Б.Л. Сучков. Были репрессированы Ю.Г. Оксман и И.М. Гронский, в 60–70-е годы – А.Д. Синявский. Докладчица ввела в научный оборот неопубликованные письма, воспоминания узников. Ею установлена причина расстрела П.П. Крючкова и Г.А. Смольянинова – их знакомство с дневником Горького, содержащим резко отрицательный отзыв о Сталине. В докладе уделялось внимание художественным произведениям,

посвященным страданиям жертв беззакония. Была выражена надежда, что эта мало разработанная тема получит надлежащее освещение в будущем.

Тема доклада канд. филол. наук В.В. Николаенко формулировалась – "Эзопов язык переводов Бенедикта Лившица", но докладчик включил в рассмотрение и собственное творчество Лившица – поэта и переводчика, арестованного в 1937 г. "Несобственность" текстов позволила донести через переводы иносказания, аллюзии на современность с критическим отношением к ней. Проблема оппозиционности, по словам Николаенко, неоднозначна; некоторые писатели поддались "обаянию власти": Б. Пастернак и О. Мандельштам. Докладчик охарактеризовал поэзию Лившица, дебютировавшего в 1911 г., – поэту было присуще внимание к взаимоотношению культуры и природы, к так называемой дионисийской стихии (которая для него восторжествовала после революции). Сталинской темы он коснулся в цикле "Картвельские оды" (1936–1937).

Д-р филол. наук Г.Д. Гачев рассказал о судьбе своего отца, литературоведа, философа и музыковеда Димитра Гачева (1902–1945). Он родился в Болгарии, в русофильской семье учителя. После Сентябрьского восстания провел два года в Западной Европе и воспринял возможность поехать в СССР как путь к Идеалу. Д. Гачев увлеченно учился и работал в СССР с 1926 по 1938 г., окончил Московскую консерваторию и Институт красной профессуры, написал диссертацию "Эстетические взгляды

Дидро". В заключении он имел право переписки, поэтому сохранились его колымские письма, ныне опубликованные. Его срок подходил к концу, но в результате процесса над культбригадой, созданной заключенными в лагере, он получил еще 10 лет и вскоре умер. В колымских письмах Д. Гачева говорится о замысле художественного произведения, частично реализованном: оно должно было повествовать о новом человеке, о любви к природе, музыке, философии, имя главного героя – Борис Огнев.

Канд. филол. наук Н.Н. Пономарева охарактеризовала ситуацию в болгарской литературе второй половины XX в. с точки зрения партийно-государственного диктата. Идеологическое давление началось уже после 1944 г. Многие писатели пострадали от властей (Д. Талев, Г. Константинов, М. Арнаулов, Т. Кунев и др.). Однако видные литераторы в 50-е годы противостояли соцреалистической схеме (Э. Станев, Д. Димов, В. Петров). Постепенно происходило раскрепощение литературы, но в известных пределах; тема репрессий была запрещена. Перелом наступил на рубеже 80–90-х годов, когда в литературе стали освещаться факты насилия, но выдающихся художественных произведений не появилось. В докладе рассматривалась документальная повесть Й. Вылчева "Куциян", написанная в лагере (1947–1949). Характерной была судьба писателей, не голосовавших за протест против присуждения Нобелевской премии Солженицыну (1970): их на 14 лет отлучили от читателя.

В докладе д-ра филол. наук Г.Я. Ильиной отмечалось, что масштаб репрессий в Югославии соотносим с таковым в СССР. Репрессии начались сразу после Второй мировой войны. Одной из жертв был будущий известный писатель Борислав Пекич, арестованный в 1948 г. и осужденный на 15 лет (помилован в 1953 г.). С 1970 г. он жил в Лондоне, не порывая связи с родиной. Тема "тюремной цивилизации" развита в трехтомном романе "Годы, которые съела саранча" (1990). Пекич был убежденным противником коммунизма и поэтому считал себя "виновным", в отличие от осужденных коммунистов. Он обращается к темам вины и невиновности, страха и лжи, становившихся для многих нормами поведения, к теме следствия как "сюрреалистической драмы" и т.д.

Т.П. Агапкина рассмотрела историю русско-польских культурных отношений в 20–30-е годы. В Польше и особенно в Советском Союзе политизация и идеологизация культурных взаимосвязей отчетливо

проявлялась в сфере распространения русской литературы у поляков и наоборот, в отношении властей к русской либо польской (коммунистической) эмиграции, к контактам писателей и т.д., что сказывалось и на судьбах художников. Трагичной оказалась участь В. Вандурского – поэта, драматурга, основателя польского рабочего театра, популяризатора творчества В. Маяковского. После ареста в Лодзи (1928) и освобождения (по протесту польских литераторов) он нелегально переехал в Советский Союз, где был репрессирован и в 1934 г. погиб. Возможно, здесь сыграла роль написанная уже в СССР драма "Рабан", в которой автор стремился к преодолению схематичных, "советизированных" представлений о современной ему польской действительности.

Доклад канд. филол. наук В.В. Мочаловой был посвящен Александру Вату. Знаменитый польский поэт, родившийся в Варшаве и умерший в эмиграции во Франции, один из основателей польского футуризма, в обширных мемуарах ("Мой век", 1998) описал свой многолетний опыт неволи как в польских довоенных, так и в советских тюрьмах. Особую ценность воспоминаниям Вата придает то, что трагический опыт осмысливается утонченным мыслителем, принадлежащим к европейской интеллектуальной элите, которая в странах с тоталитарными режимами становилась естественным объектом преследований. Размышления Вата важны и как свидетельство драмы интеллигенции в условиях фашизирующегося мира, и как глубокое изучение особенностей тоталитарной системы, и как описание противостояния личности политическому абсурду.

Д-р филол. наук Л.Н. Будагова обратилась к судьбе и творчеству чешского католического поэта Яна Заградничека, арестованного в 1951 г. и проведенного в тюрьме девять лет; вскоре после освобождения он умер. Заградничек прошел в поэзии через "искушение смерти" (название сборника 1930 г.), но затем наступило искушение жизни. Его творчество опиралось на три основы: правда, простота, удивление. В годы войны он редактировал журнал "Аккорд", объективно антифашистский. После войны Заградничек пишет поэмы-предостережения против безбожия, тоталитарной власти и т.п. Написанное в неволе вошло в посмертную книгу "4 года" (1969). А затем его долго не публиковали, узником стало слово поэта.

В докладе д-ра филол. наук Ю.П. Гусева "Трижды ненужные" речь шла о венгерских писателях-эмигрантах в СССР: Шандоре

Барте, Яноше Матейке и Фридеше Карикаше, репрессированных в 1938 г. Их рукописи и письма были уничтожены. В вину им вменялась шпионская деятельность, обвинения были гротескны, в духе черного юмора. Венгрия отторгла их, в стране идеалов они погибли, родина снова отвергла их: память о них не чтят. Докладчик назвал идеологию "раковой опухолью сознания".

Д-р филол. наук Л.Н. Титова анализировала творческую эволюцию Эмиля Франтишека Буриана (1904–1959). Годы, прошедшие в тяжелейших условиях концлагерей Дахау и Нойенгама (1941–1945), провели резкую грань в судьбе одного из самых значительных деятелей чешской культуры межвоенного двадцатилетия: драматурга, режиссера, прозаика, поэта, журналиста, теоретика и практика поэтизма. После войны его деятельность теряет остроту и самобытность; Буриан во многом отказывается от своей концепции, выработанной и осуществленной на практике на сценах Освобожденного театра, Д-34, театра ДАДА. Творческий кризис, обусловленный годами в неволе и попытками найти общий язык с новой властью, ему не удалось преодолеть.

В докладе канд. филол. наук Н.В. Шведовой разбиралась тема судьбы поэта в творчестве Лацо Новомеского – крупнейшего словацкого поэта XX в., сотрудника коммунистической прессы, видного государственного деятеля, отбывавшего в 50-е годы срок заключения по обвинению в "буржуазном национализме". В творчестве Новомеского (межвоенного периода) положение поэзии было мерилом гуманности общества; поэзия оказывалась невостребованной, однако поэт должен был бороться за красоту в мире страданий. После реабилитации (1963) Новомеский опубликовал

стихи на основе тюремного опыта, сохранив верность идеалам, интерес к миру; он принимал нелегкую судьбу как удел первооткрывателя.

Канд. филол. наук Ю.А. Созина рассмотрела произведения словенских писателей, основанные на автобиографическом материале (месяцы, проведенные в застенках Австро-Венгрии и Италии): роман Юша Козака "Камера" (1932) и рассказ Цирила Космача "Гусеница" (1936). Авторы, в частности, поднимают проблему выбора в сложной ситуации, не давая однозначного ответа. В подтексте проявляется социальный оптимизм.

Канд. филол. наук И.А. Герчикова сделала в докладе обзор чешской культуры 50-х годов с точки зрения репрессий и охарактеризовала "лагерную прозу", дошедшую до широкого читателя в начале 90-х годов. Особое внимание она уделила творчеству Карела Пецки (1928–1997), осужденного на 11 лет за "измену родине"; он первым в чешской литературе выступил с темой послевоенных лагерей (60-е годы). В докладе анализировались роман Пецки "Расщепление" (1974), сборник рассказов "Малостранские юморески" (1985), роман "Письма из тюрьмы пропавшему без вести" (1980), являющийся свидетельством, автобиографией, нравственной проповедью, – вершина творчества писателя.

Л.Н. Будагова в завершающем слове подчеркнула, что тематическое разнообразие докладов отражает широкий круг аспектов исследуемой проблемы, каждый из которых можно развивать, осмысливая и итоги XX века. Заняться этой темой – наш научный и человеческий долг.

© 2002 г. Н.В. Шведова

Славяноведение, № 3

Круглый стол "Постмодернизм в литературах Центральной и Юго-Восточной Европы: за и против"

26 декабря 2000 г. в Центре изучения литератур стран Центральной и Юго-Восточной Европы (ЦЮВЕ) после 1945 г. Института славяноведения РАН состоялся Круглый стол "Постмодернизм в литературах Центральной и Юго-Восточной Европы: за и против".

Постмодернизм в ЦЮВЕ уже утратил эффект новизны, но позиции его в отдельных литературах региона еще достаточно прочны, постмодернистские тексты до сих пор остаются предметом дискуссий, вызывают живую и весьма неоднозначную реакцию как со стороны читателей, так и критики.

Очевидно, что в постсоциалистическом литературном пространстве постмодернизм вышел за рамки литературной моды, обрел качественно иное состояние и оказал (а в ряде случаев продолжает оказывать) влияние на литературный процесс.

Явные трансформации современной литературы, происходящие под воздействием эстетики постмодернизма, пестрота художественно-эстетических решений в литературе конца XX в., неоднозначность и противоречивость трактовок постмодернизма, наконец, размытость и неустойчивость самого термина – все эти проблемы не исчерпаны и по сей день, что свидетельствует о своевременности сегодняшнего обращения к теме постмодернизма, безусловно, требующей хотя бы предварительного подведения итогов в условиях рубежа веков.

Круглый стол стал своеобразным продолжением состоявшейся в Институте славяноведения в ноябре 1999 г. конференции "Литературы стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Прерывность-непрерывность литературного процесса". Немалая часть докладов уже тогда была посвящена отдельным проблемам постмодернизма.

Специфика прошедшего Круглого стола в первую очередь в том, что участники обсуждали проблемы живого литературного процесса в литературах стран ЦЮВЕ, ощутивших сильнейшее влияние эстетики постмодернизма. Как отметила во вступительном слове руководитель Центра, д-р филол. наук С.А. Шерлаимова: "Задача обсуждения заключается в обращении к конкретным явлениям сегодняшней литературы, к ситуации в наших литературах, поскольку осмысление этих конкретных явлений постмодернизма неизбежно ведет к важным для нас обобщениям". Практически все доклады были посвящены специфике бытования постмодернизма в отдельных национальных литературах региона. Прозвучали сообщения об особенностях болгарского, сербского, хорватского, словенского, македонского, польского, венгерского, чешского, словацкого, немецкого постмодернизма. Анализ столь широкого спектра функционирования постмодернизма в конкретных литературах, вне всякого сомнения, позволяет не только сделать определенные обобщения, касающиеся развития этого явления в литературах ЦЮВЕ, но и скорректировать некоторые его теоретические постулаты.

В заседании приняли участие сотрудники и аспиранты Института славяноведения

и преподаватели кафедры славянской филологии МГУ им. М.В. Ломоносова З.И. Карцева, Е.Н. Ковтун, С.Н. Мещеряков. Важно подчеркнуть, что сама форма обсуждения, избранная организаторами (не традиционная конференция, а более свободный и тяготеющий к дискуссии Круглый стол), оказалась наиболее соразмерна обсуждаемой проблематике, вызывающей зачастую достаточно острую полемику.

Сообщения участников были сгруппированы вокруг нескольких ключевых проблем.

1. Проблемы генезиса и эволюции постмодернизма в литературах ЦЮВЕ были освещены в докладах А.А. Гугнина – "Постмодернизм: единство и многовариантность (ФРГ, ГДР, Сербская Лужица)"; Ю.П. Гусева – "Постмодернизм в венгерской литературе"; З.И. Карцевой – "На мелководье (к вопросу о волнах постмодернизма в болгарской прозе)"; С.Н. Мещерякова – «У истоков сербского постмодернизма: "Мансарда" Д. Киша»; Ю.А. Созиной – «Постмодернизм в современной словенской литературе как воплощение "духа времени"»; С.А. Шерлаимовой – "От чего к чему? Постмодернизм в современной чешской прозе". 2. К особенностям постмодернистской поэтики обратились в своих докладах Г.Я. Ильина – "Исторический роман постмодерна и его герой (на материале хорватской литературы 1980–90-х гг.)"; Е.Н. Ковтун – "Фантастика в эпоху постмодернизма (по материалам новейшей чешской литературы)"; М.Б. Проскурнина – "Проблема интертекста в македонской постмодернистской прозе 1980–1990-х гг."; Н.Н. Старикова – "Постмодернизм: мода или необходимость? (словенская проза 1980–1990-х гг.)"; Н.Ю. Стефанович – «Элементы поэтики постмодернизма в романах Т. Конвицкого "Бохинь" и "Чтиво"»; Л.Ф. Широкова – «"Поиски потерянного автора" – постмодернизм в словацкой прозе 1980–1990-х гг.». 3. Национальная критика о постмодернизме стала объектом исследования в сообщении Ю.В. Богданова "Постмодернизм в словацкой критике 1990-х гг."

Однако в ходе обсуждения из этих общих блоков выделились наиболее актуальные проблемы, содержащиеся в отдельных выступлениях и порождающие самые разнообразные оценки. Одна из главных проблем, неизбежно возникающих при разговоре о постмодернизме, связана с необходимостью разграничить различные его трактовки. Уже во вступительном слове С.А. Шерлаимова подчеркнуто, что это явление современной

литературы можно понимать по-разному. С одной стороны, это сумма приемов, и в этой связи можно говорить о постмодернизме как о литературном течении. С другой стороны, постмодернизм понимается и как глобальная литературная теория. Кроме того, постмодернизм может быть назван и философией.

О нескольких смысловых уровнях постмодернизма говорила и Е.Н. Ковтун, выделяя, во-первых, постмодернизм как модное литературное течение; во-вторых, как стиль эпохи, как выражение духа времени; в-третьих, как характеристику определенного этапа развития человеческого сознания. Такие же вопросы ставил в своем сообщении А.А. Гугнин. Что есть постмодернизм? Мода это или объективная закономерность развития искусства XX в.? Можно ли разделить "чистый" постмодернизм и собственно использование постмодернистских приемов?

Все эти вопросы вызвали оживленную дискуссию, итогом которой стал принятый большинством участников Круглого стола тезис о том, что "чистого" постмодернизма не существует, как не было до него "чистого" реализма, модернизма и др. Однако мнения относительно того, является ли постмодернизм в литературах ЦЮВЕ лишь следованием моде или необходимой закономерностью эволюции литературы, все же разделились. В связи с этим чрезвычайно важным оказался вопрос об истоках постмодернизма в национальных литературах ЦЮВЕ, а также о критериях национального своеобразия постмодернизма в литературах региона. И существует ли вообще восточноевропейская модель постмодернизма?

Участники Круглого стола попытались определить причины появления постмодернизма в литературах бывших социалистических стран. Так, Н.Н. Пономарева высказала мысль о том, что в болгарской литературе постмодернизм возник как реакция на стремление официальной критики и официальных литературных кругов унифицировать традиционные реалистические формы литературы, не дать развиваться иным, новым формам литературы, в том числе и постмодернистским.

Н.Н. Пономареву поддержал и Ю.П. Гусев, размышляя о специфике западного и восточного постмодернизма и полагая, что в литературе и литературоведении Запада постмодернизм был и остается органическим следствием литературного развития. Но в Восточной Европе постмодернизм "в очень большой степени является плодом

реакции на идеологическую и эстетическую несвободу, чрезмерную регламентацию творчества, жесткий контроль со стороны тоталитарного государства. Постмодернизм в его западном варианте маловероятен в восточноевропейских литературах уже потому, что здесь литература всегда была и остается слишком социологизированной, идеологизированной и политизированной. Читательское и писательское сознание едва ли способно столь легко и быстро перестроиться и видоизмениться, чтобы без внутреннего сопротивления воспринять принципы западного постмодернизма".

Иную точку зрения на природу восточноевропейского постмодернизма высказал А.А. Гугнин: «Для постмодернизма еще большую почву, чем на Западе, имеют бывшие соцстраны, поскольку крушение социалистической системы обнаружило в них больше абсурда, чем на Западе. Поэтому настоящая почва постмодернизма – это "бывший восточный блок"».

Не менее острая полемика возникла вокруг проблемы национальных вариантов постмодернизма. Одни из выступающих полагали, что постмодернизм, оказываясь принципиально плюралистичным, открытым, эмоционально спонтанным явлением и отличаясь тенденциями глобализации и универсализации, лишен какой бы то ни было национальной определенности. Другими была высказана противоположная точка зрения: национальное своеобразие постмодернизма следует искать в предыдущей истории каждой из литератур, поскольку именно там можно обнаружить специфику собственного внутреннего движения отдельной литературы к какой-то точке постмодернизма. В каждую из литератур ЦЮВЕ постмодернизм проникает в разное время и преимущественно с молодым поколением, пытающимся осмыслить именно национальные коллизии.

Круглый стол "Постмодернизм в литературах Центральной и Юго-Восточной Европы: за и против" полностью оправдал свое название, еще раз высветив далеко не однозначное отношение современных исследователей к постмодернизму в литературах ЦЮВЕ. Однако это ни в коей мере не помешало дискуссии, а, наоборот, активизировало ее, сделало еще более интересной, яркой и плодотворной.

Юбилей Галины Павловны Мурашко

3 января 2002 г. – знаменательная дата в жизни ведущего научного сотрудника Института славяноведения РАН, доктора исторических наук Галины Павловны Мурашко, ее юбилей.

Г.П. Мурашко – известный в России и за рубежом ученый-славист, исследователь истории Чехословакии и восточноевропейского региона после Второй мировой войны. Ее перу принадлежат шесть монографий, главы в коллективных трудах, многочисленные научные статьи. Диапазон исследовательских интересов Г.П. Мурашко весьма широк: социально-экономические проблемы ускоренной модернизации Чехословакии и стран региона, общественно-политические процессы в Восточной Европе в первые послевоенные годы, история становления режимов советского типа в странах "восточного блока", конфессиональная политика и проблемы взаимоотношений церкви и государства в 40–50-е годы XX в. и многие другие.

Присущие Галине Павловне научная смелость, выражающаяся в обращении к острым и дискуссионным проблемам истории социалистического этапа в развитии региона, исследовательский азарт, настойчивость в архивных изысканиях в полной мере проявились в последнее десятилетие, когда она возглавила Научный центр по истории сталинизма в Восточной Европе.

Значительный резонанс среди специалистов получила коллективная монография с участием Г.П. Мурашко "Народная демократия: миф или реальность? Общественно-политические процессы в Восточной Европе в 1944–1948 гг." (М., 1993). Предложенная авторами оригинальная концепция народной демократии как переходного, поливариативного общества, вызвав дискуссии в научной среде, нашла своих сторонников и используется преподавателями Московского, Бухарестского, Минского университетов и ряда университетов США при подготовке специалистов-историков.

Руководимый Г.П. Мурашко коллектив Центра, откликаясь на вызовы времени, проводит активную и последовательную работу по созданию новой источниковой базы исследований истории социалистического периода в развитии стран восточноевропейского региона. В арсенал отечественных и зарубежных исследователей весомо вошли такие публикации Центра как: «НКВД и польское подполье. 1944–1945 гг. (По "особым папкам" И.В. Сталина)» (М., 1994); "Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953 гг.". Т. I–II (М.; Новосибирск, 1997–1998); "Три визита А.Я. Вышинского в Бухарест, 1944–1946" (М., 1998); "Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953". Т. I–II (М., 1999–2002); "Из Варшавы. Москва, товарищу Берия... Документы НКВД СССР о польском подполье. 1944–1945" (М.; Новосибирск, 2001).

В ближайшее время выходит из печати подготовленная в Центре коллективная монография "Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. 1949–1953 гг.", где впервые в отечественной историографии и на новой источниковой базе исследованы проблемы формирования партийно-государственной номенклатуры, установления информационно-блокады региона, политические репрессии и роль советских советников в утверждении режимов.

По инициативе Г.П. Мурашко в Центре начата работа над научным проектом "Отношения государства и церкви в Восточной Европе в условиях тоталитарных режимов и Москва. 1944–1956 гг.". Галина Павловна отдает много сил организации исследовательского процесса, выработке концепции и структуры нового труда.

О значительном вкладе в науку Г.П. Мурашко – вдумчивого исследователя, опытного публикатора и серьезного интерпретатора документов политической истории новейшего времени шла речь на состоявшемся 15 января 2002 г. заседании Ученого совета Института славяноведения РАН, посвященном юбилею. Коллеги и друзья отмечали, что Галина Павловна – один из ветеранов Института и его горячий патриот – пользуется заслуженным авторитетом и уважением коллектива. Характерные для нее неравнодушные к окружающим, умение сопереживать и готовность помочь в полной мере раскрылись в те годы, когда Г.П. Мурашко возглавляла профком Института. Эти качества проявляются и в настоящее время в контактах с молодыми научными кадрами, в сотрудничестве с учеными ближнего и дальнего зарубежья, с коллегами по работе.

Свой юбилей Г.П. Мурашко встречает признанным ученым, полным энергии и настроенным на реализацию научных замыслов. Друзья и коллеги желают Галине Павловне здоровья, бодрости, новых творческих свершений.

Славяноведение, № 3

К 75-летию Тофика Муслимовича Исламова

1 мая 2002 г. исполнилось 75 лет Тофику Муслимовичу Исламову, доктору исторических наук, ведущему научному сотруднику Института славяноведения РАН, крупнейшему российскому специалисту по истории Австрии и Венгрии, проблемам международных и международных отношений в Центральной Европе в новое и новейшее время.

Т.М. Исламов родился в мае 1927 г. в Баку в семье железнодорожного служащего. По окончании средней школы поступил на истфак Азербайджанского госуниверситета. Уже в то время проявились его незаурядные способности. В числе наиболее сильных студентов он был направлен в Ленинград для продолжения образования в ЛГУ.

Т.М. Исламову очень повезло с учителями. В Ленинграде это были Е.В. Тарле, О.Л. Вайнштейн, Н.П. Полетика. Позже, в Москве, он учился у Н.Е. Застенкера, А.С. Ерусалимского, Е.И. Рубинштейн, под руководством которой выполнил кандидатскую диссертацию, Б.Ф. Поршнева и А.З. Манфреда, рядом с которыми работал в Институте истории АН СССР. В начале 1950-х годов, когда в советском гуманитарном знании господствовала сталинская ортодоксия, основы марксизма молодому аспиранту Т.М. Исламову преподавал не кто-нибудь, а полуоупальный в то время М.А. Лифшиц, широко образованный философ и эстетик, ближайший друг и единомышленник Д. Лукача, одного из крупнейших марксистов XX в. Пожалуй, наибольшее влияние среди учителей оказал на Т.М. Исламова В.М. Турок-Попов, человек удивительной биографии, выдающийся знаток истории Австрии (Тофик Муслимович оставил о Владимире Михайловиче интересные воспоминания, см.: Славяноведение. 1995. № 1).

С начала 1950-х годов в СССР, в силу хорошо известной политической конъюнктуры, все большее внимание стало уделяться изучению истории стран "народной демократии". Вводятся новые специализации на истфаке МГУ, а также в аспирантуре Института истории АН СССР. Причем если историческая славистика имела не только давнюю и богатую традицию в России, но и определенную институциональную базу в Советском Союзе того времени (с 1939 г. в МГУ существовала кафедра истории южных и западных славян, а в 1947 г. был образован Институт славяноведения АН СССР), то совсем по-иному обстояло дело с историей Венгрии, Румынии, Албании. Начинаящим историкам, которым было предложено избрать эти страны в качестве предмета изучения, было гораздо труднее получить консультации опытных мэтров, приходилось больше рассчитывать на собственные силы, идя во многих случаях по историографической целине (контакты с коллегами в самих изучаемых странах, обмен необходимой научной литературой налаживаются несколько позже).

Т.М. Исламов избирает темой своих студий внутриполитическую борьбу в Венгрии в эпоху кризиса австро-венгерского дуализма. Из кандидатской диссертации, защищенной в 1955 г. в Институте истории АН СССР, выросла его первая (более 400 стр.) монография "Политическая борьба в Венгрии в начале XX века" (М., 1959). Ее логическим продолжением стала

капитальная монография "Политическая борьба в Венгрии накануне Первой мировой войны. 1906–1914" (М., 1972), защищенная в 1973 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР как докторская диссертация. Будучи переведена (в сокращенном варианте) на венгерский язык, она была опубликована в Венгрии в 1976 г.

Уже в начале 1960-х годов научные интересы Т.М. Исламова распространяются на историю XIX в. и даже конца XVIII в., причем история Венгрии занимала ученого в широком плане, как история земель венгерской короны в структуре монархии Габсбургов и как история венгерского этноса в его тесных взаимоотношениях с соседними (немецким, славянскими, восточнороманским) этносами. В 1960-е годы сначала в недрах Института истории АН СССР, а после большой реорганизации 1968 г. в составе Института славяноведения и балканистики АН СССР (куда приходит и Т.М. Исламов) велась работа над "Историей Венгрии" и "Историей Румынии". Т.М. Исламов пишет обширные разделы в этих трудах. В "Истории Румынии. 1848–1917" (М., 1971) его перу принадлежат, в частности, главы по истории Трансильвании, относившейся к землям венгерской короны. Являясь ответственным редактором второго тома "Истории Венгрии" (М., 1972. Т. 1–3), он проделал также огромную авторскую работу – в одиночку либо в соавторстве им было написано подавляющее большинство глав этого фундаментального труда, нашедшего позитивный отклик в Венгрии. Над синтетическими страноведческими трудами Т.М. Исламов работал и позже – достаточно назвать "Краткую историю Венгрии. С древнейших времен до наших дней" (М., 1991), написанную им совместно с В.П. Шушариным и А.И. Пушкашем. Вклад Т.М. Исламова в унгаристику был отмечен рядом венгерских правительственных наград.

Вместе с тем в середине 1970-х годов главный акцент в деятельности Тофика Муслимовича перемещается со страноведческих на сравнительно-исторические исследования. В это время в Институте славяноведения и балканистики было предпринято издание многотомной серии "Центральная и Юго-Восточная Европа в эпоху перехода от феодализма к капитализму: Проблемы истории и культуры". Т.М. Исламов включился в работу над книгами этой серии, ему принадлежит принципиально важные разделы в двухтомной коллективной монографии "Освободительные движения народов Австрийской империи" (М., 1980–1981), посвященные не только венгерскому национальному движению, но и внешнеполитическому аспекту истории полиэтничной империи. Главы о месте и роли монархии Габсбургов на международной арене предвосхитили более поздние работы Т.М. Исламова по истории внешней политики Австро-Венгрии. Интересовали Т.М. Исламова и проблемы этнической истории – формирования наций, национального сознания и самоопределения. В другом коллективном труде той же серии, "У истоков формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе" (М., 1984), он проследил длительную эволюцию венгерской политической нации ("natio hungarica"), включавшей в себя, согласно господствовавшей на протяжении веков дворянской идеологии, представителей разных народностей, населявших королевство Венгрия, к нации в современном понимании (статья Т.М. Исламова по этой теме опубликована и в США).

В 1978 г., после смерти И.С. Миллера, Т.М. Исламов возглавил сектор (затем отдел) новой истории стран Центральной Европы, которым руководил около двух десятилетий. Он попытался создать на базе сектора первый и единственный в России комплексный центр по изучению Австрийской империи (Австро-Венгрии), в полной мере, однако, этот проект реализовать не удалось. Т.М. Исламов, отнюдь не идеализируя габсбургские порядки, вместе с тем в своих работах хотел показать противоречивость исторического процесса, никогда не вписывающегося в заданные формулы. Особое внимание он уделял попыткам реформирования системы межнациональных отношений как в масштабе всей монархии, так и в отдельных ее частях, тщательно анализируя при этом причины неудач тех или иных вариантов федерализма. Активизация национальных движений, усиление центробежных тенденций в монархии Габсбургов вынуждали имперские власти Вены искать компромиссные решения (австро-венгерское соглашение 1867 г.). Оценивая роль венгерского фактора в монархии, Т.М. Исламов, с одной стороны, отмечал его консолидирующее значение в условиях вызова пангерманизма и панславизма. С другой стороны, он признавал, что зачастую в первую очередь именно Будапештом блокировалась выработка иных, возможно, более совершенных способов организации средне-европейского пространства. Само соглашение дома Габсбургов с Венгрией также дало трещину, перестав к началу XX в. удовлетворять обе стороны. Поиски новых форм отношений между двумя имперскими центрами были прерваны Первой мировой войной.

Сосредоточившись на общих проблемах истории Австро-Венгрии, ее внутренней и внешней политики, отношений с Российской империей, Т.М. Исламов опубликовал целый ряд статей, главы в коллективных трудах ("Международные отношения на Балканах. 1856–1878". М., 1986, и др.). Под его редакцией вышел сборник "Нация и национальный вопрос в странах

Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XIX – начале XX века" (М., 1991). С изучением Т.М. Исламовым австро-венгерской истории в новое время тесно связан его интерес к средневропейской идее и ее судьбам в истории отдельных народов этого региона. Некоторые замыслы Тофика Муслимовича были реализованы им с помощью учеников. Так, в 1990-е годы были подготовлены и вышли в свет проблемные сборники "Национализм и формирование наций: Теории – модели – концепции" (М., 1994), "Австро-Венгрия. Опыт многонационального государства" (М., 1995); "Центральная Европа как исторический регион" (М., 1996), "Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика" (М., 1997), "Авторитарные режимы в Центральной и Восточной Европе (1917–1990-е годы)" (М., 1999). Сборник "Центральная Европа в новое и новейшее время" (М., 1998) коллеги и ученики посвятили 70-летию Тофика Муслимовича. Т.М. Исламов и его единомышленники последовательно отстаивают необходимость комплексного регионального подхода к центрально-европейской истории, где судьбы славянских и неславянских народов были тесно переплетены.

В последнее десятилетие круг научных интересов Т.М. Исламова охватывает XVIII–XX вв. Можно указать на его статью о роли русско-прусско-австрийского альянса в первом разделе Польши в сборнике "Польша и Европа в XVIII веке. Международные и внутренние факторы разделов Речи Посполитой" (М., 1999). Им опубликован ряд статей по проблематике Первой мировой войны, в частности, статьи о предпосылках и последствиях распада Австро-Венгрии в коллективных трудах "Первая мировая война и ее последствия" (М., 1996), "Первая мировая война: Пролог XX века" (М., 1998).

С начала 1990-х годов, когда было снято табу с изучения острых национально-территориальных конфликтов в Восточной Европе, Т.М. Исламов в числе первых обратился к выявлению исторических истоков некоторых из них. Важным вкладом в науку явились опубликованные в России и Венгрии его подлинно новаторские работы (по большей части выполненные в соавторстве с Т.А. Покивайловой) о румыно-венгерском споре из-за Трансильвании в условиях Второй мировой войны и послевоенного формирования ялтинско-потсдамской системы (см. очерки и главы в коллективных трудах "Очаги тревоги в Восточной Европе (Драма национальных противоречий)" (М., 1994); "Война и политика. 1939–1941" (М., 1999); "Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг." (М., 1999), а также в "Вестнике РГНФ" (1997. № 9) и др.). Основанные на скрупулезном изучении документов АВПР, эти работы рассматривают румыно-венгерские территориальные противоречия в контексте отношений великих держав. Венцом многолетней работы на этом направлении явился сборник документов "Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946" (М., 2000), вызвавший международную дискуссию, к которой подключился даже министр иностранных дел Румынии и бывший премьер-министр этой страны Петре Роман (см.: "Новая и новейшая история". 2000. № 6).

Т.М. Исламов также участвовал в публикации архивных документов по истории стран Восточной Европы после Второй мировой войны и особенно венгерских событий 1956 г., его статья по историографии венгерского восстания вызвала дискуссию (см.: "Вопросы истории", 1997. № 11; 1998. № 10). В настоящее время совместно с австрийскими коллегами он осуществляет научный проект "Деятельность Союзной Контрольной Комиссии в Австрии в документах российских архивов. 1945–1955".

На протяжении десятилетий Т.М. Исламов – постоянный автор журнала "Новая и новейшая история", членом редколлегий которого является с 1987 г. Его статьи публиковались также в журналах "Вопросы истории", "Свободная мысль", "Россия и современный мир", "Общественные науки и современность", "Славяноведение" и др. Статья "Переход от феодализма к капитализму в Западной, Центральной и Юго-Восточной Европе" (совместно с В.И. Фрейдзонем; "Новая и новейшая история". 1986. № 1) положила начало плодотворной дискуссии с участием ведущих отечественных историков. На широкие теоретические обобщения Т.М. Исламов выходил и в статье "Абсолютизм в странах Западной Европы и в России. Опыт сравнительного изучения" (совместно с Е.В. Гутновой и С.О. Шмидтом; "Новая и новейшая история". 1985. № 3). С другой стороны, Т.М. Исламову приходилось выступать и в научно-популярных жанрах – его перу принадлежат предисловия и послесловия к произведениям венгерской исторической беллетристики (а также рассчитанным на широкую аудиторию книгам профессионалов-историков), опубликованным в русских переводах.

Ученый с международным авторитетом, Т.М. Исламов многократно представлял СССР и Россию на конференциях в разных странах мира. Еще в 1970-е годы он явился одним из основателей совместной комиссии историков СССР и Венгрии, возглавляет российскую часть комиссии историков России и Венгрии, работающей весьма плодотворно. В 1999 г. он стоял у истоков другой совместной комиссии историков – российско-австрийской и в последнее время

отдает ей немало сил. Тесные связи Тофик Муслимович поддерживает с американскими научными коллективами, занимающимися историей Австро-Венгрии. В американском "Ежегоднике австрийской истории" и ряде других научных изданий США опубликованы его статьи об отношениях России и Австро-Венгрии в условиях Восточного кризиса конца 1870-х годов, о российской историографии монархии Габсбургов и т.д. Работы Т.М. Исламова многократно выходили в Венгрии, Австрии и ряде других средневропейских стран.

В свои 75 лет Тофик Муслимович полон творческих сил и новых замыслов. В 2001 г. журнал "Новая и новейшая история" (№ 2, № 5) опубликовал его концептуальные статьи по истории империи Габсбургов в XVI–XX вв., явившиеся итогом многолетних штудий. Вышла в свет книга «Европейские революции 1848–1849 гг. "Принцип национальности" в политике и идеологии» с участием Т.М. Исламова. Идет работа над коллективными монографиями «От "лоскутной империи" до двуединой монархии. Очерки истории государства Габсбургов» и "Государство – общество – реформы в Европе Нового времени". Пишутся главы в очередной том "Истории Европы" и новые коллективные труды по истории Первой и Второй мировых войн.

Свою эрудицию и профессиональные навыки Т.М. Исламов передает молодому поколению историков – не только России, но и зарубежных. С начала 1970-х годов он пишет разделы для учебных пособий по новой истории и историографии этого времени, в настоящее время читает курс истории славянских народов в Государственном университете гуманитарных наук в Москве, выступал с лекциями в Центрально-Европейском университете в Будапеште и в Венском университете. Уже три десятилетия Тофик Муслимович работает с аспирантами, многие его ученики защитили под его руководством диссертации.

© 2002 г. А.С. Стыкалин

Коллектив Института славяноведения РАН, редколлегия и редакция журнала "Славяноведение" желают юбиляру здоровья, новых творческих сил и свершений.

Славяноведение, № 3

К 70-летию Юрия Васильевича Богданова

Имя крупнейшего русского словакиста Юрия Васильевича Богданова, родившегося 25 февраля 1932 г. в Ленинграде и после окончания МГУ связавшего свою жизнь с Институтом славяноведения, прочно ассоциируется с истинно современным уровнем исследований и пропаганды словацкой литературы в нашей стране. Он бесспорный лидер среди ученых, показавших ее как самобытное и яркое явление в ряду других европейских литератур.

Ю.В. Богданов – литературовед, что называется от Бога, мастер тонких и точных формулировок, великолепный стилист, профессионально владеющий пером. Он глубоко анализирует литературный процесс, учитывая комплекс факторов, определяющих его общую картину; великолепно чувствует индивидуальность писателя. В его работах, основанных в сущности на традиционных методах анализа, практически нет штампов, общих мест. Примелькавшиеся термины и понятия оживают, наполняются чувством и новым смыслом, – как оживают стертые слова у поэтов. Его статьи из тех, что способны пробудить вкус, вызвать интерес к литературе и ее творцам.

Ю.В. Богданов – один из редакторов и основных авторов "Истории словацкой литературы" (М., 1970), написавший разделы "Литература 1918–1944 гг.", монографические главы о Л. Новомеском, П. Илемницком. Ряд глав по литературе XIX в. был написан его женой и соратницей Ириной Александровной Богдановой. Сосредоточившись сначала на межвоенном периоде, Ю.В. Богданов со временем расширил сферу своих исследований, углубившись как в прошлое, так и в современность. В трехтомной "Истории литератур западных и южных славян" (М., 2001. Т. 3) он написал главы, посвященные словацкой литературе рубежа XIX–XX вв.; в двухтомной

"Истории литератур Восточной Европы после Второй мировой войны" (М., 1995. Т. 1; М., 2001. Т. 2) – 1950–1980-х годов. Таким образом, им охвачен путь и создана современная концепция развития всей словацкой литературы за последнее столетие, наиболее сложное и плодотворное. Словацкая культурная среда в это время дала не только оригинальные варианты общеевропейских художественных явлений – символизма, соцреализма, сюрреализма, ставшего, как пишет Ю.В. Богданов, "своего рода эстетической крепостью, гуманистическим убежищем", для писателей, оппозиционно настроенных к тоталитарным режимам разного толка. Она выдвинула в 1930–1940-х годах и собственное течение "лиризованной прозы" или "натуризма", которое, может быть, как никакое другое отвечает духу Словакии, магии ее долин, ущелий, гор, служивших приютом мирным пастырям и легендарным разбойникам. Оно олицетворяет и трепетное отношение словаков, чей язык В. Незвал сравнивал с "языком пастухов и поэтов", к своей природе, и их веру в некие патриархальные основы жизни. В последнее время Ю.В. Богданов с присущей ему тонкостью и тактом разрабатывает актуальную проблему национальной самоидентификации словацкого народа, всегда волновавшую писателей и ученых, но лишь недавно получившую право на открытое обсуждение. Ей посвящены статья "Фактор национального самосознания в словацкой литературе 70–80-х годов" в сборнике "Поэтика и политика" (М., 2000) и доклад на представительной международной конференции "Литературные итоги XX века", состоявшейся в Институте славяноведения РАН 20–22 ноября 2001 г., председателем оргкомитета которой также был Ю.В. Богданов.

Супружеская чета Богдановых много сделала для популяризации словацких писателей в нашей стране, выступая в качестве переводчиков, составителей, авторов предисловий к русским изданиям произведений Л. Новомеского, В. Минача, Й. Цигера-Гронского, И. Габая, Й. Пушкаша, М. Фигули и многих других авторов. Имена Юрия Васильевича Богданова и Ирины Александровны Богдановой давно вошли в словацкие энциклопедии и словари. К пятидесятилетнему юбилею Ю.В. Богданова в Братиславе в 1982 г. был выпущен сборник его статей, переведенных на словацкий язык. О том, что его труды выдержали испытание временем и переоценку ценностей, свидетельствует награждение Ю.В. Богданова в 1997 г. почетной медалью Бьерстерна Бьерсона, присужденной Министерством культуры Словацкой республики за вклад в изучение и популяризацию словацкой литературы в России, не только как исследователя, но и как председателя Клуба любителей литературы и искусства при Обществе дружбы со Словакией. Недавно при активном участии Ю.В. Богданова как организатора, редактора и автора вышел словацко-русский сборник "Милан Растислав Штефаник. Новый взгляд", созданный по материалам конференции о легендарном генерале Штефанике, ученом, политике, легионере, стоявшем вместе с Т.Г. Масариком у истоков независимой Чехо-Словацкой государственности.

Ю.В. Богданов обладает огромным опытом научно-организационной и административной работы. Он вел ее в качестве Ученого секретаря, а затем и заместителя директора Института более двадцати лет в 1960–1980-е годы. И в том, что "годы застоя" не стали застойными для нашего Института есть и немалая заслуга Ю.В. Богданова. Сейчас уже мало кто знает, сколько времени, нервов и сил тратил этот человек, чтобы сохранить наш Институт в целостности и сохранности, чтобы ученые могли заниматься фундаментальными исследованиями, а не "борьбой с буржуазной идеологией" и другой "охотой за ведьмами". И многое удавалось. Сотрудники Института свободно ездили на семинары к опальному Ю.М. Лотману в Эстонию, публиковались в знаменитых Тартуских сборниках, обследовали в поисках "славянских древностей" Полесье, занимались словообразованием, углублялись в "формалистические" авангардные течения, которые наш Институт "реабилитировал" много раньше других. Обращаясь же к проблематике соцреализма, наши литературоведы трактовали его по-своему, как нечто "открытое" и "безбрежное", размывая тем самым принципы "самого прогрессивного метода эпохи" и защищая свободу творчества.

В нашем Институте всегда царила более вольготная атмосфера, чем в других гуманитарных учреждениях СССР. А когда и у нас случались разборки с "инакомыслящими", то Юрий Васильевич практически всегда выступал на стороне защиты, а не обвинения.

Преданный делу, влюбленный в Словакию, ее культуру и народ, Ю.В. Богданов умеет ценить маленькие радости жизни – природу, рыбалку, ночной костер на речном берегу, шахматы. Сын генерала, он абсолютно лишен черт генеральского сына.

Свой юбилей Ю.В. Богданов встретил на творческом подъеме, и пусть этот подъем продолжается как можно дольше!

Новые издания Института славяноведения РАН

В 1999–2001 гг. в Институте славяноведения РАН вышли следующие издания:

*Автопортрет славянина. М., 1999.

Авторитарные режимы в Центральной и Восточной Европе (1917–1990-е годы). Центральноевропейские исследования. М., 1999. Вып. 1.

Васильев М.А. Язычество восточных славян накануне крещения Руси: Религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром. Языческая реформа князя Владимира. М., 1999.

Власть и интеллигенция. Культурная политика в странах Центральной и Восточной Европы. 1920–1950-е годы. М., 1999. Вып. 3.

Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939–1941 гг. М., 1999.

*Геннадийос. К 70-летию академика Г.Г. Литаврина. М., 1999.

Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. М., 1999.

*Греческая культура в России. XVII–XX вв. М., 1999.

Дмитриев М.В., Заборовский Л.В., Турилов А.А., Флоря Б.Н. Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI – первой половине XVII в. Ч. II: Брестская уния 1596 г. Исторические последствия события. М., 1999.

Коровицына Н.В. Среднее поколение в социокультурной динамике Восточной Европы второй половины XX в. М., 1999.

**Лабынцев Ю.А., Шавинская Л.Л.* Белорусско-украинско-русская православная книжность межвоенной Польши: Исследования и публикации. М., 1999.

Македония: проблемы истории и культуры. М., 1999.

Мир звучащий и молчащий. Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М., 1999.

*Польша и Европа в XVIII в. М., 1999.

Славянские этюды. Сборник к юбилею С.М. Толстой. М., 1999.

*Славянский альманах. 1998. М., 1999.

Фрейдзон В.И. Нация до национального государства. Историко-социологический очерк Центральной Европы XVIII в. – начала XX в. Дубна, 1999.

**Аксенова Е.П.* Очерки из истории отечественного славяноведения. 1930-е годы. М., 2000.

*А.С. Пушкин и мир славянской культуры. М., 2000.

*Балто-славянские исследования. 1998–1999. М., 2000.

Белова О.В. Славянский бестиарий. Словарь названий и символики. М., 2000.

**Бернштейн С.Б.* Из проблематики диалектологии и лингвогеографии. М., 2000.

Век Екатерины II. Дела балканские. М., 2000.

**Головачева А.В.* Стереотипные ментальные структуры и лингвистика текста. М., 2000.

**Задорожнюк Э.Г.* Социал-демократия в Центральной Европе. М., 2000.

**Калиганов И.И.* Георгий Новый у восточных славян. М., 2000.

**Кирилина Л.А.* Словенцы и революция 1848–1849 гг. М., 2000.

*Книга в пространстве культуры. М., 2000.

- Лабынцев Ю.А., Шавинская Л.Л.* Православная литература белорусов современной Польши. М., 2000.
- * *Маркович Д.Ж.* Разговор с друзьями. М., 2000.
  - * Международные организации и кризис на Балканах. Документы. М., 2000. Тома I, II.
  - * *Плотникова А.А.* Словари и народная культура. Очерки славянской лексикографии. М., 2000.
  - * Политика и поэтика. Сб. статей. М., 2000.
  - Поляки и русские в глазах друг друга. М., 2000.
  - Поляки и русские. Взаимопонимание и взаимонепонимание. М., 2000.
  - * Русская и украинская дипломатия в Евразии: 50-е годы XVII века. М., 2000.
  - Славяно-германские исследования. М., 2000. Т. 1–2.
  - * Славянские народы: общность истории и культуры. М., 2000.
  - * *Хаванова О.В.* Нация, отечество, патриотизм в венгерской политической культуре: движение 1790 года. М., 2000.
  - * Центральная Европа в поисках новой региональной идентичности. М., 2000.
  - * *Гугнин А.А.* Серболужицкая литература XX века. М., 2001.
  - * Из Варшавы: Москва, товарищу Берия. Документы НКВД СССР о польском подполье. 1944–1945 гг. М.-Новосибирск, 2001.
  - * Институт славяноведения. 1999–2000. М., 2001.
  - * Исследования по славянской диалектологии. 7. М., 2001.
  - * История литератур западных и южных славян. М., 2001. Т. 3.
  - * *Костюшко И.И.* Польское национальное меньшинство в СССР (1920-е годы). М., 2001.
  - * *Молошина Т.Н.* Грамматические категории глагола в современных славянских литературных языках. М., 2001.
  - * *Николаев С.Л., Толстая М.Н.* Словарь карпатоукраинского торуньского говора. М., 2001.
  - * *Смирнов Л.Н.* Словацкий литературный язык эпохи национального возрождения. М., 2001.
  - * *Стыкалин А.С.* Дьердь Лукач – мыслитель и политик. М., 2001.
  - * *Фрейдзон В.И.* История Хорватии. М., 2001.

Книги, отмеченные звездочкой, Вы можете приобрести по адресу: 117334, Москва. Ленинский пр-т, 32А, корп. В, Институт славяноведения РАН, комн. 921. Тел. (095) 938-54-66, Гурьева Маргарита Васильевна. Только за наличный расчет.

CONTENTS

ARTICLES

<i>Lobanova M. (Kharkov)</i> . Balkan Social-Democratic Conferences in 1909 and 1911 and a Question of an Union of Leftists in Bulgaria	3
<i>Stykalin A.S. (Moscow)</i> . Soviet Culture as Percept by the Central European Intellectuals (Second Half of 1940-ies).....	13
<i>Yakushkina E.J. (Moscow)</i> . Contemporary Serbian Dialect Lexicography	23
<i>Bagdasarov A.R. (Moscow)</i> . On Setting of the Norms in the Croatian Literary Language and Language Politic in 1980–1990-ies	40

COMMUNICATIONS

<i>Isaeva O.N. (Saratov)</i> . National Identity of Slavonic Inhabitants of Macedonia in the Beginning of XX Century (Based on Russian Consuls Testimonies).....	50
--	----

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Pashaeva N.M.</i> Славянская учебная библиотека О.М. Бодянского. Каталог	57
<i>Dostal M.Yu. С.В. Смирнов.</i> Отечественные филологи-слависты середины XVIII – начала XX вв. Справочное пособие.....	59
<i>Shablovskaya I.V.</i> История литератур Восточной Европы после Второй мировой войны: В 2-х т. Том второй. 1970–1980-е годы.....	60
<i>Korchagina M.B.</i> Entstalinisierungskrise in Ostmitteleuropa. 1953–1956. Vom 17. Juni bis zum ungarischen Volksaufstand. Politische, militärische, soziale und nationale Dimensionen	65

SCIENTIFIC LIFE

<i>Shvedova N.V.</i> Round Table "An Artist and an Authority. Slavic Culture Figures in Prison and about Freedom".....	67
<i>Proskurina M.</i> Round Table "Postmodernism in the Literatures of Central and South-Eastern Europe: pro and contra"	69

JUBILEES

Towards Anniversary of Galina Pavlovna Murashko	72
Towards 75th Anniversary of Tofik Muslimovich Islamov	73
Towards 70th Anniversary of Yuri Vassilyevich Bogdanov	76
New Publications of the Institute for Slavic Studies, RAS	78

Технический редактор *В.М. Пахомова*

Сдано в набор 11.02.2002	Подписано к печати 28.03.2002	Формат 70 × 100 ¹ / ₁₆		
Офсетная печать	Усл.-печ.л. 6,5	Усл.-кр.-отг. 3,9 тыс.	Уч.-изд.л. 7,3	Бум.л. 2,5
	Тираж 573 экз.	Зак. 5888		

Свидетельство о регистрации № 0110184 от 4 февраля 1993 года
в Министерстве печати и информации Российской Федерации

Учредители: Российская Академия наук, Институт славяноведения и балканистики РАН

Адрес издателя: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 117334, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 938-01-20
Отпечатано в ППП "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6
E-mail: vasilyev@FL09.tower.ras.ru

Индекс 70891

ISSN 0132-1366

Славяноведение, 2002, № 3